

СОДЕРЖАНИЕ**ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

К. Юсупов, А. Янгиров, Р. Ахунов. Опыт исследования воспроизводственного потенциала региона.....	4
Галиуллина Г.Ф. Условия раскрытия потенциала участников государственно-частных проектов в ОПК.....	18

ОТРАСЛЕВЫЕ РЫНКИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ

Косторниченко В.Н. Английский капитал и развитие советской нефтяной промышленности (на примере деятельности компании «Виккерс»)	23
Садриев Р.Д., Гали И.Т. Возможности формирования туристического кластера в Камском регионе Республики Татарстан	30
Насыров И.Н., Штырляева Е.В. Влияние налогообложения дивидендов на состав акционеров	41

РЫНОК ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНОК ТРУДА

Максютина Е.В. Изменяющийся мир труда: вызовы глобальной экономики	47
Толунбек А. Методические подходы к анализу рынка высшего образования в Казахстане: приведет ли сокращение вузов к повышению конкурентоспособности рынка образования?	53
Гадиева М.Б. Экономическое образование в формировании мировоззрения человека	57

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РЕГИОНА

Бессонова Т.В. Региональные особенности формирования казанского мещанства (конец XVIII – первая половина XIX вв.) (продолжение).....	63
Сакаев В.Т. Региональный аспект потерь населения в годы Великой Отечественной войны: кейс Татарская АССР.....	70

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Губанов С. Неиндустриализация России и полемика по поводу ее методов (продолжение)	75
Алпатова Э.С. По следам одной дискуссии	94

ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

A. Yangirov, Doctor of Economics, professor

of Bashkir State University,
macroeconomic development and
public administration department

университета университета

K. Usupov, Doctor of Economics

Honored Scientist of Russian Federation,
professor of Bashkir State
University macroeconomic development
and public administration department

R. Ahunov, Candidate of economic sciences,
docent of Bashkir State University
macroeconomic development and
public administration department

ского государственного университета

A. Янгиров, доктор экономических наук,

профессор кафедры макроэкономического
развития и государственного управления
Башкирского государственного

K. Юсупов, доктор экономических наук

Заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры макроэкономического
развития и государственного управления
Башкирского государственного

университета

P. Ахунوف, кандидат экономических наук,

ДВА, доцент кафедры
макроэкономического развития
и государственного управления Башкир-

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

***Аннотация:** в статье приводится опыт разработки воспроизводственного потенциала региона на основе системных межотраслевых и межрегиональных исследований. В качестве инструмента подобных исследований использован межотраслевой баланс производства и распределения совокупного общественного продукта и национального дохода.*

***Ключевые слова:** воспроизводственный потенциал региона, совокупный общественный продукт, национальный доход, региональный продукт*

Концепция исследования воспроизводственного потенциала сводится, во-первых, к полному охвату факторов, формирующих его и, во-вторых, к элиминированию факторов экстенсивного и интенсивного характера. В зависимости от этого производится дифференциация инвестиций на приоритетные направления. Отсюда понятно, что исследования воспроизводственного потенциала представляют собой высшую ступень в реализации задач региональной экономической науки. Поэтому они невозможны без системной увязки многолетних межотраслевых и межрегиональных разработок. В Республике Башкортостан (РБ) еще в период плановой экономики была создана система отчетных межотраслевых балансов производства и распределения совокупного общественного продукта (МОБ) за 1966, 1970 (окаймляющие итоги),

1972, 1977, 1982, 1987гг. (окаймляющие итоги). Анализ МОБ показал, что во второй половине 80-х годов XX века республика по объему совокупного общественного продукта (СОП) в ценах, действовавших в отчетном году, уступала только Украине, Казахстану, Белоруссии, Узбекистану и Азербайджану. Высокий экономический потенциал республики олицетворял народнохозяйственный комплекс, состоящий из 99 отраслей материального производства, представленных в республике собственным производством (по 110 отраслевой классификации), мощных региональных ТЭК, ВПК, АПК и других межотраслевых комплексов. Республика имела четкую специализацию в межрайонном и международном разделении труда. Отрасли территориальной специализации и другие отрасли обеспечивали экономические связи республики буквально со

всеми республиками, краями и областями страны, с десятками зарубежных стран.

На уровне страны, союзных республик, где главным инструментом анализа социально-экономического развития был ежегодно разрабатываемый баланс народного хозяйства (БНХ), быть может, разработка первого МОБ была явлением обычным, а вот на уровне автономной республики это стало очень значительным событием, так как республика впервые распознала себя по всем макроэкономическим параметрам.

Таким образом, была создана платформа для системных межотраслевых и межрегиональных исследований с использованием показателей СОП и национального дохода (НД) (на уровне государственных образований, то есть союзных и автономных республик признавался НД, а на уровне краев и областей – суммарная чистая продукция). На них опирались схемы развития и размещения производительных сил, комплексные программы научно-технического развития, а впоследствии – несколько программ перехода республики к рынку.

Межотраслевые и межрегиональные исследования рассматривали народное хозяйство республики одновременно с двух позиций: как функциональная (единый организм со своими особенностями) и структурная (со своим местом в таксономической иерархии) подсистема народнохозяйственного комплекса страны. На основе рассмотрения региона в качестве функциональной подсистемы открылась возможность анализа важнейших структур и пропорций в народном хозяйстве, а именно: соотношений между материальными затратами и чистой продукцией, промежуточным и конечным продуктом, потреблением и накоплением в национальном доходе, между отраслями и сферами; определения производственной специализации, между сферой материального производства и непродуцирующей сферой, личным и общественным потреблением, потребностями экономики и уровнем торгово-транспортной наценки; накоплением основных и оборотных фондов, амортизацией и выявлением особенностей и факторов производства и др. Подобный подход позволил расширить анализ показателей

экономической эффективности функционирования как по народному хозяйству в целом, так и отраслей, таких как рентабельность по издержкам и фондам, показатели энергоёмкости, материалоемкости и зарплатоёмкости продукции, сравнительная эффективность между отраслями, коэффициенты прямых и полных материальных затрат продукции и услуг, что позволяет прогнозировать и регулировать тенденцию изменения технологических цепочек, управлять внедрением инновационных программ и проектов.

Анализ же региона в качестве структурной подсистемы нацелен на взаимосвязь, взаимозависимость регионов в процессе воспроизводства: территориальная специализация региона и определение его места и роли. На основе соединения преимуществ производственной и вывозной концепций в метод скрещивающихся характеристик с использованием показателей вывоза (включая экспорт), душевого производства в республике, в Уральском и Поволжском крупном районах (в разные периоды Башкирская АССР входила поочередно в названные крупные экономические районы), РСФСР в отраслевом разрезе определена территориальная специализация экономики; с помощью триангуляции первого квадранта МОБ (приведение матрицы межотраслевых связей в два треугольника, верхний из которых отражает максимум связей, а нижний – минимум) получены группы взаимосвязанных отраслей – межотраслевые комплексы – прообразы будущих кластеров. Количественно с помощью рассчитанных коэффициентов оценена степень завершенности, замкнутости комплексов по поставкам промежуточной и потреблению конечной продукции.

Таким образом, анализу и оценке подверглись все стадии регионального воспроизводственного процесса. При этом осознавалась главенствующая роль продукта как связующего звена всех структур и пропорций. Если производимый продукт региона представляет собой совокупный результат всех стадий воспроизводственного процесса, происходящих в нем, то нельзя не признать примат продукта и в реализации воспроизводственного потенциала региона. При этом мы подчеркиваем

двойственный характер общественного продукта: с одной стороны, он является результатом использования других видов потенциалов, а с другой – катализатором активизации видов потенциалов в перспективе.

В соответствии с этим, а также с более полным учетом специфических задач (более ускоренного социального развития) на 1991-2010 гг. выдвигались:

- экономические цели – обеспечение обоснованных темпов роста совокупного общественного продукта и национального дохода республики, кардинальных структурных преобразований общественного производства и неуклонного повышения его эффективности, качественного совершенствования производительных сил на основе глубокой интенсификации, систематического повышения производительности труда, достижения наивысшей экономии общественного труда за счет комплексного развития, повышения доли конечного продукта в производимом в республике СОП с целью увеличения ее вклада в территориальное перераспределение создаваемого в стране национального дохода;

- социальные цели – повышение благосостояния народа на качественно новую ступень, рост реальных доходов, совершенствование системы заработной платы; ускоренный рост общественных фондов потребления за счет более высоких темпов развития общественного потребления; укрепление материально-технической базы отраслей непроизводственной сферы; ликвидация существенного отставания в развитии социально-культурного обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, пассажирского транспорта; вовлечение новых трудовых ресурсов в отрасли обслуживания и совершенствование качественной структуры занятости; повсеместное и полное удовлетворение потребностей жителей города и села во всех видах высококвалифицированного обслуживания; обеспечение активной демографической политики; преодоление существенных различий между городом и деревней; выравнивание условий социального развития по подрайонам республики; принятие конструктивных мер по воссозданию нормальной экологической среды по всей территории республики; достижение рациональных норм потребления по основным продуктам

питания.

Для реализации этих целей в республике впервые среди автономных республик, краев и областей СССР стали решаться задачи с использованием моделей динамического (с обратной рекурсией) МОБ на 1976-1990 гг., а затем – динамического МОБ с элементами оптимизации на 2000-2010 гг. В этих задачах обоснование высоких темпов развития, совершенствование структуры производства, повышение вклада республики в воспроизводство общественного продукта сочетались с достижением уровня непроизводственного потребления и накопления в республике не ниже среднесоюзных. Дело в том, что анализ отчетных МОБ показал, что производительность труда на одного занятого в материальном производстве республики превышала среднесоюзный уровень на 13 пунктов, тогда как по потреблению национального дохода на душу населения республика «не дотягивала» 17 пунктов к обозначенному уровню. Были обоснованы показатели, позволяющие достичь среднесоюзный уровень в потреблении национального дохода, а также разработаны методические подходы, учитывающие нарушение экологического равновесия по большинству параметров предельно допустимых концентраций и обоснованы количественные параметры, на 5 пунктов превышающие среднесоюзный уровень. Логика была такова, что республика с высоким экономическим потенциалом и активным участием в межрегиональном и международном разделении труда не может и не должна жить ниже, чем в среднем по стране. Но вполне реалистическим целям не суждено было сбыться из-за принципиального изменения общественной ориентации социально-экономического развития страны – перехода к рыночной экономике с ее многообразием форм собственности и управления взамен господству государственной собственности в плановой экономике.

Однако накопленная система информации послужила прочной платформой для совмещения показателей планового периода и рыночной экономики. Нами разработана методика перехода от показателей плановой экономики к показателям рыночной экономики, то есть основные макроэкономические показатели по системе БНХ пересчитывались в основ-

ные макроэкономические показатели по системе национальных счетов и обратно. Для этого построена система равенств и неравенств, принимая за основу расчетов показатель национального дохода. Приведем наиболее характерные равенства и неравенства при переходе от МОБ БНХ к МОБ по СНС и обратно.

Равенства и неравенства по МОБ БНХ.

$$\text{СОП} = c + v + m,$$

где c – материальные затраты, включая амортизацию (первый квадрант МОБ БНХ);

$v + m$ – вновь созданная стоимость или национальный доход (третий квадрант МОБ);

где v – необходимый продукт, m – прибавочный продукт.

$$\text{СОП БНХ} \neq \text{НД БНХ}$$

$$\text{НД БНХ} = \text{СОП БНХ} - c$$

Распределенный СОП = ФВ (фонд возмещения – сумма первого квадранта по строкам) + ФП (фонд потребления) + ФН (фонд накопления), включая возмещение выбытия основных фондов, потери национального дохода, экспортно-импортное сальдо (ФП и ФН представляют собой сумму строк второго квадранта).

$$\text{УЧП} \neq \text{НД БНХ}$$

$\text{УЧП} = \text{НД БНХ} + A$, где УЧП – условно-чистая продукция, A – амортизация.

$$\text{РНХоб(БНХ)} \neq \text{СОП БНХ}$$

$$\text{РНХоб(БНХ)} = \text{СОП БНХ} + \text{Днс},$$

где РНХоб(БНХ) – региональный народнохозяйственный оборот продукта, Днс – доходы непроизводственной сферы.

Равенства и неравенства по МОБ СНС

$$\text{ВВП} = \text{ВНП} \quad \text{– закрытая экономика}$$

$$\text{ВВП} \neq \text{ВНП} \quad \text{– открытая экономика}$$

$\text{ВВП} = \text{ВНП} - \text{Дофзг} + \text{Дифс}$, где Дофзг – отечественные факторы за границей; Дифс – иностранные факторы в стране.

$\text{ВВП} = \text{ВДС} + \text{НПч}$, где ВДС – валовая добавленная стоимость, НПч – чистые налоги на продукты (расчет ВВП в ценах конечного потребления).

$\text{НД СНС} = \text{ВВП} - A - \text{Кн}$, где Кн – косвенные налоги.

$\text{ЧКП} = \text{ВВП} - A$, где ЧКП – чистый конечный продукт.

Переход от МОБ БНХ к МОБ СНС.

$$\text{СОП БНХ} \neq \text{ССТиУ}, \text{ где ССТиУ – сово-}$$

купная стоимость товаров и услуг (промежуточных и конечных).

$$\text{ССТиУ} = \text{РЭоб(СНС)},$$

где РЭоб(СНС) – оборот продукта региональной экономики.

$$\text{СОП БНХ} = \text{ССТиУ} - \text{Днс}.$$

$$\text{НД БНХ} = \text{НД СНС} - \text{Днс}$$

$$\text{НД БНХ} = \text{ВВП} - A - \text{Днс} - \text{Кн}$$

$$\text{ССТиУ} = \text{РНХоб(БНХ)}, \text{ тогда:}$$

$$\text{РНХоб(БНХ)} = \text{РЭоб(СНС)}.$$

В итоге проведенных расчетов период анализа регионального продукта был доведен до 41 года. Расширились возможности для реальных прогнозов социально-экономического развития. Ведь о воспроизводственном потенциале региона и повышении его вклада в национальную экономику можно вести разговор лишь тогда, если на основе системных исследований накоплена макроэкономическая информация сводных показателей индикативного характера.

Как известно, продукт является основой всего воспроизводственного потенциала региона и в значительной степени определяет темпы и пропорции, а также его динамику. На потенциал продукта влияет множество факторов: основные производственные и непроизводственные фонды, трудовые ресурсы, полезные ископаемые и др. Воспроизводственный потенциал регионального продукта понимается нами с охватом всего воспроизводственного процесса и определяется как совокупная способность экономики региона:

- производить региональный промежуточный и конечный продукт, т.е. производить промышленную и сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство, перевозки грузов, оказывать услуги;
- обращать и потреблять промежуточный и конечный продукт в регионе;
- повышать благосостояние общества в целом и его членов.

В новых условиях принципиально меняются критерии специализации районов. Вместо максимизации общегосударственного эффекта на первое место выходит удовлетворение рыночного спроса и конкурентоспособности производств различных регионов.

Категория воспроизводственного потенциала является не разработанной в региональ-

ной экономике. Более того, даже в разрезе национальной экономики эта категория продолжает оставаться недостаточно разработанной. Следует отметить, что эта проблема не могла решаться полностью в период командно-административного управления, которому были присущи экстенсивный тип воспроизводства и затратный механизм.

Необходимость разработки воспроизводственного потенциала региона можно обосновать с трех позиций: международной, национальной и региональной.

Обоснование с международной позиции связано с ограниченностью всевозможных ресурсов в мировом масштабе, с одной стороны, и необходимостью сбережения ресурсов для будущих поколений – с другой. Позиция в области национальной экономики принимает во внимание исторические, национальные, территориальные и другие особенности Российской Федерации (РФ). В ней исторически слабы традиции демократизма, где централизация достигла небывалых масштабов. В то же время страна располагает огромной компактной территорией, включает в свой состав многие народы, некоторые из которых столетиями жили своим государством. В этой ситуации начало перехода РФ к рыночным отношениям в 90-е годы XX столетия ознаменовало одновременный переход к демократическому государству, то есть выбор единственно возможного варианта вписания в мировое сообщество на основе сочетания принципов централизованного управления с предоставлением широких прав регионам. Мы считаем, что с учетом неоднородности политико-административного устройства РФ она успешно может развиваться только как асимметрическая федерация. В связи с этим следует упомянуть, что РФ состоит из 85 разнородных субъектов, представляющих государства в составе федерации, автономные и административно-территориальные образования. Сolidным обоснованием в плане национальной экономики служит то положение, что расширенное воспроизводство некоторых ресурсов составляет неотъемлемую часть национальной безопасности.

Региональную позицию попытаемся обосновать на примере Республики Башкортостан. В начале 90-х годов XX столетия республика

существенно повысила свой конституционно-правовой статус. В этом плане следует отметить принятие декларации о государственном суверенитете; подписание договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан; принятие Конституции РБ.

На основе этого можно заключить, что республика в конституционно-правовом смысле обрела все атрибуты государственности. Благодаря этому большинство предприятий перешло под юрисдикцию Республики Башкортостан, получены новые импульсы для структурных преобразований в экономике, приняты государственные акты, регулирующие земельные и другие отношения в республике.

Однако возросший конституционно-правовой статус не был подкреплен системой макроэкономических агрегатов, являющихся атрибутами государственности. Речь идет прежде всего об использовании их в прогнозировании и регулировании социально-экономического развития. В результате степень распознанности народнохозяйственного организма оказалась ниже, чем в период командно-административного управления. В числе подобных агрегатов – макроэкономические показатели и балансы. С началом перехода на рыночные отношения, к сожалению, обесценились системные исследования. МОБ не стали разрабатывать. Это – примерно сходно с отношением к «Капитал» у К. Маркса. Тогда как без знания теории воспроизводства невозможно ни понять, ни анализировать рыночную экономику.

На современном этапе на уровне региона-субъекта дефицит на информацию сохраняется. Ежегодно разрабатываемым показателям ВРП присущи принципиальные недостатки типа, в первую очередь, отсутствия материальных затрат и, как следствие, невозможности оценки экономической эффективности воспроизводственных процессов в регионе. В этих условиях МОБ для региона-субъекта имеет непреходящее значение. Он – концептуальная основа для использования моделей разных типов как синтезирующий воспроиз-

водственные процессы всех типов производств.

Исследования воспроизводственного потенциала связаны с интенсивным типом воспроизводства, т.е. рыночной экономикой. При этом проблема обретает сложный социально-экономический смысл в связи с необходимостью экономного использования, сбережения достигнутого потенциала для будущих поколений, сохранения и приумножения культурных ценностей, научно-производственного опыта населения.

Воспроизводственный потенциал региона складывается из различных видов потенциалов:

- накопленное богатство (основные и оборотные фонды, резервы и запасы различного назначения);
- потенциал ресурсов (в свою очередь, ресурсы подразделяются на природно-сырьевые – земля и ее богатства, включая недра, воды,

леса, почвы, учтенные и вовлекаемые в экономический оборот; трудовые – рабочая сила, занятость, безработица, демографическое и миграционное поведение в сферах воспроизводства и пространственных перемещений);

- потенциал воспроизводства регионального продукта в целом и по компонентам;
- инвестиционный потенциал;
- научно-технический потенциал, в том числе инновационный и интеллектуальный;
- рециклинговый потенциал;
- финансовый потенциал;
- теневой воспроизводственный потенциал;
- корректировка объема потенциала региона на состояние экологической безопасности;
- предпринимательский потенциал;
- налоговый потенциал;
- туристско-рекреационный потенциал;
- человеческий потенциал;
- информационный потенциал и др.

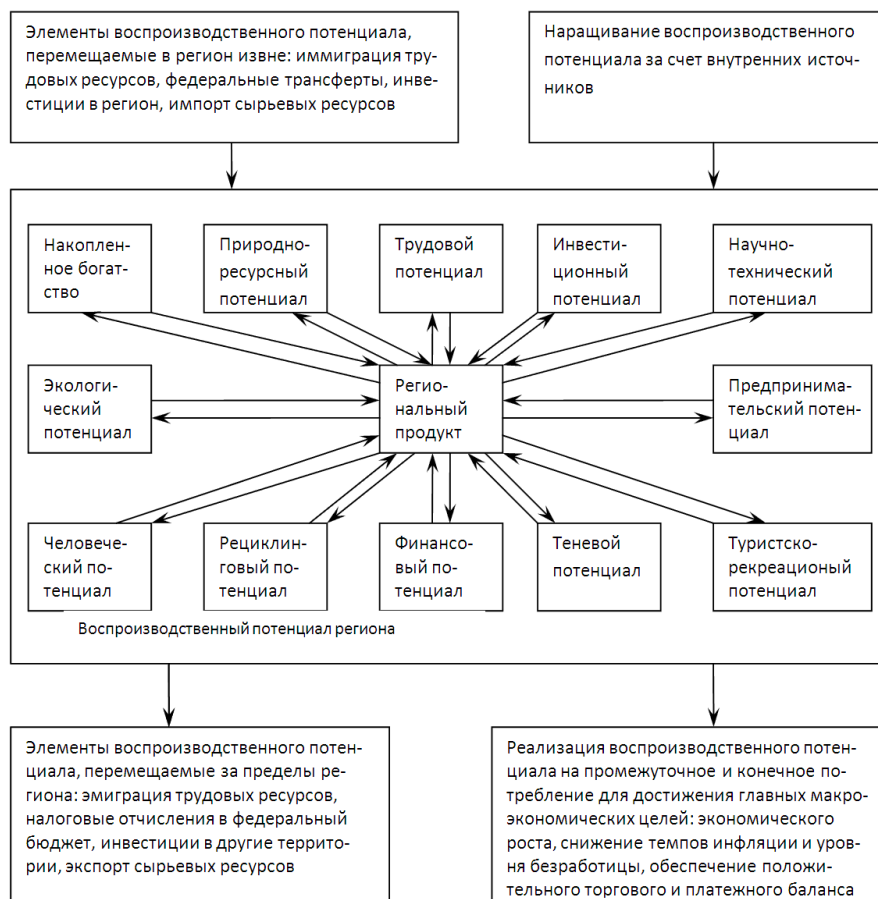

Рис. 1. Схема формирования воспроизводственного потенциала региона

Каждый из этих компонентов – сложное явление и представляет собой целую область экономических исследований. Но изучение их по отдельности не способствует формированию системности в анализе. Теория регионального воспроизводственного потенциала органически объединяет все эти элементы в систему и дает понимание потенциала региона как единого целого с помощью общих

лингвой, финансовый, теневой потенциал и др. В то же время следует отметить, что некоторые элементы потенциала воспроизводства невозможно выразить в стоимостном измерении, например, человеческий потенциал.

По-нашему мнению, воспроизводственный потенциал тесно увязан с понятием “региональная конкурентоспособность”. Конкурентоспособность – это способность компа-

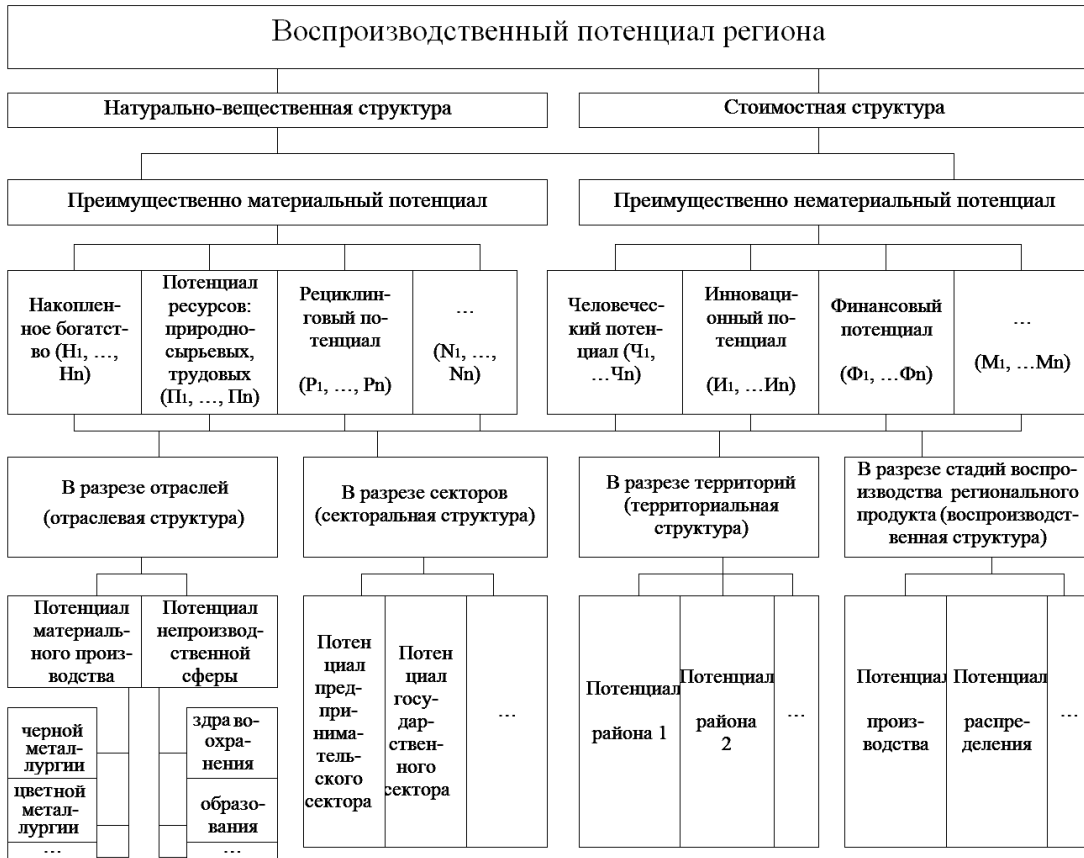

Рис. 2. Структура воспроизводственного потенциала региона

принципов, методов и приемов исследования (рисунки 1 и 2).

Структура воспроизводственного потенциала региона шире структуры баланса национального богатства, который аккумулирует лишь накопленное богатство и потенциал ресурсов. При этом в балансе национального богатства трудовые ресурсы не учитываются. Не учитываются также потенциалы: продукта, инвестиционный, научно-технический, рецик-

ний, отраслей, регионов и наций создавать сравнительно высокий уровень доходов и заработной платы, оставаясь открытыми для международной конкуренции. Другой вопрос – отражение множества форм собственности и управления, столь характерного для рыночной экономики.

Вкратце охарактеризуем некоторые из элементов воспроизводственного потенциала.

Накопленное богатство. По общей стоимости основных фондов республика среди регионов России по состоянию на 1 января 2013 г. занимала 18-е место, а в Приволжском федеральном округе 5-е место, степень износа основных фондов республики достигла 52,1%

Потенциал ресурсов. Республика Башкортостан располагает богатыми природными ресурсами, в том числе нефтью, широкой гаммой черных, цветных и редких металлов, лесом, запасами нерудных ископаемых, пресной воды, плодородными почвами. Ориентировочная стоимость разведанных полезных ископаемых на начало XXI века составляла более 50 млрд долларов. В [1] приводится методика оценки природно-ресурсного комплекса в ВВП, основой которой является группировка ряда отраслей экономики в природно-ресурсный комплекс и расчет их удельного веса в ВВП. В результате сделан вывод, что нарастает удельный вес отраслей, потребляющих и перерабатывающих невозобновляемые природные ресурсы.

Трудовые ресурсы определяются в статистике как число лиц в трудоспособном возрасте без инвалидов плюс количество работающих, находящихся за пределами трудоспособного возраста. Рабочая сила (экономически активное население) определяется как занятые плюс безработные. В 2012 г. численность экономически активного населения составляла чуть более 2-х млн чел. За последние 12 лет Республика Башкортостан сохраняет 7 – 8 места по его абсолютной численности. Удельный вес экономически активного населения республики в общероссийском показателе держится на уровне 2,7%. Расширенное воспроизводство продукта предполагает взаимообусловленность развития экономических и демографических процессов.

Многие характеристики демографической ситуации в РФ повторяются и в регионах. К примеру, в отношении Республики Башкортостан можно отметить, что по данным официальной статистики в 2012 г. естественный прирост населения составил 5,6 тыс. чел., сальдо миграции оказалось отрицательным – 8,8 тыс. чел. (из этого числа более 60% выехали из республики в связи с работой). В результате население республики не увеличивается,

а наоборот, уменьшается и в настоящее время практически балансирует на уровне 4-х млн. чел. Сложилась парадоксальная ситуация, когда в годы кризиса 1990-2000 гг. в республике положительное сальдо миграции было в разы больше (к примеру, в одном только 1995 г. миграционный прирост составил +24 тыс. чел.), чем в относительно благополучные годы 2000-2012 гг.

Разумеется, в период становления рыночных отношений, когда значительная часть трудовых ресурсов оказывается незанятой, эти процессы не могут не оказывать негативного воздействия. Однако в глобальном плане социально-экономического развития республик, консолидации народов, образующих их, трудно переоценить значение положительного сальдо миграции.

Инвестиционный потенциал. Инвестиционные ресурсы определяются как материально-технические, финансовые и нематериальные активы (в нематериальные активы входят обладание правами собственности на объекты промышленности, аккумуляция информации и т.д.). В нашем понимании инвестиционный потенциал региона – совокупность имеющихся материально-технических, финансовых и нематериальных средств (денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, лицензии, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности), которые дают возможность создавать новые или совершенствовать имеющиеся объекты в какой-то сфере. Почти не используется для капитализации средств в России такой важный источник, как личные сбережения, которые во всем мире образуют основу долгосрочных инвестиций. По экспертным оценкам, только 8% сбережений российских граждан поступает в коммерческие банки, а более 80% конвертируется в твердую валюту [2, с.50]. В Республике Башкортостан инвестиции в основной капитал составили в 2012 г. 232873 млн руб.

Научно-технический потенциал. Под научно-техническим потенциалом (НТПт) понимается совокупность ресурсов, необходимых для проведения научных исследований, изобретений, научно-технических нововведе-

ний и т.п. Следует отметить, что НТПт является обобщающей категорией, которая включает в себя научный, образовательный потенциалы, а также часть материально-технической базы страны. В целом вместо сохранения и развития интеллектуального потенциала, которому в мире в настоящее время придается первостепенное значение для социально-экономического развития страны, в России зачастую нерационально используется имеющийся потенциал, наблюдался рост явной и скрытой безработицы специалистов.

Особенности эпохи научно-технической революции состоят в том, что ускорение и качественные изменения в развитии производительных сил происходят на основе увеличения масштабов научных исследований и разработок, усиления связи науки с производством. От состояния научных исследований и разработок зависят успехи в развитии техники и экономики. Таким образом, научно-технический потенциал определяет возможности развития науки и техники и экономического применения их результатов в будущем.

Для оценки инновационного потенциала региона можно использовать следующие показатели:

- выпуск патентно-защищенной продукции;
- выпуск конкурентоспособной на мировом рынке продукции региона в общем объеме работ НИИ и других подразделений инновационной сферы;
- инновационная активность региона (удельный вес инвестиций в инновации, в т.ч. в стадии инновационного процесса).

В Республике Башкортостан более половины инновационно-активных предприятий сконцентрированы в трех отраслях – машиностроении, химии и нефтехимии, пищевой промышленности. Однако объем инновационной продукции не превышает 6 – 7% общего объема продукции по промышленности в целом.

Рециклинговый потенциал. Большие резервы увеличения воспроизводственного потенциала заложены в рециклинговой деятельности. Некомплексное использование на протяжении десятилетий природного сырья, порою дошедшее до степени растранижения национального богатства, привело к накопле-

нию отвалов огромных масштабов. В них лежат ценные компоненты, породы с редкими, легирующими металлами типа вольфрама, ванадия, молибдена, золота и др. Использование достижений научно-технического прогресса позволило бы наладить рецилинг отвалов с последующим использованием отходов этого цикла для строительных и дорожно-строительных работ. В условиях РБ подобные отвалы присутствуют в виде отходов, прежде всего, в городах Учалы и Сибай, Бурибайского, Тубинского рудников, Комарово-Зигазинского железорудного, Куюргазинского бурогоугольного месторождений и др.

Возможности рециклинга заложены также в отходах жилищно-коммунального хозяйства, прочих отраслей производственной сферы (утиль-сырье, макулатура и др.).

Теневой потенциал. Мы придерживаемся той позиции, когда воспроизводственный потенциал региона должен охватывать как официальный, так и теневые потенциалы региона. Теневой воспроизводственный потенциал региона формируется на базе теневого воспроизводственного процесса: теневое производство, теневое распределение, теневой обмен, теневое потребление. Из теневого воспроизводственного процесса складываются возможности теневого накопления.

Корректировка потенциала на экологическую безопасность – это возможности наращивания объемов производства, количества предприятий до предела аварийного загрязнения окружающей среды.

Предпринимательский потенциал. Эта категория включена нами в воспроизводственный потенциал региона, так как отражает потенциал предпринимательских способностей, которые являются фактором производства наряду с трудом, землей, капиталом. Усмановой К.Ф. разработана методика оценки предпринимательского потенциала и проведены конкретные расчеты по отраслям экономики, которые позволили оценить результаты деятельности различных видов предпринимательства. Расчеты свидетельствуют, что в РБ наибольший потенциал предпринимательства имели следующие отрасли: торговля и общественное питание, наука и научное обслуживание, промышленность, строительство [3].

Налоговый потенциал определяется как совокупный объем прогнозируемых (или начисленных) налоговых платежей от юридических лиц и населения. Три группы факторов влияют на налоговую базу и величину собранных налогов: внутренние (дебиторская задол-

говеческого потенциала (ИРЧП) – исчисляется на базе трех показателей: а) долголетия, измеряемого как продолжительность предстоящей жизни при рождении; б) достигнутого уровня образования, измеряемого как совокупный индекс грамотности взрослого насе-

Таблица 1

Принципиальная схема расчета воспроизводственного потенциала региона, млн руб.

Составные части потенциала	Наличие на начало года	В течение года		Наличие на конец года
		Поступление	Выбытие и использование	
1. Потенциал воспроизводства регионального продукта, всего В том числе: 1.1. Потенциал производства регионального продукта 1.2. Потенциал обращения регионального продукта 1.3. Потенциал потребления регионального продукта, всего В том числе: а) потенциал регионального промежуточного потребления б) потенциал конечного потребления 2. Накопленное богатство (основной и оборотный капитал) 3. Ресурсы - природно-сырьевые - трудовые 4. Инвестиционный потенциал 5. Научно-технический потенциал 6. Рециклинговый потенциал 7. Предпринимательский потенциал 8. Налоговый потенциал 9. Туристско-рекреационный потенциал 10. Человеческий потенциал 11. Финансовые ресурсы (не учтенные в предыдущих разделах) 12. Теневой воспроизводственный потенциал Корректировка на экологическую безопасность				

женность, прибыль, себестоимость продукции, численность работающих и т.д.), внешние (цены на нефть, курс доллара, инфляция и др.), институциональные (изменение налогового законодательства и межбюджетных отношений на региональном и федеральном уровнях).

Человеческий потенциал. Измеритель человеческого потенциала - индекс развития че-

ления и совокупной доли учащихся, поступивших в учебные заведения первого, второго, и третьего уровней; в) уровня жизни, измеряемого на базе реального ВВП на душу населения.

Очевидно, что объем воспроизводственного потенциала региона - не фиксированная величина и может изменяться не только вслед-

ствии его использования, но и вследствие открытия либо дополнительных объемов имеющихся потенциалов (например, разведывание дополнительных месторождений полезных ископаемых), либо возникновения качественно новых, других видов воспроизводственного потенциала (например, переход на новые виды энергии). При функционировании региональной экономики важным является определение оптимальных уровней использования компонентов воспроизводственного потенциала. Особенно это касается невозобновляемых ресурсов – например, полезных ископаемых, т. к. известно, что если беспредельно и неразумно использовать их, то они иссякнут. То есть возникает проблема интенсивности использования воспроизводственного потенциала региона.

Важным этапом исследования должна стать, на наш взгляд, разработка баланса воспроизводственного потенциала региона, в подлежащем которого отражаются все его структурные элементы, а в сказуемом – временные рамки. Центральное место в этом балансе занимает потенциал воспроизводства регионального продукта и его компоненты. Принципиальная схема расчета воспроизводственного потенциала региона может выглядеть следующим образом (табл. 1).

Необходимым также является, на наш взгляд, разработка методики прогнозирования воспроизводственного потенциала, в целом, и воспроизводственного потенциала регионального продукта, в частности, на перспективу. Эффективность использования воспроизводственного потенциала региона (ЭВП) мы предлагаем оценивать на основе следующей формулы:

$$\text{ЭВП} = \left(\frac{\text{ВРП}}{\Pi_1 + \Pi_2 + \Pi_3 + \dots + \Pi_n} \right) \cdot 100,$$

где $\Pi_1, \Pi_2, \Pi_3, \dots, \Pi_n$ – виды воспроизводственного потенциала региона, оцененные в стоимостном выражении.

При применении единой стандартной классификации к компонентам воспроизводственного потенциала по данному показателю можно сравнивать между собой регионы, а также уровень региона со средним по РФ. Об-

ратный показатель к приведенному отношению можно определить как потенциалоемкость валового регионального продукта.

Особенно важным в данной формуле является совершенствование оценки знаменателя. Большинство из видов воспроизводственного потенциала можно оценить в стоимостном объеме. Однако к настоящему времени нет методики оценки в стоимостном выражении трудового потенциала, научно-технического потенциала, предпринимательского потенциала, человеческого потенциала, корректировки на экологическую безопасность. В связи с этим мы предлагаем следующую методику.

В стоимостном выражении трудовой потенциал можно выразить как фонд заработной платы в рассматриваемом периоде.

Научно-технический потенциал, на наш взгляд, представляется возможным оценить в виде суммы: стоимостной объем материально-технических средств, с помощью которых проводятся научные исследования, разработки, изобретения; плюс фонд заработной платы, выплаченный научным работникам; плюс объем инновационного потенциала в виде стоимостного объема выпуска патентно-защищенной продукции.

Предпринимательский потенциал предлагаем оценивать как объем прибыли, получаемый в отраслях экономики негосударственными коммерческими предприятиями.

Человеческий потенциал можно оценить в стоимостном выражении как сумму объема государственных расходов в регионе на здравоохранение и физическую культуру, образование, культуру и искусство плюс объем ВРП на душу населения.

Корректировку на экологическую безопасность представляется возможным оценить в виде суммы требуемых расходов на очистные сооружения, восстановление и охрану окружающей среды. В этих расчетах выбросы будут соответствовать нормативам предельно допустимых концентраций.

Чтобы в полном объеме рассчитать эффективность воспроизводственного потенциала региона, необходимо провести в органах статистики работу по сбору дополнительной информации об объемах потенциалов. В частности, нет официальных данных по потенциа-

лу воспроизводства регионального продукта, по научно-техническому, рециклинговому, предпринимательскому, налоговому, туристско-рекреационному, теневому потенциалам, а также по корректировке на экологическую безопасность.

По нашим оценкам, РБ использует свой потенциал менее чем на десятую часть и имеет весьма большие возможности для экономического роста за счет более глубокого использования накопленного богатства, инвестиционного, трудового, рециклингового потенциалов.

Сделаем некоторые дополнения к приведенному выше материалу по структуре воспроизводственного потенциала регионального продукта. В самом общем виде он делится нами на три компонента: 1) на потенциал производства регионального продукта; 2) потенциал обращения регионального продукта; 3) потенциал потребления регионального продукта. Потенциал потребления регионального продукта, в свою очередь, распадается на потенциалы потребления регионального промежуточного и конечного продуктов.

Потенциал регионального производства определяется нами как максимальный региональный продукт, который может быть произведен в регионе за определенный период.

Потенциал производства регионального продукта можно исследовать, на наш взгляд, с двух позиций: во-первых, как объем производимого за определенный промежуток времени продукта и, во-вторых, как потенциал, способный воспроизводить продукт в расширенной форме.

Категория потенциала В.С.Немчиновым выдвигалась на первый план как при разработке народнохозяйственного плана, так и при определении коренных задач социально-экономического развития. Намеченный им потенциалистский подход к определению как плановых пропорций, так и всего социально-экономического развития, в настоящее время составляет главное методологическое содержание системных экономических исследований, основу понимания системы моделей, положенных в сочетании с принципом деятельности в качестве главного содержания при разработке долговременной стратегической

линии совершенствования системы социально-экономических отношений [4, с.159].

Информация отчетных статических, а также плановых динамических, плановых динамических оптимизационных МОБ на перспективу позволила рассчитать потенциал, способный воспроизводить продукт в расширенной форме. Для этого использовались показатели I, II, III квадрантов МОБ. Вначале рассмотрим распределение продукции, т.е. горизонтали МОБ. Объем текущего производственного потребления (I квадрант) составляет средства производства, а непроизводственное потребление (II квадрант) – предметы потребления. Остальные компоненты распределения – накопление основных и оборотных фондов, возмещение выбытия основных фондов и капитальный ремонт, сальдо межрайонного и международного обмена – на средства производства и предметы потребления делятся по тому соотношению, что получилось между текущим производственным потреблением и непроизводственным потреблением в разрезе каждой отрасли.

По вертикали, то есть в разрезе материальных затрат, амортизации и чистой продукции соотношение I и II подразделений в отраслях получаются такими же, что и в распределении по горизонтали. Это и понятно, так как показатели I квадранта участвуют в тех и других расчетах. А по принципам разработки МОБ показатели II и III квадрантов равны между собой. В результате определяются стоимостная структура продукции I и II подразделений, условия пропорциональности расширенного воспроизводства.

Если предположить, что в каждой отрасли структура затрат между производством средств производства для производства средств производства (IA) и производством средств производства для производства предметов потребления (IB) одинаковая, а соотношения между двумя отделами внутри I подразделения складываются такие же, что и между производством средств производства и производством предметов потребления, то возможно деление средств производства на производство средств производства и на производство предметов потребления. А это уже –

ключ к расчету потенциала воспроизводства продукта.

В смысле потенциала воспроизводства продукта речь до сих пор шла в плане ретроспективы. Начало перехода к рыночным отношениям ознаменовалось в основном сохранением потенциала Республики Башкортостан как субъекта РФ в производстве продукта в сложных условиях кризиса национальной экономики. Поэтому можно утверждать, что место республики в разделении труда стабилизировалось на высоком уровне. Недостаток заключается в том, что ни органы государственной статистики, ни научные подразделения Академии наук республики не ведут разработки сводных обобщающих показателей. Из ежегодных расчетов показателей валового регионального продукта можно извлекать лишь совокупную стоимость конечных товаров и услуг, произведенных при помощи всех расположенных в республике факторов производства вне зависимости от того, кому они принадлежат. Материальные затраты, внутриотраслевые и межотраслевые связи, коэффициенты прямых и полных материальных затрат, компоненты для расчета рентабельности продукции, коэффициентов эффективности или затратности механизма функционирования региональной экономики и другие показатели в расчетах ВРП не учитываются. Следовательно, воспроизводственный потенциал региона по продукту не представляется возможным определять. Поэтому современная региональная экономика остро нуждается в инструментах системного анализа, модифицированных с учетом рыночных особенностей.

Потенциал обращения регионального продукта формируется из потенциалов транспортной системы, связи, торговли и др. Потенциал потребления регионального промежуточного продукта определяется прежде всего потенциалом производства регионального продукта, а потенциал потребления конечного продукта зависит от потребления населения, государственных учреждений, некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства, экспортного и импортного потенциалов в виде их сальдо. На потенциал потребления регионального конечного продукта оказывает большое влияние демографическая ситуация.

Важной, но в то же время очень сложной проблемой является количественная оценка воспроизводственного потенциала регионального продукта. Наличие информации о воспроизводственном потенциале и его компонентах станет солидной базой для разработки программы комплексного социально-экономического развития экономики региона. Это связано с тем, что при прогнозировании всегда необходимо отталкиваться от имеющихся возможностей. Наличие аналитической информации об имеющихся возможностях позволит избежать заложения в прогноз нерелевантных показателей. Они не должны превышать объемы отдельных слагаемых воспроизводственного потенциала регионального продукта.

В самом первом приближении при количественной оценке потенциала производства регионального продукта можно применить метод Ф. Клоцвога и И. Кушниковой [5]. Они находят такую величину ВРП, которую можно получить при фактических ресурсах региона и достигнутом в среднем по России уровне эффективности использования соответствующих ресурсов.

При расчете потенциала производства регионального продукта можно предложить также метод определения мощностей в отраслях экономики. Для этого на каждом предприятии, в каждой организации отдельной отрасли следует рассчитывать максимально возможный натуральный и стоимостной выпуск продукции необходимого качества или объем переработки сырья в единицу времени (например, за 1 год) при полном использовании имеющихся на предприятии средств труда в соответствии с установленной специализацией и режимом работы. Далее эти данные суммируются по отрасли, а затем и по экономике в целом.

Потенциал обращения регионального продукта приблизительно можно оценить с помощью пропускной способности транспортных сетей, торговой системы. Потенциал потребления регионального промежуточного продукта должен рассчитываться, по нашему мнению, попутно с расчетом потенциала регионального производства методом определения отраслевых мощностей. Потенциал потребления регионального конечного продукта

в части населения приближенно можно оценить на основе научно-обоснованных медико-социальных норм потребления с учетом предполагаемого изменения численности и доходов населения республики.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Воспроизводственный потенциал региона – это емкий и комплексный, но в то же время мало исследованный этап в макроэкономическом анализе регионального продукта. Воспроизводственный потенциал регионального продукта является частью всего воспроизводственного потенциала региона и в значительной степени определяет темпы и пропорции в региональном продукте, а также его динамику. Он определен нами как совокупная способность экономики региона: производить региональный промежуточный и конечный продукт; обращать и потреблять промежуточный и конечный продукт в регионе; повышать благосостояние общества в целом и его членов. Потенциал воспроизводства регионального продукта находится в тесной взаимосвязи с другими компонентами воспроизводственного потенциала региона.

Структура воспроизводственного потенциала региона шире структуры баланса национального богатства. Нами предложена схема баланса воспроизводственного потенциала региона, в подлежащем которого отражаются все его структурные элементы, а в сказуемом – временные рамки. Предложен метод оценки его эффективности на основе формулы, в числителе которой произведенный валовой региональный продукт, а в знаменателе сумма компонентов воспроизводственного потенциала региона, выраженных в стоимостном объеме.

2. Потенциал воспроизводства регионального продукта является частью воспроизводственного потенциала региона. Он делится нами на три компонента: 1) на потенциал производства регионального продукта; 2) потенциал обращения регионального продукта; 3) потенциал потребления регионального продукта. Потенциал регионального производства определяется нами как максимальный региональный продукт, который может быть произведен в регионе за определенный период. По

такому же принципу определяются потенциалы обращения и потребления регионального продукта. При расчете потенциала производства регионального продукта предлагается метод определения мощностей в отраслях экономики.

Литература

1. Думнов А.Д. Макроэкономическая оценка использования природных ресурсов в России // Вопросы статистики. – 2001. – №1. – С.48–55.

2. Чертко Н.Т. Инвестиции – важнейший фактор национальной конкурентоспособности // Вопросы статистики. – 2000. – №7. – С.50–57.

3. Усчманова К.Ф. Рыночные условия развития регионального предпринимательства: автореф. дис... д. экон. наук: 08.00.05 / Институт экономики Уральского отделения РАН. – Екатеринбург, 1996. – 32с.

4. Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 410с.

5. Клоцвог Ф., Кушникова И. Ресурсный потенциал субъектов Российской Федерации и его использование // Экономист. – 1998. – №12. – С.33 – 39.

G. Galiyllina,

candidate of Economic Sciences, docent,
branch of Kazan (Volga region) Federal
University in Naberezhnye Chelny

Г. Галиуллина,

кандидат экономических наук, доцент
филиала Казанского (Приволжского)
федерального университета в
г. Набережные Челны

УСЛОВИЯ РАСКРЫТИЕ ПОТЕНЦИАЛА УЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНЫХ ПРОЕКТОВ В ОПК

Эффективность использования потенциала участников государственно-частного партнерства в ОПК определяется тем, насколько управляющая система способна к грамотной постановке системы целей развития ГЧП в ОПК, когерентной целям более высокого порядка, зависит от состава элементов системы ГЧП в ОПК, степени их упорядоченности и устойчивости отношений между ними и внешней средой. Соединяя систему целей, организационную структуру и технологию адаптации, получаем организационно-экономический механизм управления ГЧП в ОПК, который позволяет качественно реализовать потенциал государства, бизнеса, экспертного сообщества в совместных проектах.

Ключевые слова: потенциал участников ГЧП в ОПК, система целей, форсайт, организационно-экономический механизм управления ГЧП в ОПК.

Согласно основополагающим принципам государственно-частного партнерства, каждая из сторон реализует в совместных проектах свой потенциал развития при условии соблюдения баланса интересов партнеров: государство вкладывает полномочия собственника, возможные преференции в виде льгот, субсидий; бизнес – инвестиции, гибкость и оперативность в принятии решений, управленческие, технологические инновации; экспертное сообщество – знания, компетенции, способности (рисунок 1).

При этом каждая из сторон берет на себя и обязательства по выполнению определенных функций.

Основные функции государства в ГЧП – это соблюдение общественных интересов, регулирование и контроль (рисунок 2).

В ОПК общественная значимость ГЧП заключается в повышении обороноспособности страны, качественном выполнении оборонно-

го заказа с оптимальными бюджетными вложениями.

Главным системообразующим фактором, определяющим основные аспекты реализации ГЧП-проектов (возможность качественного раскрытия потенциалов участников, организационно-экономический механизм, процесс и результаты реализации проектов) является система целей развития ОПК. Без четко выработанной системы целей сложно выстроить эффективное управление и определить критерии его результативности.

Система целей – это прогностическая категория, процесс её конструирования определяется качеством и объемом информационной базы, надежностью гипотез развития ОПК и сформировавшимися компетенциями прогнозирования. Система целей как желаемый образ будущего отражает также уровень притязаний лидеров ГЧП-процесса в ОПК.

Целями верхнего уровня в системе целей государственно-частного проектирования в ОПК являются стратегические цели развития военно-промышленного комплекса страны и

- повысить качество производимого вооружения, военной и специальной техники;
- импортозамещение ресурсов и комплектующих для производства продукции военно-

Рис. 1. Потенциал участников ГЧП в ОПК

смежных отраслей, из которых вытекают стратегические цели развития самого ОПК (рисунок 3).

ГЧП используется для «расшивки» узких мест в тех сферах, где взаимовыгодное сотрудничество государства и бизнеса будет более эффективно, чем прямое государственное финансирование. Механизм ГЧП позволяет включить потенциал частных инвесторов и нацелить его на повышение эффективности использования вложенных средств для решения задач повышения обороноспособности страны и обеспечения национальной безопасности при соблюдении баланса интересов государственного и частного секторов, а также на диверсификацию рисков инвесторов.

При первом приближении стратегические цели оборонно-промышленного комплекса известны:

- го, двойного и гражданского назначения;
- реконструкция и техническое перевооружение организаций ОПК;
- повышение эффективности инвестиций в ОПК;
- проектирование, разработка, производство инновационной продукции военного, двойного и гражданского назначения;
- совершенствование системы стандартов и технического регулирования в вопросах обеспечения качества продукции предприятий ОПК;
- продвижение продукции двойного и гражданского назначения на внутреннем и внешнем рынках;
- решение социальных вопросов работников ОПК.

При этом вектор развития периодически смещается. Два-три года назад экономическая

политика страны была ориентирована на завод готовой продукции из-за рубежа, в том числе в ОПК (например, отказались от национального автопрома – зачем поддерживать российский автопром, если зарубежные модели качественнее, безопаснее). Сегодня изменения внешней среды усилили актуальность импортозамещения. Соответственно, в ОПК проекты по импортозамещению имеют больший вес для реализации.

также выработка целей более низкого уровня) возможны с использованием метода Форсайта.

Форсайт представляет процесс отбора новых направлений развития, в ходе которого достигается консенсус мнений всех заинтересованных сторон и устанавливаются связи между потенциальными участниками ГЧП-процесса.

Суть данного метода в том, что государство, привлекая бизнес, экспертные, научные

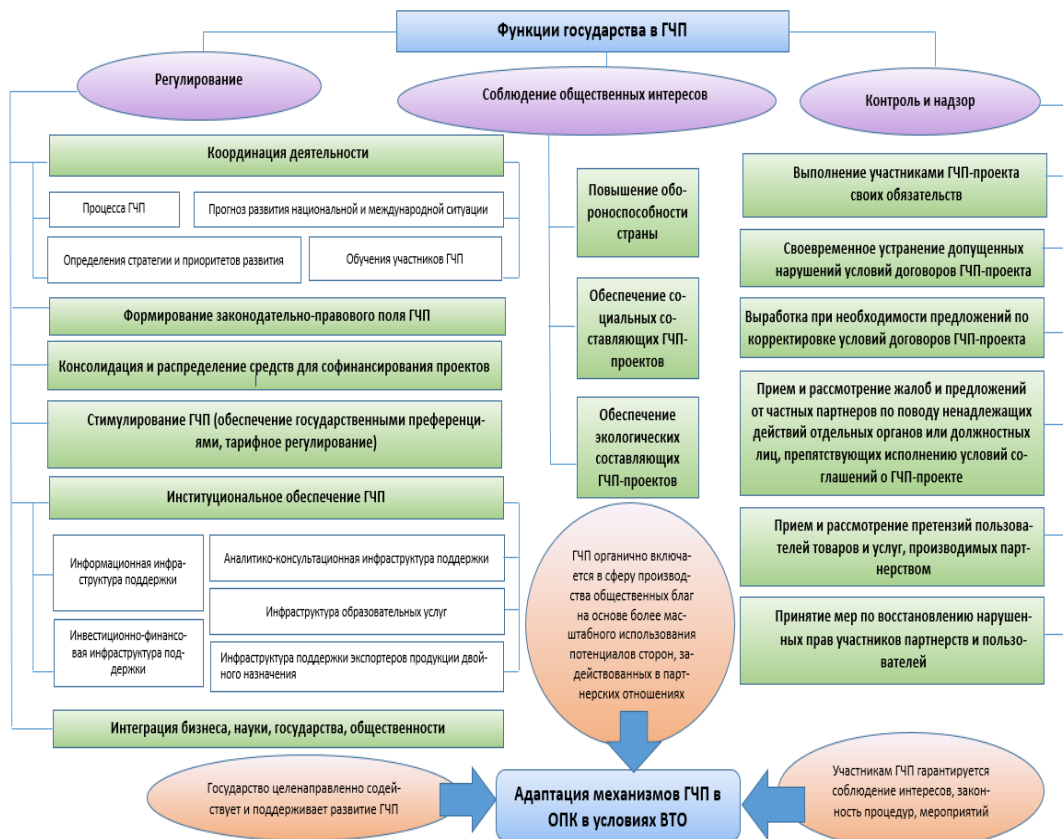

Рис. 2. Функции государства по адаптации механизмов ГЧП в ОПК

Вышеперечисленные цели ГЧП в ОПК больше похожи на намерения. Требования к постановке целей хорошо известны: они должны содержать количественную характеристику требуемого результата (чтобы было понятно, когда система её достигнет), сроки исполнения, актуальность и достижимость.

Грамотная постановка стратегических целей ОПК, эффективный выбор перспективных сфер применения механизма ГЧП в ОПК (а

сообщества, определяет перспективы развития, организует выработку комплексного видения будущего и сопоставление путей его достижения. Форсайт позволяет собрать необходимую информацию о потенциале государственного и частного партнеров для достижения поставленных задач, об уровне и элементах необходимой инфраструктуры поддержки, количестве и качестве экспертных групп и т.п., а также сформировать новую

культуру взаимодействия между государством, бизнесом, научным сообществом для принятия управленческих решений и разрабатывает соответствующие направления. То есть Форсайт – это комбинация «продукта» (прогнозы, сценарии, приоритеты) и «процесса» (установление связей между всеми заинтересованными сторонами), что способствует даже не столько предсказанию будущего, сколько достижению консенсуса в обществе на базе планомерного диалога между политиками, специалистами, бизнесменами.¹

Применение Форсайта требует значительных затрат времени и инвестиций, так как в процесс открытого обсуждения и консультаций вовлекаются широкие слои производственной, научной общественности, бизнес-структур, государственные структуры разного уровня. Одним из главных факторов успешного Форсайта является готовность этих структур совместно оценить перспективы ГЧП в ОПК, отвлекаясь от решения краткосрочных задач.

Данную работу мог бы координировать

Рис. 3. Система целей ГЧП в ОПК

При проведении Форсайта используют как количественные (например, бенчмаркинг), качественные (семинары, мозговой штурм, ролевые игры, сценарирование ...), смешанные (например, дорожное картирование) методы.

¹Гохберг Л. Будущее как стратегическая задача // Форсайт. – 2007. – № 1. – С.4.

создаваемый центр ГЧП в ОПК, который взял бы на себя функции сопровождения процесса: информационная пропаганда, проведение конференций, семинаров, презентаций, открытие и ведение соответствующего интернет-портала и т.п.

На следующем уровне постановка целей происходит для каждого направления и для

каждого этапа развития ГЧП-процесса. На самом нижнем уровне будут сформулированы цели оперативного управления, необходимые для достижения стратегической цели развития ГЧП-процесса.

Получив матрицу целей ГЧП-процесса, важно выстроить матрицу когерентных индикаторов деятельности (опережающие индикаторы, индикаторы положительной обратной связи). Невыполнении данных показателей будет являться сигналом о проявлении неучтенных рисков, качественном изменении внутренней среды, факторов нестабильности внешней среды и т.п. и даст возможность выработки упреждающих действий.

Исходя из вышесказанного, эффективность управления процессом ГЧП в ОПК определяется тем, насколько управляющая система способна к выработке системы целей развития ГЧП, реально обусловленных потенциалом его участников, а также обеспечивать их реализацию оптимальным способом через упорядоченное взаимодействие участников процесса. Эффективность данного управления (механизма положительной обратной связи) зависит от состава элементов системы ГЧП в ОПК, степени их упорядоченности и устойчивости отношений между ними и внешней средой.

Выстраивая систему целей, а под неё уже организационную структуру, управляющая система избежит ошибки создания лишних или нехватки необходимых элементов, а также может усовершенствовать её адекватно изменениям внутренней и внешней среды.

Именно организационная структура должна обеспечить процессы принятия и осуществления лучших решений на всех этапах ГЧП, обеспечивая через систему связей порядок и содержание информационного обмена.

Соединяя систему целей, организационную структуру и технологию адаптации, получаем организационно-экономический механизм управления ГЧП в ОПК, который позволяет качественно реализовать потенциал государства, бизнеса, экспертного сообщества в совместных проектах.

Эффективность реализации потенциала государственных органов в ГЧП-процессе во многом зависит от обучения и профессионального развития государственных служа-

щих. Перспективными методами их обучения и информирования могут быть тренинги, семинары, специальные форумы и конференции, позволяющие организовать обмен информацией и изучение наиболее успешного опыта в данной сфере. Реализацию данного направления может взять на себя координационный центр ГЧП в ОПК.

На первом этапе адаптации механизмов ГЧП в ОПК, прежде всего, будет использоваться ресурсный потенциал государства в том или ином сочетании. Сформировав и запустив процесс ГЧП в ОПК на принципах положительной и отрицательной обратной связи, получив опыт реализации первых проектов ГЧП в ОПК, у госслужащих сформируется стратегическое мышление, навыки в области ГЧП, опыт синергетического управления – появятся ключевые компетенции, которые в дальнейшем разовьются до стратегического потенциала ГЧП государства в сфере ОПК.

ОТРАСЛЕВЫЕ РЫНКИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ

Kostornichenko V.N., professor of Financial University under the government of the Russian Federation «Money and credit arrangements and monetary policy» department

Косторниченко В.Н., профессор кафедры «Денежно-кредитные отношения и монетарная политика» Финансового университета при правительстве России

АНГЛИЙСКИЙ КАПИТАЛ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ «ВИККЕРС»)**Аннотация**

В статье рассмотрен опыт компании «Виккерс» в поставках нефтяного оборудования и передаче технологий для СССР. Определены факторы валяющие на принятие решений о поставках оборудования и технологий, выработку стратегии и поиск наиболее рациональных форм использования иностранного капитала.

Ключевые слова

Нефтеперерабатывающая промышленность, крекинг, нефтеэкспорт, техническая помощь

Присутствие «Виккерса» в советской нефтяной отрасли проявлялось прежде всего в поставках нефтяного оборудования и передаче технологий. В 1924 году руководитель крупнейшего советского треста «Азнефть» А.П. Серебровский и представители «Грознефти» посетили в Англии предприятия компании «Виккерс». Оборудование, производимое фирмой, произвело на них большое впечатление. В итоге было заключено крупное соглашение на поставку в СССР партии нефтедобывающего оборудования. Хотя в основном Советский Союз в 1920-е годы покупал передовое американское нефтяное оборудование, но очевидно и то, что соглашение с «Виккерсом» способствовало внедрению в СССР новой эффективной технологии вращения бурения.

Еще более весом вклад «Виккерса» в развитие отечественной нефтеперерабатывающей промышленности. До революции ее уровень развития был крайне низок: преобладающим продуктом отечественной нефтеперерабатывающей отрасли являлся мазут. Накануне Первой мировой войны на него приходилось 65-70 % от общего выхода. На втором месте находился керосин, занимавший 22-23 % переработки. Производство наиболее ценных легких нефтепродуктов (бензина, лигроина, газолина) было незначительным, составляя всего 2-3%.

Мазутно-керосиновый характер отрасли во многом объяснялся тем, что, во-первых, добываемая бакинская нефть, составлявшая более 90% от общего дореволюционного производства, в основном содержала довольно низкий процент легких фракций; во-вторых, в стране имелся огромный спрос на мазут вследствие получившего широкое распространение использования в качестве котельного топлива. Так, в начале XX века Россия потребляла его больше, чем вся Западная Европа. Видный ученый Д.И. Менделеев сравнивал подобное применение с «сжиганием под котлами ассигнаций». С точки зрения открывавшихся перед нефтяной отраслью перспектив (использования в двигателях внутреннего сгорания, в химической промышленности и т.п.) это выглядело нерациональным. Другим негативным следствием мазутной ориентированности отечественной нефтепромышленности явилось слабое развитие российского нефтеэкспорта из-за малой емкости внешнего рынка низкокачественных нефтепродуктов и плохой окупаемости их продаж.

В годы Первой мировой и Гражданской войн положение нефтеперерабатывающего сектора еще более ухудшилось, что было связано, прежде всего, с фактической ликвидацией экспорта и ухудшением положения с вывозом.

К началу 1920-х гг. нефтеперерабатывающая промышленность представляла из себя сеть маломощных предприятий в основном кустарного типа, оснащенных устаревшим оборудованием.

Переработка ограничивалась прямой перегонкой, при этом основным типом инсталляции были кубовые батареи. Свидетельством примитивности применяемой техники был высокий уровень потребления самими нефтеперерабатывающими предприятиями производимого нефтетоплива, составлявший примерно 12% общего выхода.

Технологическое отставание российской отрасли от мирового уровня стало особенно проявляться в 20-е годы, когда в мировой нефтепереработке начали осуществляться значительные новации, в частности, широкое использование получил крекинг. Лидерство в применении новой технологии бесспорно держали американские компании, ведущие разработку крекинга еще с 1860 г. и имевшие к началу 20-х гг. более 2500 патентов в этой области¹. Опыт начала 20-х гг. убедительно показал перспективность крекинга, позволявшего повысить качество и увеличить количество получаемого из нефти бензина.

Использование крекинга имело для экономики СССР огромное значение. Во-первых, оно позволяло за счет продажи имевшего большой спрос на мировом рынке крекинг-бензина резко увеличить доходы от нефтяного экспорта. Во-вторых, крекинг переработка разрешила бы проблему увеличения производства наиболее ценных легких нефтепродуктов из бакинской нефти, бедной бензиновыми фракциями (исключение – Биби-Эйбатское месторождение). В-третьих, использование крекинга давало бы возможность создавать нефтепродукты с антидетонирующими свойствами, что было важно для развития отечественного автомобилестроения, тракторостроения и особенно авиации.

Видный специалист Ю.К. Максимович считал внедрение этой технологии главным вопросом развития нефтяной индустрии второй половины 20-х гг.: «Из всех основных проблем, стоящих и стоящих перед нефтяной промышленностью СССР, в наиболее угрожающем состоянии находится крекинговая проблема. Неразрешенность этой проблемы для СССР грозит сорвать нефтяную пятилетку в части выработки светлых продуктов – бензина и керосина, ударив тем самым по наиболее важным участкам хозяйственной политики – экспорту и коллективизации сельского хозяйства».

Для внедрения этой технологии советское правительство приняло решение о закупке

крекинговых установок за рубежом и о привлечении иностранных фирм и специалистов в деле отладки приобретенного оборудования. В середине 1924 г. глава крупнейшего советского нефтяного треста «Азнефть» А.Л. Серебровский, находясь в США, обсуждал с руководством «Синклер компани» вопрос о закупке американского нефтеперерабатывающего оборудования на сумму 25 миллионов долларов. Однако сделка не состоялась: на пути из Соединенных Штатов в Москву А.П. Серебровский, остановившись в Лондоне, провел успешные переговоры с компанией «Виккерс» на предмет приобретения крекинга.

В начале 1925 года после проведения окончательных детальных обсуждений представитель «Виккерса» в Москве Лоусон Ломаке заключил соглашение на поставку 3 крекинговых систем: из них две предназначались для бакинских месторождений и одна для грозненских. Дешевизна продукции сыграла решающую роль в подписании контракта. Заказ других крекинговых установок зависел от итогов работы системы фирмы «Виккерс». Лишь после длительной наладки оборудования удалось получить некоторые позитивные результаты, что послужило основанием для расширения закупок импортных крекинговых установок аналогичного типа.

Большинство специалистов считало, что «крекинговое дело» в Советской России запоздало на 2-3 года, что привело к значительным экономическим потерям.

Председатель научно-технического совета нефтяной промышленности И.Н. Стрижов отмечал: «Что составляют три маленькие установки, заказанные Виккерсу? В сравнении с нашими возможностями и нашими потребностями в бензине для экспорта это есть капля в море. Три установки были заказаны в 1925 г. Надо было 10 заказать в 1926 г., 50 - 1927 г., 100 - 28 г. и т.д. Вот тогда мы бы имели бензин, имели бы сотни миллионов рублей валюты».

Задержка во многом объяснялась тем, что среди специалистов долгое время не было единой точки зрения относительно предпочтительности той или иной зарубежной системы крекинга. Так, И.Н. Стрижов

был сторонником системы Дженкинса, И.Н. Аккерман настаивал на покупке установок Кросса, А.Н. Саханов выступал за заказ системы Винклер-Кох [6]. В конечном итоге было принято решение закупить несколько перспективных установок разных зарубежных фирм с целью определения наиболее приемлемой для бакинской и грозненской нефти технологии крекинга. Впоследствии предполагалось на базе наилучшего варианта освоить собственный выпуск крекинговых установок. Лишь 13-я по счету система переработки, закупленная у чикагской фирмы Гревера, смогла удовлетворить большинство специалистов.

Строительство крекинговых заводов началось в 1926 г. Их размещение определялось некоторыми специфическими свойствами крекинг-бензина, делающего продолжительное его хранение в складских резервуарах и дальнюю перевозку затруднительными и вызывающими потери и порчу продукта. Исходя из этого, нефтеперерабатывающие заводы размещали, как правило, не в местах добычи нефти, а в центрах потребления моторного бензина в специально выбранных пунктах внутри СССР, а для экспорта - на месте налива морских судов.

В строительстве и оборудовании нефте-

перерабатывающих заводов, ориентированных на внутреннее потребление, отечественные специалисты принимали большее участие. Так, например, над проектом грозненского крекингового производства, выполняемого в сотрудничестве с немецкими фирмами «Борман», «Пинч» и «Доббс», трудились А.Н. Саханов и В.П. Тиличев. Кроме того, советские инженеры работали над отладкой и модернизацией крекингового завода фирмы «Виккерс», возводимого в Грозном.

Нельзя не заметить, что первые советские системы крекинга сооружались как бы «в наименее ответственных местах» и предназначались для производства нефтепродуктов, потребляемых внутри. О приоритете развития производства экспортных нефтепродуктов говорит следующий факт. Во второй половине 1928 г. две крупнейшие американские фирмы «Форд» и «Дженерал моторс» обратились к советскому правительству с предложением организовать в СССР крупносерийное производство грузовых автомобилей. Однако предложение не было принято. Одной из главных причин отказа было то, что появление большого количества автомобилей сократило бы возможности экспорта нефтепродуктов.

Последовательность действий по реструктуризации нефтяной отрасли с помо-

Таблица 1

Общий выход переработанных нефтепродуктов в России и СССР в 1913, 1927/1928, 1932 гг. *

(в тыс. т)

	1913	1927/1928	1932
Всего переработано	6577,8	8738,2	19949,0
В том числе:			
Бензино-лигроиновые фракции	262,6	881,8	2881,4
Керосин	1552,8	1912,0	3560,3
Смазочные масла	429,6	331,1	680,0
Мазут	4127,3	4095,9	8 4 6 9 5

* Составлено по: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. -30-е годы XX в.). М., 1994. С. 178; Нефтяная промышленность СССР в цифрах: стат. сб. М., 1935. С. 60-61.

шью иностранного капитала выглядела таким образом: сначала закупалось наиболее перспективное в техническом отношении оборудование, затем происходили его промышленная отладка и эксплуатационное освоение, а после на базе лучших образцов разрабатывалась собственная техника и технология переработки.

Подводя итог, отметим, что выбранная стратегия по привлечению иностранного капитала в отрасль в целом оказалась удачной.

В кратчайшие сроки была модернизирована отечественная нефтеперерабатывающая промышленность. В предшествующий период эта отрасль основывалась на архаичных способах переработки. Несмотря на некоторые успехи в экспериментальном применении ряда новых разработок, техническое обновление отрасли собственными силами заняло бы весьма длительный срок. Как показали расчеты специалистов, каждый год задержки с внедрением нового западного оборудования приводил к серьезным финансовым издержкам.

Зарубежные технологии и оснащение позволили получать ряд новых по тем временам продуктов (крекинг-бензин и т.п.). Это в значительной степени способствовало тому, что в общем нефтяном производстве доля наиболее ценных светлых нефтепродуктов выросла с 4,0% в 1913 г. до 10,1% в 1927/28 гг. и 15,1% в 1932 г.

Возросла и глубина переработки – объем наиболее ценных бензина, газаolina и лигроина увеличился примерно в 11 раз (для сравнения: производство требующего неглубокой переработки мазута превзошло дореволюционные показатели всего в 2 раза). Кроме того, модернизация отрасли дала возможность выпускать особые сорта смазочных масел (брайт-стоков), вырабатываемых из особых сортов бакинской нефти.

Все это стало возможным в результате коренной модернизации этого сектора производства, что было сделано за счет освоения иностранных технологий, закупок западных по импорту нефтеперерабатывающих заводов и оборудования.

Увеличение объема нефтепродуктов высокого качества быстро оправдало капиталовложения в отрасль, повысив размеры валютных поступлений от нефтеэкспорта. Уже к началу 1928 г. нефтяная промышленность стала крупнейшей экспортной отраслью СССР, доходы от международной торговли нефтепродуктами стали определенной компенсацией за резкое снижение поступлений от хлебного экспорта во второй половине 20-х гг. В тот период получение валютных средств стало важнейшей задачей экономической политики правительства, поскольку без закупок современного оборудования за рубежом невозможно было восстановить промышленность.

Таблица 2

**Удельный вес СССР в мировом экспорте отдельных нефтепродуктов в 1932 г.*
(в % по странам)**

	Бензин	Керосин	Смазочные масла	Мазут и газойль	Сырая нефть	Всего
СССР	16,4	21,0	15,7	10,2	2,1	9,1%'
США	32,8	35,7	60,7	23,3	15,4	23,6
Венесуэла		–	-	2,6	65,6	25,4
Вест-Индия (Голл.)	15,5		5,0	35,9	4,4	17,7
Румыния	13,6	24,0	3,3	9,8	0,6	7,7

* Дано по: Бронштейн В., Розенблюм В. *Нефтяная эпопея «Ойл»*. М. 1935. С. 252. 254-255.

Весьма впечатляет динамика роста нефтеэкспорта, достигшего к 1932 г. цифры 6106 тыс. т и, соответственно, превысившего уровень 1913 г. в 6,4 раза. При этом структура отечественного нефтеэкспорта в начале 1930-х гг. (в сравнении с другими ведущими нефтедобывающими государствами) вовсе не свидетельствует о его сугубо сырьевом характере.

Рост отечественного нефтеэкспорта в эти годы был обусловлен в основном успешным развитием нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, в модернизации которой «Виккерс» сыграл значительную роль.

Взаимодействие с компанией «Виккерс» в нефтяной отрасли, использование западного научно-технического и организационного опыта осуществлялось в эти годы в следующих формах:

– крупные заказы на Западе на новейшее нефтяное оборудование. Первоначально они производились по усмотрению ведущих отечественных специалистов (А.И. Манчо, Б. Джебаширом, А.П. Серебровским и др.), с 1925 года осуществлялись специально созданной при ВСНХ комиссией. К концу рассматриваемого периода произошло сокращение закупок, что стало результатом импортозамещающей политики советских хозяйственных органов, поощрявших развитие отечественного нефтяного машиностроения.

– Договоры о технической помощи. Они сыграли решающую роль в освоении отечественными нефтяниками передовых западных технологий в разных секторах нефтяной промышленности (в бурении скважин, добыче, переработке сырья и т. п.), получив наибольшее распространение во второй половине 1920 - начале 1930-х годов.

– Командировки российских специалистов за рубеж с целью изучения иностранного научно-технического и организационного опыта в области нефтяной промышленности. На первом этапе (середина 1920-х годов) на 4-месячную и 6-месячную стажировки за рубеж в массовом порядке направлялись как инженеры, так и низший технический персонал (рабочие и мастера).

Затем командировки предоставлялись преимущественно ведущим специалистам и руководителям отрасли.

– Экспертизы и консультации, проводимые иностранными компаниями и инженерами для советских нефтяных предприятий. В 1922 г. - 1932 годах с помощью наиболее квалифицированных западных специалистов (они зачастую приглашались в СССР) проводились оценки различных отечественных и зарубежных проектов и патентных разработок, оптимизировались организация и управление производством, осваивались на месте промышленные технологии, осуществлялись отладка оборудования, обучение персонала и т. п.

– В эти годы при выработке стратегии и поиска наиболее рациональных форм использования иностранного капитала определялась и оптимальная очередность его привлечения в тот или иной сектор нефтяной промышленности. Так, если вначале иностранный капитал привлекался в основном в промышленное хозяйство, то в последующем он направлялся в большей степени на строительство нефтеперерабатывающих производств.

– С расширением производства качественных нефтепродуктов стало возможным реально осуществить курс на индустриализацию народного хозяйства. До этого нельзя было сколько-нибудь серьезно говорить о промышленном развитии собственного тракторостроения, автомобилестроения, судостроения и т.п. Кроме того, особую роль модернизация нефтепереработки сыграла в обеспечении безопасности государства: улучшение качества топлива открыло дорогу массовому строительству танков, современного военного флота и авиации.

Таким образом, в своей экономической политике (1920-е – нач. 1930-х годов) советское правительство отделило нефтепромышленности особое место. Нефтяной отрасли была предназначена роль своего рода инструмента, при помощи которого осуществлялась модернизация ключевых секторов промышленности, индустриализа-

ция советской экономики в целом. В общих чертах механизм его использования заключался в следующем.

В начале 1920-х годов, в период восстановления народного хозяйства, правительство сделало ставку на приоритетное развитие нефтяной отрасли, исходя из высокого спроса на нефтепродукты на внутреннем и внешнем рынках и, соответственно, учитывая быструю оборачиваемость в ней капитала. В эти годы нефтепромышленность получила в сравнении с другими отраслями наибольшее количество инвестиций (более трети от всей суммы капиталовложений в народное хозяйство), в нефтедобычу широко привлекался иностранный капитал (в виде технологий и закупок оборудования). В то же время государство с помощью ценовой политики фактически дотировало через нефтяной сектор восстановление металлургии, машиностроения и др. отраслей промышленности. Так, стоимость нефтепродуктов на внутреннем рынке была на 25% ниже дореволюционной, а цена на внутренние поставки материалов и оборудования для нефтяной отрасли (составлявшие значительную часть заказа отечественной металлургической и машиностроительной промышленности в эти годы) превосходила дореволюционный уровень примерно вдвое.

С середины 1920-х годов, к моменту относительного насыщения внутреннего рынка нефтепродуктами, правительство и руководство нефтестрестов сосредоточили усилия на увеличении доходов от нефтеэкспорта. С этой целью инвестиции внутри нефтепромышленности перераспределялись в пользу переработки сырья и строительства экспортных нефтепроводов. В этих секторах нефтяной отрасли с помощью услуг иностранных специалистов и фирм осваивались передовые технологии, приобреталось за рубежом новейшее оборудование. К этому времени стало приносить максимальный эффект продолжающееся масштабное внедрение «американских» способов бурения и нефтедобычи. Резкое увеличение нефтеэкспортных объемов и доходов стало во многом результатом значительного роста нефтедобычи, снижения себестоимости экспортируемой продукции (в том числе за счет значи-

тельного удешевления транспортировки), возрастания в экспорте доли переработанных нефтепродуктов и т.п. Полученная в конце 1920-х – начале 1930-х годов от многократного увеличения нефтеэкспорта прибыль позволила закупить на Западе необходимые для нефтяной промышленности технологии и оборудование, стала ее важнейшим валютным источником, позволившим обновить капитал всей советской промышленности.

Привлечение иностранного капитала в нефтяную промышленность выглядит и в наши дни как никогда своевременно. Состояние современной нефтяной промышленности во многом напоминает состояние отрасли в начале 1920-х годов. В настоящее время, как и в первые послереволюционные годы, имеет место значительный спад в нефтедобыче, сложилось тяжелое положение в нефтепереработке, существует серьезное отставание отечественных нефтяных техники и технологий от западных аналогов, остро стоит проблема интенсивного и более рационального освоения уже открытых месторождений.

Сейчас, по мнению специалистов, имеется настоятельная потребность в подготовке новой научно-технической программы вывода отечественного нефтяного производства из кризиса. Использование при ее разработке во многом уникального отечественного опыта периода эпа и начала индустриализации, содержавшего в себе многообразие различных форм привлечения иностранного капитала в нефтяную отрасль, позволило бы избежать повторения ошибок прошлого, сделало бы программу более приближенной к российской действительности.

Этот опыт наглядно показывает, что основой современной политики модернизации российской нефтепромышленности может стать комплекс принципиально новых прорывных технологий, которые начали широко применяться ведущими зарубежными энергетическими компаниями в последнее время. Исходя из этого, новая программа обязана предусматривать широкое использование иностранного капитала и должна основываться на следующих

принципах, проверенных практикой 1920-х – начала 1930-х гг.:

- ориентация на крупномасштабное внедрение зарубежных высокоэффективных технологий мирового класса;

- комплексность внедрения новых технологий и технических средств в бурении скважин, добыче нефти, строительстве трубопроводных систем и нефтеперерабатывающих производств, обеспечивающих устойчивую добычу, надежную транспортировку и качественную переработку нефти;

- сочетание закупок передовых западных технологий с максимальным содействием развитию отечественного научного технологического и технического потенциала в целях последующей адаптации этих наукоемких технологий к российским условиям, необходимой для их широкого внедрения;

- привлечение иностранного капитала для освоения новых технологий через подписание договоров с зарубежными компаниями на техническую, консультативную и экспертную помощь;

- увеличение экспортных доходов как источника средств для финансирования внедренческих программ за счет расширения экспорта через учреждение совместных с иностранными фирмами компаний, занимающихся переработкой и сбытом отечественной нефтепродукции;

- организация для персонала отечественных нефтяных компаний постоянного целевого обучения за рубежом по специальностям нефтяного дела;

- плановость и систематичность в сборе и исследовании информационного материала о состоянии современной зарубежной нефтепромышленности для оперативного приведения основных стратегических направлений развития отечественных нефтяных компаний в соответствие мировым тенденциям.

Как показывает отечественный опыт 1920-х гг., гарантией реализации подобной целевой программы по выходу нефтяной отрасли из кризиса могут стать лишь скоординированные действия государства и крупных нефтяных компаний по выработке и проведению единой национальной политики в вопросах развития со-

временного нефтяного бизнеса, что предполагает усиление роли государственных структур в его управлении

Литература

Оперативный архив УФСБ России по Волгоградской области (УФСБВО) – Печатный фонд. – Д. 194.

Нефтяная промышленность СССР в цифрах: стат. спр. М., 1935.

Бронштейн В, Розенблюм В. Нефтяная эпопея «Ойл» / Бронштейн В, Розенблюм В. – М. 1935.

Максимович Ю.К. О нефтяной конъюнктуре // Нефтяное хозяйство. 1928. – N1.

Пробст А.К. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. – М; Л., 1939.

Серебровский А.П. Нефтяная и газовая промышленность в Америке. – М., 1925.

Стрижов И.Н. Американские нефтеперерабатывающие заводы. – М., 1929.

Gordon W. Morrel. Britain Confronts the Stalin Revolution: Anglo-Soviet Relations and the Metro-Vickers Crisis. Waterloo, Ontario, Canada, 1995.

Sutlon A.C. Western Technology and Soviet Economic Development. Stanford. 1968.

Садриев Р. Д.
Гали И. Т.

ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА В КАМСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В статье проведен анализ различных факторов и дается обоснование формирования туристического кластера в Камском районе РТ. Проведена оценка туристического потенциала территории и делаются выводы о структуре кластера, о наиболее перспективных видах туризма, которые следует развивать в рамках кластера. Выделены проблемы в сфере туристической индустрии, которые необходимо учитывать при формировании туристического кластера. Систематизированы основные нормативно-правовые документы, регулирующие кластерную политику и туристическую деятельность в России и Татарстане. Проанализирована отечественная практика формирования туристических кластеров. Цель статьи – определить перспективы туристического кластера в Камском районе РТ, создать теоретическую и методологическую базу последующей деятельности по формированию кластера. Выводы, сделанные в статье, будут в дальнейшем учтены в концепции Камского туристического кластера.

Ключевые слова: кластерный подход, кластерная политика, туристический кластер, туристическая деятельность, Камский район, туристический потенциал.

Актуальность применения кластерного подхода для России и регионов РФ

Кластерный подход – это несколько особый взгляд на традиционные проблемы того или иного региона. Формирование территориальных кластеров на базе ведущих отраслей внутри региона стало своего рода защитной реакцией территорий на обострение конкурентной борьбы за различные ресурсы, рынки. Правительства и региональные администрации во всём мире инициируют и активизируют политику выращивания и развития кластеров. Кластеризацией уже охвачено более 50 процентов экономик ведущих стран, она выступает сегодня как новый вектор развития мировой системы. В современной экономике кластерный подход уже зарекомендовал себя при решении ряда комплексов задач, например: разработка и реализация промышленной политики страны, отдельных ее регионов и городов; формирование и реализация стратегических программ территориального развития; развитие делового сотрудничества различных форм бизнеса (крупного, среднего и малого) между собой и с органами власти [23].

Кластерная политика может быть новым, более эффективным инструментом повышения конкурентоспособности и диверсификации экономики региона. Вот в чем видит ряд российских ученых преимущества кластеров как инструментов регионального развития:

1. Кластер является проявлением самоор-

ганизации социально-экономического пространства по всем направлениям: факторам производства, технологиям, знаниям, занятости, культурной среде и др. Одновременное объединение хозяйствующих субъектов по всем направлениям позволяет получить общий синергетический эффект, и с этих позиций кластер является уникальным инструментом, носящим универсальный характер.

2. Кластер как инструмент регионального развития носит не только универсальный, но интегрирующий характер. Интегрирующий характер кластера заключается в комплексном решении в рамках кластерного подхода задач региональной стратегии и промышленной политики. В частности, создание конкурентоспособного промышленного комплекса региона, переход на инновационную модель регионального развития, развитие конкурентной среды, развитие малого и среднего бизнеса во взаимодействии с крупным, повышение образовательного уровня в регионе, развитие региональной инфраструктуры региона и т.д.

3. Кластерный подход является важным фактором диверсификации экономики региона, он позволяет снизить зависимость экономики региона от конкретных отраслей и предприятий. Если промышленная политика в ее первоначальном значении может строиться только на основе наличия какого-либо производства в регионе, то поле для кластерной политики гораздо шире.

4. Кластер позволяет повысить уровень

занятости и уровень производительности труда в регионе. Уровень производительности труда в кластере растет за счет специализации и аутсорсинга непрофильных видов деятельности, уровень занятости — за счет привлечения и формирования новых субъектов экономической деятельности в родственных и поддерживающих отраслях [8].

Проблеме необходимости формирования кластеров в российской экономике особое внимание начали уделять в 2005-2006 годах. Так, межведомственной комиссией по научно-инновационной политике в 2006 году была утверждена стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 (протокол от 15.02.2006 N 1), в которой были названы задачи модернизации экономики в виде стимулирования спроса на инновации и результаты научных исследований, создание условий и предпосылок для формирования устойчивых научно-производственных кооперационных связей, инновационных сетей и кластеров. В 2008 году была принята концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федера-

ции на период до 2020 года. Данная концепция определяет в качестве основного направления развития экономики России формирование новых центров социально-экономического развития за счет создания сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий [10]. Позже, в 2011 году, была утверждена стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, где в качестве одного из важнейших условий перехода к инновационному развитию рассматривается создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий. На федеральном уровне Министерство экономического развития РФ выступает координатором реализации кластерной политики в регионах.

Кластерная политика в России и Республике Татарстан

В таблице 1 показана система основных нормативных правовых актов, регулирующих существующие в настоящее время отношения,

Таблица 1

Основные нормативные правовые акты, регулирующие кластерную политику в России и Республике Татарстан

Название нормативного акта		Вид нормативного акта, кем и когда принят и утверждён
Федеральный уровень	Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года	Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009)
	Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года	Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р
	Об утверждении правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров	Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 г. № 188
	Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации	Письмо Министерства экономического развития России от 26.12.2008 г. №20615-АК/Д19
Региональный уровень	Программы развития и размещения производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года	Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 22.10.2008 № 763
	Концепции кластерного развития секторов экономики и социальной сферы на 2011-2015 годы	Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 23.11.2010 № 925

связанные с формированием и развитием кластеров в России и Республике Татарстан. Также Минэкономразвития РФ при участии Академии народного хозяйства, Министерства образования и науки и консалтинговой компании Ваuman Innovation разработало проект «Концепции кластерной политики в Российской Федерации». Согласно проекту концепции, основной целью реализации кластерной политики в РФ является обеспечение высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, образующих территориально-производственные кластеры [9].

В программе развития и размещения производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода отмечаются благоприятные условия для формирования и развития эффективных территориальных кластеров в нефтехимии, отраслях машиностроения (прежде всего, в автомобилестроении), а также в образовательном комплексе на территории республики [19]. В концепции кластерного развития секторов экономики и социальной сферы в Республике Татарстан говорится, что целью реализации кластерной политики в Татарстане ставится повышение конкурентоспособности татарстанской экономики на основе ее модернизации и диверсификации. Для достижения сформулированной цели должны быть выполнены следующие задачи: формирование экономического ареала кластера на основе оценки экономического потенциала хозяйствующих субъектов, связанных технологическими цепочками; создание нормативно-правовой базы по формированию и развитию кластеров; формирование условий для эффективного развития кластеров, включая разработку стратегий их развития, обеспечивающих наращивание конкурентных преимуществ участников кластеров; гармонизация создания и функционирования отраслевых (секторальных) кластеров и их образовательного и научно-методического обеспечения [17].

В концепции кластерного развития секторов экономики и социальной сферы в РТ от-

мечается, что в республике могут быть сформированы следующие типы кластеров: процессные (нефтегазохимический, энергетический, агропромышленный и строительный комплексы); дискретный (автомобилестроение); инновационно-технологический (образовательные кластеры и IT-кластер); спортивно-туристический. В настоящее время в Татарстане формируются четыре отраслевых (секторальных) кластера: нефтегазохимический; энергетический; автомобилестроительный; IT-кластер. Два первых относятся к процессному, автомобилестроительный – к дискретному типу кластеров. IT-кластер относится к инновационно-технологическому типу. К этому же типу относятся 4 образовательных кластера, функционально интегрированных с отраслевыми кластерами: нефтедобычи, нефтепереработки и нефтехимии; энергетики; автомобилестроения; инфокоммуникации и связи. Кроме того, в республике сформирован образовательный кластер в отрасли здравоохранения по подготовке медицинских и фармацевтических кадров и формируется образовательный кластер в строительном комплексе. Также в республике существуют предпосылки формирования спортивно-туристического, агропромышленного и строительного кластеров [17]. В настоящий момент в Татарстане в качестве основных выделены нефтехимический и машиностроительный кластеры [13]. В Татарстане успешно действуют центр кластерного развития Республики Татарстан в области переработки полимеров (ЦКР РТ) и Камский инновационный территориально-производственный кластер. Программа поддержки Камского инновационного территориально-производственного кластера на 2013 – 2016 годы была утверждена постановлением Кабинета министров Республики Татарстан 03.09.2013 № 624 «Об утверждении Программы поддержки Камского инновационного территориально-производственного кластера на 2013 – 2016 годы» [16]. Также следует отметить, что в Республике Татарстан большое внимание уделяется развитию научно-образовательных кластеров.

Формирование туристических кластеров в России и Татарстане
Туриндустрия — системообразующая

отрасль экономики, эффективно связующая и использующая комплексы различных отраслей в общественно значимых целях. Одно рабочее место в туризме приводит к появлению четырех рабочих мест в отраслях, соучаствующих в производстве туристского продукта [15]. По данным единой межведомственной информационно-статистической системы, в едином федеральном реестре в 2013 году было зарегистрировано 4 608 туроператора, что на 77 меньше чем в предшествующем году. Помимо некоторого спада, произошли изменения и в структуре российского туристического бизнеса. Так, по сравнению с 2012 годом количество туроператоров, занимающихся международным въездным туризмом, в 2013 году сократилось более чем вдвое (с 580 до 225), въездным туризмом – на

21,78% (с 2796 до 2187), в то же время количество туроператоров, работающих в сегменте внутреннего туризма, за этот же период увеличилось на 28,16% (с 1889 до 2421) [7]. Это говорит, с одной стороны, что данная отрасль в настоящее время переживает кризис, с другой стороны, о том, что в российской туристической индустрии происходит переориентация на внутренний туризм.

В федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)» отмечено, что Россия обладает высоким туристско-рекреационным потенциалом. На ее территории сосредоточены уникальные природные и рекреационные ресурсы, объекты национального и мирового культурного и исторического наследия, проходят важные экономические, культурные, общественные и спортивные со-

Таблица 2

Основные нормативные правовые акты, регулирующие туристическую деятельность в России и Татарстане

Название нормативного акта		Вид нормативного акта, кем и кода принят и утверждён
Федеральный уровень	Об основах туристской деятельности в Российской Федерации	Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012). Принят Государственной думой, одобрен Советом Федерации
	Об утверждении положения о Федеральном агентстве по туризму	Постановление Правительства РФ от 31.12.2004 г. N 901 (в ред. от 19.06.2012 N 606)
	Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)»	Постановление Правительства Российской Федерации от 02 августа 2011 года № 644
	Об утверждении новой редакции государственной программы «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы	Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. №317
	Об утверждении типовой структуры региональной (муниципальной) программы развития туризма субъекта Российской Федерации	Приказ Ростуризма от 11.07.2007 № 66
	Об утверждении стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года	Приказ Ростуризма от 06.05.2008 № 51
Региональный уровень	Долгосрочная целевая программа «Развитие сферы туризма в Республике Татарстан на 2013—2016 годы»	Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 5.02.2013 № 72
	О преобразовании управления государственных закупок Республики Татарстан и Агентства по туризму Республики Татарстан	Указ Президента Республики Татарстан от 20 марта 2014 года №УП-286

бытия. Во многих регионах представлен широкий спектр потенциально привлекательных туристских объектов и комплексов, пользующихся большой популярностью у российских и иностранных туристов. В то же время в программе делается вывод, что имеющийся значительный туристский потенциал страны и ее регионов используется далеко не в полной мере [24].

Основные нормативные документы, на основе которых осуществляется туристическая деятельность в России и Татарстане перечислены в таблице 2.

Функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом, а также правоприменительные функции в сфере туризма в России осуществляет Федеральное агентство по туризму (Ростуризм). Руководство деятельностью Федерального агентства по туризму осуществляет Министерство культуры Российской Федерации. В Татарстане исполнительным органом государственной власти, осуществляющим функции по государственному управлению в сфере туризма, является Государственный комитет Республики Татарстан по туризму, преобразованный в 2014 году из управления госзакупок РТ и агентства по туризму РТ.

Согласно методическим рекомендациям по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации, туристические кластеры формируются на базе туристических активов региона и состоят из предприятий различных секторов, связанных с обслуживанием туристов [11].

Соответственно, в туристический кластер могут входить все предприятия, связанные с созданием, продвижением и предложением туристического продукта потребителю. В международной практике принято условное деление предприятий туристического бизнеса по характеру удовлетворения туристских потребностей на: 1) предприятия посредничества и организации туризма; 2) транспортные предприятия; 3) предприятия, обеспечивающие жизнедеятельность туристов во время путешествия; 4) предприятия зрелищных услуг. В ряде работ выделяются три группы организаций как основных инфраструктурных элементов туристского рынка:

1) организации и предприятия, занимающиеся разработкой и предоставлением основных туристских услуг (туроператоры и турагенты, предприятия размещения, общественного питания, транспортные);

2) специализированные организации, оказывающие туристские услуги целевого назначения (экскурсионные бюро и организации гидов-переводчиков; оздоровительные комплексы рекреационного туризма; туристские базы различной специализации; учебные пункты первоначальной специализированной подготовки туристов; спортивные комплексы и лагеря для занятий спортом и проведения соревнований; предприятия, производящие и продающие товары туристского назначения; службы и организации по оказанию услуг в области международного туризма и юридических; организации, предоставляющие услуги по урегулированию различных туристских формальностей); 3) организации, занимающиеся воспроизводством туристской деятельности (организации профессиональной подготовки и переподготовки кадров для сферы туризма; кадровые агентства по профессиональному отбору; курсы подготовки экскурсоводов и гидов-переводчиков; организации аттестации, аккредитации и контроля физических и юридических лиц, занимающихся туристской деятельностью) [3, 15, 25]. Таким образом, туристический кластер представляет собой объединение большого количества взаимосвязанных локализованных предприятий, организаций и учреждений различных отраслей и видов деятельности.

В приказе Ростуризма №245 от 21 июля 2014 года "Об утверждении реестра инвестиционных проектов субъектов Российской Федерации, включенных Координационным советом в перечень мероприятий федеральной целевой программы "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)" выделено 46 туристических кластера, которые планируют развивать в регионах России. Среди них: автотуристский кластер «Зарагиж» (Кабардино-Балкарская Республика), автотуристский кластер «Самоцветное кольцо Урала» (Свердловская область), туристическо-рекреационный кластер

на берегах р. Волги «Волгыдо» (Республика Марий Эл), туристическо-рекреационный кластер «Финно-угорский этнокультурный парк» (Республика Коми), кластер делового туризма «Туристический многофункциональный комплекс «ГРИНН»» (Орловская область), «Озерный кластер – кластер оздоровительного и бальнеологического туризма в Новосибирской области» и т.д. [18].

Республика Татарстан играет заметную роль в развитии туризма Российской Федерации, показывая положительную динамику по основным показателям: рост туристического потока и рост объема оказанных услуг в сфере туризма. Татарстан обладает высоким туристско-рекреационным потенциалом, на его территории сосредоточены уникальные природные и рекреационные ресурсы, объекты национального, культурного и исторического наследия, проходят важные экономические, спортивные и культурные события. Татарстан считается одним из наиболее развитых регионов в гостиничной сфере Поволжья [1]. По сведениям территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, за 2013 год регион посетило более 1 млн 662 тыс. туристов. В республике зарегистрировано и функционирует более 600 туристических компаний, в том числе 42 туроператора, которые работают на развитие внутреннего и въездного туризма [14].

В долгосрочной целевой программе «Развитие сферы туризма в Республике Татарстан на 2013—2016 годы» и в мастер-плане развития туризма Татарстана, разработанного австрийской компанией Kohl&Partner, выделены следующие приоритетные виды туризма: оздоровительный, городской, культурно-познавательный, событийный, деловой, круизный, экологический и паломнический. Перспективными вилами туризма являются: туристические круизы, этнический, рыболовный и охотничий туризм, спортивный туризм, клубный туризм, походный туризм, архитектурный, сельский, социальный и археологический туризм [1]. В рамках целевой программы предполагается создать в республике сеть туристско-рекреационных кластеров, которые станут точками роста развития региона, меж-

региональных связей, активизировав вокруг себя развитие малого и среднего бизнеса. Элементы указанной сети планируется располагать на наиболее популярных маршрутах, а также вблизи мест, представляющих значительный туристский интерес: исторических и культурных центров, объектов показа, других мест, привлекательных для туристов. В кластерах на отдельных территориях региона будут созданы условия для ускоренного развития туристской инфраструктуры, обеспечивающей интенсивный прирост внутреннего и въездного туристских потоков, а также оказывающей мультипликативный эффект на развитие сферы сопутствующих услуг и смежных отраслей. Выделены следующие потенциальные туристско-рекреационные кластеры: «Казань», «Древний город Болгар», «Остров-град Свияжск», «Свияга-Лэнд», «Берега Елабуги», туристско-оздоровительный парк «Камские Поляны» (2 кластера), «Новая Тура». Кроме туристско-рекреационных кластеров предусмотрено проектирование и создание автотуристических кластеров, которые будут располагаться вблизи федеральных трасс [1].

Перспективы формирования туристического кластера в Камском районе Республики Татарстан

Камский экономический район был выделен в 2007 году. Министерство экономики РТ предложило условно разделить территорию Татарстана на 7 укрупненных экономических районов. В качестве второй по значимости промышленной зоны республики обозначен Камский экономический район, где сосредоточены промышленно развитые города Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга, Менделеевск, Заинск и прилегающие к ним районы [22]. Камский экономический район наряду с Казанской агломерацией отнесены к зонам опережающего экономического развития России [12].

Мы считаем, что опорными пунктами развития Камского туристического кластера должны стать города Набережные Челны и Елабуга. При этом наиболее перспективным туристическим центром кластера является Елабуга. В долгосрочной целевой программе «Развитие сферы туризма в Республике Татар-

стан на 2013-2016 годы» в качестве потенциального туристско-рекреационного кластера отмечен кластер «Берега Елабуги». Также в программе выделен бренд «Елабуга» среди наиболее известных и конкурентоспособных туристических брендов Республики Татарстан. В мастер-плане развития туризма Татарстана Елабуга рекомендована в качестве регионального центра развития туризма в восточной части республики. Отмечено, что Елабужский государственный музей-заповедник входит в число наиболее интересных достопримечательностей Республики Татарстан [1].

Елабужский государственный музей-заповедник включён в единый федеральный реестр туроператоров. Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля 1995 г. Елабужский государственный музей-заповедник признан объектом исторического и культурного наследия общероссийского значения. В составе Елабужского государственного музея-заповедника 14 музейно-выставочных объектов. Площадь охранной зоны составляет 491,5 га. На сегодняшний день на территории охранной зоны расположены 184 памятника истории и объекта культурного наследия, из них 6 – федерального значения, 106 – республиканского значения, 72 – местного значения. Одним из важнейших направлений деятельности музея-заповедника является развитие музеев. Другим приоритетным направлением его деятельности является развитие различных видов туризма на территории Елабужского муниципального района и города Елабуги. Ключевую роль здесь играет туристско-информационный центр «Елабуга». Таким образом, можно говорить о достаточно высоком уровне развития туристической инфраструктуры в г. Елабуга. Созданы все условия для динамичного развития культурно-познавательного, круизного и событийного видов туризма. Перспективными направлениями являются этнический и сельский, экологический, паломнический и спортивно-оздоровительный виды туризма [4]. Также следует отметить, что на сайте Государственного комитета Республики Татарстан по туризму одним из четырех перспективных инвестиционных проектов в сфере туризма отмечен проект создания многофункционального туристско-рекреационного комплекса «Берега

Елабуги». Проект предполагает создание ряда объектов туристской инфраструктуры, входящих в единый комплекс, и проведение ежегодных мероприятий российского масштаба [6].

Город Набережные Челны является по численности населения тридцатым в России и вторым в Татарстане, главным городом Камского экономического района и одним из важнейших деловых центров республики. В мастер-плане развития туризма Татарстана отмечено, что в Челнах в 2012 году было зарегистрировано 446 тысяч туристических ночевков в год. Это в 4,8 раз больше чем, например, в Елабуге [1]. В программе социально-экономического развития муниципального образования город Набережные Челны на 2011-2015 годы (далее – программа) отмечено, что спецификой Набережных Челнов является моноотраслевой характер экономики. ОАО «КАМАЗ» – градообразующее предприятия города. В качестве одной из основных проблем, оказывающей негативное влияние на инвестиционную привлекательность муниципального образования, в программе отмечен низкий уровень диверсификации экономики [20].

Следует отметить, что программа не предусматривает развитие туристического бизнеса в городе как перспективного вида экономической деятельности, и туризм отдаленно отсутствует среди комплекса программных мероприятий социально-экономического развития территории. В то же время, как было отмечено выше, Набережные Челны являются моноотраслевым городом и важнейшим стратегическим направлением его развития является диверсификация существующего производственного потенциала. Некоторые эксперты считают, что одним из направлений диверсификации экономики города вполне может стать туризм. Так, на публичных слушаниях по проекту бюджета Набережных Челнов на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов экспертная комиссия по бюджету города в лице докторов экономических наук, завкафедрой экономической теории и экономической политики НЧИ КФУ Макарова А. Н., предложила развивать такое направление как туризм и создать в Набережных Челнах центр современной культуры.

Это, считают эксперты, поможет привлечь в бюджет дополнительные средства и позволит увеличить налогооблагаемую базу [5].

В отличие от Елабуги туристический потенциал города Набережные Челны не так очевиден. В то же время ряд специалистов высказываются о возможности превращения Челнов в туристический центр [2, 21]. В ходе анализа конкурентных преимуществ и особенностей города Набережные Челны мы пришли к выводу, что имеются основания для успешного развития туризма в городе. При этом **приоритетным направлением должен стать деловой туризм**. В пользу данного утверждения говорят следующие факты:

- по количеству ночевок в год Набережные Челны уступают лишь Казани, заметно опережая по данному показателю все остальные города Татарстана;

- город играет ведущую роль в Камском экономическом районе, является одним из важнейших деловых центров республики; здесь сосредоточены ведомства, организации и объекты, имеющие региональное значение;

- по научно-образовательному потенциалу Набережные Челны в республике уступает лишь Казани, в Набережночелнинском институте КФУ ведется подготовка студентов по профилям «Менеджмент туризма» и «Туризм»;

- выгодное геополитическое и благоприятное транспортно-географическое положение (пересечение железнодорожных, автомобильных и речных магистралей общероссийского значения);

- стабильный производственный потенциал; наличие крупных предприятий, в том числе международного, федерального и республиканских уровней;

- развитый потребительский рынок, высокая концентрация сетевой торговли;

- наличие развитой инфраструктуры поддержки предпринимательства;

- Набережные Челны входит в состав Камского инновационного территориально-производственного кластера (далее кластера), доля которого в валовом региональном продукте республики составила в 2011 году 26,4 %, объем инвестиций кластера составил 33,7 % от республиканского объема инвестиций. В

дальнейшем планируется эти показатели увеличить;

- программа поддержки Камского инновационного территориально-производственного кластера на 2013 – 2016 предусматривает финансирование в размере 143 338,87 млн. руб. организации выставочно-ярмарочных и коммуникативных мероприятий, проведение крупных конференций (межрегиональных, международных) и/или обеспечение участия представителей организаций – участников Кластера в выставочно-ярмарочных и коммуникативных мероприятиях;

- в программе социально-экономического развития муниципального образования город Набережные Челны на 2011-2015 годы в качестве мероприятия развития города предусматривается содействие организации и проведению в городе инновационных форумов, выставок, венчурных ярмарок и других подобных мероприятий;

- наличие в городе площадей для организации всевозможных выставок и экспозиций, большое количество конкурирующих между собой площадок для проведения конференций, семинаров, круглых столов, вебинаров и т.д.;

- в городе работает более 100 турфирм, некоторые из которых ориентированы на внутренний туризм, также имеется большое количество конкурирующих предприятий смежных областей туристической деятельности: гостиниц, ресторанов, индустрии развлечения, сувенирных мастерских и т.д.

Также определенные перспективы имеют в Набережных Челнах промышленный, клубный туризм/туризм выходного дня, шоп-туры. При определенных условиях в муниципальном округе можно развить культурный туризм, спортивный туризм, событийный и походный туризм.

Помимо Набережных Челнов и Елабуги, в состав туристического кластера Камского района могут входить расположенные поблизости города Нижнекамск, Менделеевск, Заньинск, Мензелинск. Мы считаем, что инвестиционные проекты «Фестивально-событийная площадка», туристско-оздоровительный парк «Камские Поляны» и туристско-рекреационный кластер «Камская жемчужина», находящиеся в центре внимания Госко-

митета РТ по туризму, могут полностью или частично быть реализованы в рамках Камского туристического кластера. Также в пользу формирования туристического кластера в Камском районе говорят следующие факторы:

- туризм как сфера услуг не требует крупных капиталовложений, срок окупаемости инвестиций здесь короче, чем в промышленности;

- внутренний туризм является наиболее перспективным направлением развития туристического бизнеса в России. В связи с банкротством крупнейших турфирм в 2014 году, неблагоприятной экономической и внешнеполитической ситуацией в дальнейшем будет наблюдаться еще большая переориентация российских туристов и туристических предприятий с внешних на внутренние туристско-рекреационные ресурсы;

- в создании туристического продукта принимают участие многие предприятия различных видов деятельности, поэтому развитие туризма оказывает позитивное воздействие и на смежные области: гостиничную индустрию, транспортную индустрию, индустрию общественного питания, индустрию досуга и развлечений и т.д. Соответственно, создается большое количество рабочих мест в различных отраслях.

- основные города Камского экономического района РТ – моноотраслевые. Развитие туризма оказывает способствовать диверсификации их экономик;

- в рамках поддержки Камского инновационного территориально-производственного кластера в 2012-2020 годах планируется финансирование транспортной инфраструктуры в размере 125490,42 млн руб. и материально-технической базы культуры и спорта городских округов и муниципальных районов кластера в размере 8946,54 млн руб. Что положительно скажется в целом на туристическом потенциале территории.

На наш взгляд, центральная проблема, возникающая при формировании любого вида кластера в существующих российских реалиях, – высокие транзакционные издержки участников кластера и институциональные сложности. Особенно это актуально для туристических кластеров, так как они, как было отмечено выше, представляют собой

объединение предприятий, организаций и учреждений различного типа и форм собственности широкого спектра отраслей. Также мы считаем, что существуют следующие недостатки местной туристской индустрии, которые необходимо учитывать при формировании туристического кластера в Камском районе:

- слабая материальная база у местных турфирм; низкий уровень развития специализированной инфраструктуры и сервиса; отсутствие туристической навигации, основанной на международных стандартах; дефицит квалифицированного персонала;

- недостаточно активное продвижение туристского потенциала территории на мировых и региональных туристских рынках, отсутствие четких и сильных туристических брендов, влияние негативных стереотипов;

- недостаточное разнообразие конкретного туристского продукта и невысокая конкурентоспособность в целом регионального туристского продукта, несоблюдение стандартов качества предоставляемых услуг;

- в работе органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов по развитию туризма на своих территориях зачастую отсутствует системный характер и понимание необходимости развития туристской специализации и конкурентоспособных туристских брендов, использования современных туристских технологий.

Подводя итог, мы можем отметить следующее:

1. Имеются все возможности для формирования туристического кластера в Камском районе РТ. Кластер будет иметь хорошие перспективы для развития.

2. Туристический кластер в Камском районе РТ окажет положительное воздействие на экономику территории, будет способствовать созданию новых рабочих мест, улучшению социальной обстановки, привлечет внимание к качеству городской среды, будет стимулировать рациональное использование культурных и природно-рекреационных ресурсов.

3. В туристическом кластере Камского района РТ могут успешно развиваться культурно-познавательный, деловой, городской,

этнический, сельский, походный, паломнический, рыболовный и охотничий, спортивный, клубный/выходной, круизный и событийный виды туризма.

Список источников

1. Долгосрочная целевая программа Развитие сферы туризма в Республике Татарстан на 2013-2016 годы // Портал Правительства Республики Татарстан. Государственный комитет Республики Татарстан по туризму. [Электронный ресурс]. URL: <http://tourism.tatarstan.ru/rus/info.php?id=604137> (дата обращения: 7.08.2014).
2. Дубровский А. Могут ли Челны стать центром туризма? // Доброхот. – 2012. – № 3 (120). – С. 8.
3. Дурович А.П. Организация туризма. – СПб.: Питер, 2012. – 320 с.
4. Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elabuga.com/> (дата обращения: 1.08.2014).
5. Зайнуллина Ю. Развить туризм и победить серый рынок // Вечерние Челны. – 2014. – № 11 (904). – С. 5.
6. Инвестиционные проекты // Портал Правительства Республики Татарстан. Государственный комитет Республики Татарстан по туризму. [Электронный ресурс]. URL: <http://tourism.tatarstan.ru/rus/info.php?id=607244> (дата обращения: 9.08.2014).
7. Информация о турфирмах // Единая межведомственная информационно-статистическая система. [Электронный ресурс]. URL: <http://fedstat.ru/indicator/data.do> (дата обращения: 2.08.2014).
8. Использование кластерного подхода в моделировании экономического пространства Российской Федерации / под ред. акад. РАН А. И. Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 559 с.
9. Концепция Кластерной политики в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/216/4808.php>. (дата обращения: 17.07.2014).
10. Котлярова С. Н. Формирование кластерной политики в регионах России // Экономика региона. – 2012. – № 2. – С. 306-314.
11. Методические материалы по разработке и реализации программы развития инновационного территориального кластера // Портал Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depino/201405216#> (дата обращения: 17.07.2014).
12. На карте зон опережающего экономического развития Российской Федерации появятся две территории Республики Татарстан - Камский экономический район и Казанская агломерация // Портал Правительства Республики Татарстан. Министерство экономики Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/15923.htm/> (дата обращения: 11.08.2014).
13. Основные кластеры Республики Татарстан // Портал Правительства Республики Татарстан. Перечень государственных инструментов, способствующих повышению производительности труда. [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.tatarstan.ru/programproiztruda-1-1.htm>. (дата обращения: 27.07.2014).
14. Основные статистические показатели туристской отрасли Республики Татарстан за 2013 год // Портал Правительства Республики Татарстан. Государственный комитет Республики Татарстан по туризму. [Электронный ресурс]. URL: <http://tourism.tatarstan.ru/rus/documents.htm> (дата обращения: 7.08.2014).
15. Основы туризма: учебник / А.С. Кусков, Ю.А. Джаладян. — 4-е изд., перераб. — М.: КНОРУС, 2013. — 400 с.
16. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 624 от 03.09.2013 "Об утверждении Программы поддержки Камского инновационного территориально-производственного кластера на 2013 – 2016 годы". [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

17. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 925 от 23.11.2010 "Об утверждении Концепции кластерного развития секторов экономики и социальной сферы в Республике Татарстан на 2011 – 2015 годы". [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Приказ Ростуризма №245 от 21 июля 2014 года "Об утверждении Реестра инвестиционных проектов субъектов Российской Федерации, включенных Координационным советом в перечень мероприятий федеральной целевой программы "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)" ". [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Программа развития и размещения производственных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года // Портал Правительства Республики Татарстан. Министерство экономики Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/info.php?id=99885> (дата обращения: 27.07.2014).

20. Программа социально-экономического развития муниципального образования город Набережные Челны на 2011-2015 годы // Официальный сайт города Набережные Челны. Исполнительный комитет. [Электронный ресурс]. URL: <http://nabchelny.ru/company/page/40/683> (дата обращения: 11.08.2014).

21. Сельскова М. Стоит только сильно захотеть... // Доброхот. – 2012. – № 1 (118). – С. 14.

22. Татарстан разделят на 7 экономических зон // Портал Правительства Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://prav.tatar.ru/rus/index.htm/news/8388.htm> (дата обращения: 11.08.2014).

23. Территориальная конкуренция в экономическом пространстве / Важенин С. Г., Берсенов В. Л., Важенина И. С., Татаркин А. И. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – 540 с.

24. Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)» // Официальный сайт Федерального агентства по

туризму Министерства культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140852/> (дата обращения: 4.08.2014).

Экономика и организация туризма: Международный туризм: Учебное пособие для вузов / под ред. Ю.В. Забаева, Е.Л. Драчевой, И.А. Рябовой. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: КНОРУС, 2015 – 565 с.

I. Nasyrov,

doctor of Economic Sciences, professor, branch of Kazan (Volga region) Federal University in Naberezhnye Chelny

E. Shtyrlyeva,

senior Tutor, branch of Kazan (Volga region) Federal University in Naberezhnye Chelny

И. Насыров,

доктор экономических наук, профессор филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны

Е. Штырляева,

старший преподаватель филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны

ВЛИЯНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДИВИДЕНДОВ НА СОСТАВ АКЦИОНЕРОВ

Доходы акционеров в виде дивидендов подлежат двойному налогообложению, что может повлиять на их решение при выборе варианта вложения денежных средств с целью получения дохода. Максимизация доходов при минимальных затратах для любого экономического субъекта всегда крайне актуальна. В данной статье с помощью сравнения эффективности вложения денежных средств в различные продукты Сбербанка России проанализированы возможные выгоды и влияние налогообложения на принятое решение акционерами. В результате проведенного исследования сделан вывод о характере влияния налогообложения дивидендов на изменение состава собственников.

Ключевые слова: дивиденды, налог, эффективность, акция, банк.

Доходы акционерами могут быть получены как в виде дивидендов, так и в результате продажи акций за счет роста их курса. Доходы акционеров подлежат налогообложению. Кроме того, в практике налогообложения дивидендов существует проблема двойного налогообложения. Поэтому при распределении прибыли перед компаниями стоит выбор между выплатой дивидендов и реинвестированием прибыли на развитие. При этом предпочтение в выборе следует отдать такому распределению прибыли, потери (в т.ч. налоговые) по которому будут минимальными [1, 2].

На законодательном уровне в России не существует специально установленного норматива, регулирующего распределение организациями чистой прибыли. Однако для государственных компаний ограничение на выплату дивидендов составляет не менее 25% чистой прибыли, определенной по российским стандартам бухгалтерского учета. В настоящее время Минэкономразвития РФ в «Концепции первоочередных мер социально-экономического развития» внесло предложение об увеличении государственными компа-

ниями выплаты дивидендов до 25% от чистой прибыли по международным стандартам финансовой отчетности (МСФО), что отражает интересы как государства, так и частных инвесторов [3].

В международной научной литературе рассматриваются различные теории дивидендной политики, на основе которых разрабатываются дивидендные политики организаций. В их числе теория иррелевантности дивидендов (авторы Ф. Модильяни и М. Миллер), теория существенности дивидендной политики (М. Гордон и Дж. Линтнер), теория налоговой дифференциации (Р. Литценбергер и К. Рамсвани), сигнальная теория дивидендов, теория соответствия дивидендной политики составу акционеров. На практике в чистом виде эти теории не находят применения, однако некоторые положения имеют свое отражение в основе дивидендных политик зарубежных и российских компаний.

Рассмотрим подход теоретиков к вопросам формирования доходов акционеров и влияния налогообложения на их доходы.

Теория иррелевантности дивидендов

утверждает, что на богатство акционеров не оказывают влияние пропорции распределения дохода между дивидендами и реинвестированной прибылью и, следовательно, дивидендная политика не влияет на стоимость фирмы. Согласно этой теории стоимость фирмы зависит от доходности ее активов и ее инвестиционной политики.

Сторонники теории существенности дивидендной политики считают, что дивидендная политика существенно влияет на благосостояние акционеров.

Сторонники теории налоговой дифференциации утверждают, что для акционеров важнее тот доход, который облагается по наименьшей ставке. Например, в США доход от капитализации стоимости облагается налогом по меньшей ставке, чем доход в виде дивидендов, а следовательно, и доходы акционеров будут больше при инвестировании в фирму, не выплачивающую дивиденды.

Сигнальная теория дивидендов предполагает, что рыночная стоимость акций зависит от размера выплачиваемых дивидендов.

Теория соответствия дивидендной политики составу акционеров ориентирована на предпочтения акционеров в пользу получения текущего дохода в виде дивидендов, либо дохода за счет увеличения рыночной стоимости акций [4].

Авторы статьи предлагают к рассмотре-

нию еще один вариант дивидендной политики – политики соразмерности доходов акционеров налоговым платежам, в которой благосостояние акционеров определяется не только такими факторами как дивидендная доходность, денежный поток с вероятностью выплаты дивидендов, история регулярных выплат дивидендов в прошлые годы, уровень корпоративного управления, объем ликвидности, но и размером налогообложения. В соответствии с этой политикой налоги оказывают прямое влияние на решение о размере выплачиваемых дивидендов. И в случае высоких налогов на доходы собственников при распределении прибыли предпочтение будет отдано ее реинвестированию.

В таблице 1 отражены представленные в теориях дивидендной политики возможности влияния дивидендов, стоимости акций и налогообложения на совокупные доходы акционеров.

Ученые и экономисты не делают однозначного вывода о прямой зависимости между размером дивидендных выплат и рыночной стоимостью фирмы, но отмечают снижение налоговых потерь при реинвестировании прибыли. То есть подтверждается тот факт, что, чем платить налоги, лучше не выплачивать дивиденды, а реинвестировать прибыль. Однако акционеры могут требовать компенсировать потери в связи с повышенным уровнем

Таблица 1

Название теории дивидендной политики	Влияние на формирование доходов акционеров		
	дивидендов	стоимости акций	налогообложения
Теория иррелевантности («не имеет значения»)	-	-	-
Теория существенности дивидендной политики («синица в руках»)	+	-	не рассматривается
Теория налоговой дифференциации («минимум налогов»)	-	+	доходы акционеров формируются в зависимости от уровня налогообложения таких доходов
Сигнальная теория дивидендов («теория сигнализирования»)	+	+	не рассматривается
Теория соответствия дивидендной политики составу акционеров («теория клиентуры»)	в зависимости от предпочтения акционеров		не рассматривается
Теория соразмерности доходов акционеров налоговым платежам	+	+	+

налогообложения, большей дивидендной доходностью. Иначе акционеры могут прибегнуть к массовому сбросу акций, что снизит их курсовую стоимость и может привести к утрате организацией финансовой самостоятельности. Такая ситуация возможна при нестабильности налогообложения доходов в виде дивидендов [4].

Рассмотрим влияние размера выплачиваемых дивидендов на курс акций, применив классическую формулу Гордона, и откорректируем ее с учетом налогообложения дивидендов (1, 2).

$$V_t = Dt / (r-g), \quad (1)$$

где V_t – теоретическая стоимость акций;

Dt – ожидаемый дивиденд очередного периода;

r – коэффициент дисконтирования;

g – ожидаемый темп прироста дивидендов.

$$V_{t1} = (Dt-N) / (r-g1), \quad (2)$$

где V_{t1} – теоретическая стоимость акций с учетом налогообложения;

N – налог на дивиденды;

$g1$ – ожидаемый темп прироста дивидендов после налогообложения дивидендов.

Формула Гордона показывает, что курс акций прямо пропорционален размеру дивиденда и обратно пропорционален процентной ставке по альтернативным вложениям. При этом доход акционеров тем больше, чем больше ожидаемый дивиденд и темп его прироста и, соответственно, больше теоретическая стоимость акций (1). Налогообложение дивидендов приводит к уменьшению стоимости акций (2).

Однако классическая формула не всегда действительна на практике. Как же на практике налогообложение доходов в виде дивидендов оказывает влияние на курс акций?

С 2005 г. налоговая ставка на дивиденды в России возросла с 6% до 9% [5]. Рассмотрим влияние налоговой ставки на изменение курса акций на примере Сбербанка. В 2004 г. ставка налога на дивиденды составляла 6% и при этом наблюдался рост курсовой стоимости акций (рисунок 1) [6].

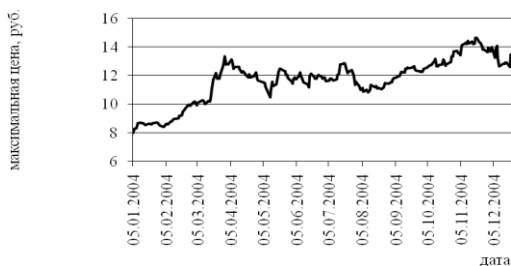

Рис. 1. Динамика изменения курса акций Сбербанка РФ за 2004 г., в руб.

Увеличение ставки налога на дивиденды в 2005 г. существенно не повлияло на изменение курса акций в сторону его снижения. Наоборот, тенденция в сторону увеличения курса акций Сбербанка по причинам, не связанным с налогообложением дивидендов, продолжилась (рисунок 2) [6].

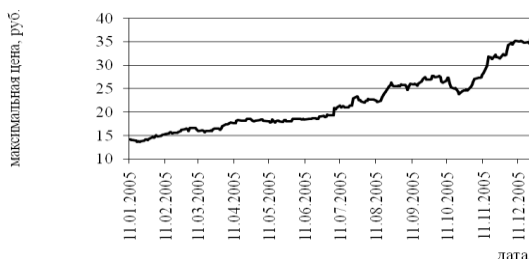

Рис. 2. Динамика изменения курса акций Сбербанка РФ за 2005 г., в руб.

Поэтому на практике налогообложение дивидендов напрямую не оказывает заметного влияния на рыночную стоимость акций. Также изучив котировку акций Сбербанка за 2013 г., было установлено, что на цены акций в этот период существенное влияние оказывало не налогообложение дивидендов, которое было стабильным, а совсем другие факторы. При этом курс акций Сбербанка в прошлом году колебался в пределах от 90 руб. 64 коп. до 111 руб. 50 коп. (рисунок 3) [6].

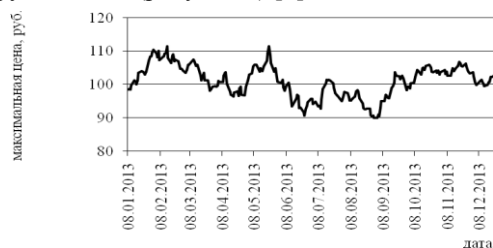

Рис. 3. Динамика изменения курса акций Сбербанка РФ за 2013 г., в руб.

С 2006 г. в России наблюдается замедле-

достижение по итогам 2013 г. уровня 20% от чистой прибыли, определенной на основе годовой консолидированной финансовой отчетности банка в соответствии с МСФО [6].

Таблица 2

Размер чистой прибыли Сбербанка, направленной на выплату дивидендов за период с 2001 по 2013 гг.

Годы	Размер чистой прибыли, в %
по 2001 г.	6
за 2002 г.	7
за 2003-2004 гг.	8
за 2005 г.	8,5
за 2006-2009 гг.	10
за 2010 г.	12
за 2011 г.	15,3
за 2012 г.	16,9
за 2013 г.	23,7 (прогноз)

ние капитализация фондового рынка, а дивидендная доходность акций российских эмитентов, наоборот, возросла и за последние два года достигла уровня западноевропейских компаний в размере 4-5%. На первом месте по дивидендной доходности – компании нефтегазового сектора, затем ценные бумаги банков и металлургических комплексов. При этом в За-

Далее рассмотрим эффективность вложения денежных средств в ценные бумаги Сбербанка России.

За последние 11 лет в Сбербанке наблюдается тенденция роста чистой прибыли банка, направленной на выплату дивидендов (таблица 2) [6].

В таблице 3 представлен прогнозный рас-

Таблица 3

Эмитент	Дивиденды на акцию, руб. (прогноз)	Дивиденды на акцию, руб. (чистые)	Дивидендная доходность, % (чистая)	Годовая эффективная доходность, %	Цена расчета доходности	DSI
Сбербанк	4,01	3,65	3,74	8,51	97,78	0,91
ВТБ	0,0016546	0,0015057	3,25	6,13	0,0464	0,83

падной Европе публичные компании направляют на дивиденды 30-40% чистой прибыли, в США – 50%, в России данный показатель колеблется на уровне 18-20% [7]. Данные по России подтверждаются также положениями дивидендной политики Сбербанка.

В рамках дивидендной политики Сбербанк ориентирован на увеличение дивидендных выплат, что способствует оптимизации структуры капитала и выстраиванию долгосрочного взаимодействия с акционерами. Сбербанк проводит политику, направленную на увеличение размера дивидендных выплат и

чет показателей, характеризующих эффективность вложений в акции Сбербанка РФ и ВТБ по итогам 2013 г. по данным на 28.01.2014 г. [8].

Годовая эффективная доходность акций выше у той компании, которая чаще выплачивает дивиденды, и используется для выбора между двумя активами, имеющими одинаковую фактическую доходность, но разные сроки фактической выплаты дивидендов и/или разную периодичность их выплаты, т.е. будет выбран тот актив, у которого годовая эффективная доходность больше. С учетом этого

условия сравним акции Сбербанка и ВТБ. Несмотря на то, что дивидендная доходность (чистая) Сбербанка (3,74%) примерно одного уровня с ВТБ (3,25%), годовая эффективная доходность акций Сбербанка – 8,51%, а ВТБ – 6,13%, следовательно, акционерам следует отдать предпочтение акциям Сбербанка.

DSI, или индекс стабильности дивидендных выплат – это индекс, позволяющий оценить стабильность выплачиваемых дивидендов компанией – эмитентом. Индекс учитывает периодичность выплаты дивидендов и стабильность доли прибыли компании, приходящейся на выплату. Чем выше значение показателя, тем лучше для инвестора.

Значение показателя по акциям Сбербанка DSI=0,91, что характеризует высокую стабильность дивидендных выплат, а именно регулярность выплаты и высокую стабильность доли от прибыли, приходящейся на дивиденды. Данное значение индекса характеризуется минимальной вероятностью невыплаты Сбербанком следующего дивиденда. Например, по сравнению с банками ВТБ (DSI = 0,83), Банком Москвы (DSI = 0,56) и Банком Спб (DSI = 0,87) акции Сбербанка имеют более привлекательные позиции [8].

Как определить эффективность вложений в акции Сбербанка для собственников банка и влияет ли налогообложение на доходность та-

составляет 95 руб. 28 коп., при этом прогнозная дивидендная доходность (чистая) составляет 3,74% на акцию (таблица 3). Количество акций 10495 шт., доходы в виде дивидендов до налогообложения 10495 x 4 руб. 01 коп. = 42084 руб. 95 коп. Чистые доходы после налогообложения составляют 10495 x 3 руб. 65 коп. = 38306 руб. 75 коп. При этом потери для собственника от налогообложения будут в размере 3778 руб. 20 коп., что составляет 9,86% его чистых доходов в виде дивидендов после налогообложения. В данном случае расчет представлен без учета потерь собственника от налогообложения прибыли до ее распределения на выплату дивидендов.

Размещая денежные средства на депозит Сбербанка "Классический" под 5,82% годовых, организация может получить годовой доход в сумме 58200 руб. В соответствии со ст. 250 НК РФ такие доходы организаций включаются в состав внереализационных доходов и подлежат налогообложению налогом на прибыль организаций. После уплаты с этой суммы налога на прибыль организаций доход составит 46560 руб. (58200 руб. – 11640 руб.). Причем налогообложение таких доходов не происходит дважды. Выгоды от размещения денежных средств на депозит очевидны.

Доход же от прироста капитала в результате продажи акций облагается по ставке 20%

Таблица 4

Структура акционеров Сбербанка России за 2011-2013 гг., в %

Акционеры	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Стратегический инвестор (Банк России)	57,6	57,6	50,0+1
Юридические лица – нерезиденты	33,4	33,9	44,0
Юридические лица – резиденты	4,2	4,0	2,3
Частные инвесторы	4,8	4,5	3,7

ких вложений? Для этого рассмотрим выгоды акционера Сбербанка на конкретном примере и сравним эффективность вложения средств в ценные бумаги и на депозит.

Рассмотрим пример, где рассчитаем величину дохода, которую получит инвестор при вложении средств в сумме 1000000 руб. на депозит и в результате приобретения акций. Рыночная цена акций Сбербанка на 30.01.2014 г.

(ставка налога на прибыль организаций) для юридических лиц и 13% для физических лиц. И существует мнение, что т.к. акционеры платят только 9% налога при получении дивидендов, с точки зрения налогообложения для них остается более выгодным получать доход в виде дивидендов, чем от продажи акций [9]. Но это мнение не учитывает проблему двойного налогообложения дивидендов, при кото-

ром ставка налога на величину средств, направленных на выплату дивидендов, составляет 27,2% [5].

Проанализируем структуру акционеров Сбербанка России в таблице 4 [6].

В структуре акционеров Сбербанка основные инвесторы – иностранные организации, доходы в виде дивидендов которых подлежат налогообложению по еще более высокой ставке в размере 15%, что приводит к еще большему снижению показателя дивидендной доходности. Однако иностранные инвесторы для устранения двойного налогообложения могут воспользоваться условиями международных соглашений, которые создают для них более выгодные режимы налогообложения.

А частным инвесторам вообще не выгодно размещать денежные средства в акции, по сравнению с вложениями во вклады, в связи с тем, что по вкладам доходность выше, чем по дивидендам, и доходы физических лиц в виде процентов по вкладам не подлежат налогообложению в пределах установленных налоговым законодательством норм.

Вышеперечисленное, по мнению авторов статьи, может быть одной из причин того, что за последние три года в структуре акционеров Сбербанка доля в уставном капитале юридических лиц – резидентов и частных инвесторов сокращается.

Следовательно, наличие более доходных и менее рискованных активов приводит к снижению объема и изытию инвестированных в акции средств резидентами. Двойное налогообложение вдвойне обостряет проблему, приводящую к снижению доходов собственников.

Так, предпосылками проведения в США налоговой реформы 2003 г. явились отрицательные последствия двойного налогообложения. Результаты реформы показали, что оптимальная система налогообложения дивидендов приводит к увеличению числа организаций, выплачивающих регулярные дивиденды, к росту величины выплачиваемых постоянных и разовых дивидендов [10]. Поэтому и в России следует принять меры по устранению проблемы двойного налогообложения дивидендов, в первую очередь, на законодательном уровне.

Таким образом, налогообложение дивидендов оказывает влияние на благосостояние

акционеров только в части такого вида доходов. На рост курсовой стоимости акций налогообложение существенного влияния не оказывает. Однако на состав акционеров уровень дивидендной доходности влияет заметно, приводя к уменьшению доли резидентов и, соответственно, увеличению доли нерезидентов.

Литература

1. Насыров И. Н., Нуретдинова Л. Г., Штырляева Е. В. Последствия двойного налогообложения прибыли собственников организаций // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 3 (189). С. 54-58.
2. Насыров И. Н., Нуретдинова Л. Г., Штырляева Е. В., Дарземанов И. Р. Проблема двойного налогообложения прибыли от интеллектуальной собственности организации // Управление интеллектуальной собственностью как фактор повышения эффективности развития организаций: сб. матер. междунауч.-практ. конф. 8-9 ноября 2013. Казань: Казанский ун-т, 2013. С. 152-160.
3. Папченкова М., [Товкайло М.](#), [Терентьева М.](#) Госкомпаниям предпишут направлять 25% от чистой прибыли по МСФО на дивиденды. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru>.
4. Финансовый менеджмент: учебник / кол. авторов; под ред. проф. Е.И. Шохина. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС. 2010. 480 с.
5. Насыров И. Н., Штырляева Е. В., Дарземанов И. Р. Предпочтительные ставки налога при решении проблемы двойного налогообложения дивидендов // Образование и наука Закамья Татарстана. 2014. № 28. Режим доступа: <http://www.naucltat.ru>.
6. Официальный сайт Сбербанка России. Режим доступа: <http://www.sberbank.ru>.
7. Суранов С. Дивидендная доходность: факты и цифры // Экономика и жизнь. № 13 (9479). – 2013 – 5 апреля.
8. Официальный сайт Инвестиционной компании "ДОХОДЪ". Режим доступа: <http://www.dohod.ru>.
9. Налоговый кодекс РФ, ч. 2: федер. закон № 117-ФЗ от 05.08.2000 (в ред. от 01.01.2014 г.).
10. Башкина У.И. Дивидендная политика западных фирм и ее регулирование // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2005. № 6.

РЫНОК ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНОК ТРУДА

Е.В.Максютина, к.э.н., доцент,
Набережночелнинский институт
Казанского (Приволжского) федерального
Университета

E.V. Maksyutina,
candidate of Economic Sciences, docent,
branch of Kazan (Volga region) Federal
Kazan Federal University
in Naberezhnye Chelny

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ МИР ТРУДА: ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ*Аннотация*

В статье рассматривается влияние современной глобальной экономики на мир труда. Глубокие демографические изменения, внедрение технологических инноваций (автоматизация производства, робототехника, трехмерная печать, цифровые технологии и др.), глобальный аутсорсинг изменяют положение дел в сфере занятости населения разных стран. В статье анализируются положительные и отрицательные аспекты этого влияния на мировой рынок труда. Также рассматриваются вопросы, касающиеся формирования новой системы международного разделения труда.

Ключевые слова

Рынок образования, рынок труда, человеческий капитал, наука, заработная плата, труд

В условиях современной глобальной экономики мир труда претерпевает быстрые изменения. Глубокие демографические изменения, внедрение технологических инноваций, глобальная миграция и пока ещё не до конца преодоленные последствия международного финансового кризиса изменяют положение дел в сфере занятости населения разных стран. Те страны, которые сумеют успешно адаптироваться к вызовам времени и решить назревшие проблемы в сфере труда, смогут добиться серьезного прогресса в деле роста эффективности производства, повышения производительности труда, улучшения качества жизни населения. Для тех стран, которые этого не сделают, преобразующее воздействие занятости на экономическое развитие останется нереализованным.

Занятость вносит существенный вклад в экономическое и социальное развитие, говорится в «Докладе о мировом развитии – 2013», подготовленном Всемирным банком [5]. Помимо той важной роли, которую она играет в обеспечении отдельного человека, она представляет собой залог решения многих более широких задач, таких как сокращение бедности, рост производительности экономики в целом и укрепление социальной сплоченности. К числу видов занятости, в наибольшей степени благоприятствующих развитию, относятся те, которые улучшают жизнь в городах,

связывают экономику с мировыми рынками, привлекая в страну новые технологии и навыки управления, защищают окружающую среду, укрепляют доверие и повышают гражданскую активность, а также сокращают бедность. Напротив, неприемлемы те виды занятости, которые противоречат международным нормам в области прав человека и трудовым нормам (принудительный труд, вредные формы детского труда, дискриминация, лишение права выражать свое мнение и др.).

По всему миру трудятся более 3 млрд человек, из них 1,65 млрд работают по найму и регулярно получают зарплату, 1,5 млрд заняты в сельскохозяйственной деятельности, на малых семейных предприятиях, на сезонных работах. В то же время 200 млн человек в мире – безработные, которые активно ищут работу, причем преобладает в этой категории молодежь. Еще 621 млн молодых людей не работают и не учатся, то есть относятся к категории «неактивных». Всего же почти 2 млрд человек трудоспособного возраста (большинство из них женщины) не работают и не ищут работу. Лишь для того чтобы остаться на текущем уровне занятости, в мире должно быть создано 600 млн рабочих мест в ближайшие 15 лет, главным образом в странах Азии и Африки к югу от Сахары. При этом политика, проводимая в развитых и развивающихся странах, должна отличаться: необходимо при-

нимать во внимание уровень развития страны, ее ресурсы и институты.

Частному сектору отведена решающая роль в создании рабочих мест: сейчас в нем задействовано 90% рабочих в развивающихся странах, причем половина трудящегося там населения – это крестьяне или самостоятельно занятые лица, находящиеся вне рынка труда. В некоторых же странах Ближнего Востока и Северной Африки основным работодателем остается государство, причина этому – политический курс и большая зависимость от нефти.

Политика в сфере занятости, по мнению авторов доклада, должна проводиться государством на трех различных уровнях: «основы», «политика в сфере труда», «приоритеты». Так, государство должно обеспечить благоприятную внешнюю среду, что одинаково важно как для экономического роста, так и для создания рабочих мест. Далее, требуется грамотная политика в сфере труда, которая сможет помочь обеспечению на базе экономического роста возможностей для трудоустройства. Наконец, важно определить, какие виды занятости, с учетом специфических особенностей страны, могут внести наибольший вклад в развитие.

Новые технологии существенно влияют на мировой рынок труда. Нельзя сказать, что все технологии делают переворот в привычном укладе жизни, однако есть те, потенциал которых определенно говорит о предстоящих глобальных переменах в бизнесе, а с ним и на рынке труда. Институт глобальных исследований МакКинзи (McKinsey Global Institute) в результате исследования пришел к списку из 12 технологий, которые способны в ближайшие годы кардинально изменить облик мирового бизнеса. В опубликованном докладе под названием «Передовые технологии: преимущества, которые изменят жизнь, бизнес и глобальную экономику» говорится о 12 ключевых технологиях будущего, а именно: мобильный интернет; интернет вещей; автоматизация умственного труда; автономные или почти автономные движущие средства; передовая геномика; облачные технологии; хранилища энергии; трехмерная печать; робототехника; материаловедение; новые методы добычи нефти и газа; возобновляемые источники

энергии (солнце, ветер, вода и другие) [8].

Масштабы воздействия перечисленных технологий на мировой рынок труда различны, ведь уровень их влияния зависит от огромного количества факторов.

Ученые подтверждают те опасения, которые были сделаны мировыми писателями-фантастами, – мир действительно изменится под влиянием робототехники. Всё более сложные задачи будут передаваться в компетенцию роботов, включая и тех, передача которых ранее считалась экономически не целесообразной. По прогнозам экспертов, к 2025 году роботы смогут заменить человека практически на любом рабочем месте. Сегодня в США и Европе специализированное программное обеспечение активно вытесняет людей из туристического бизнеса и розничных продаж, даже заменяет государственных служащих. В этой связи большой интерес, по нашему мнению, представляют взгляды профессора школы менеджмента MIT при Массачусетском технологическом институте в Кембридже (США) Эрика Бриньёльфсона и исследователя Эндрю МакАфи. В ряде своих работ авторы утверждают, что повсеместное внедрение автоматизированных систем, специализированного программного обеспечения и роботов уже стало причиной сильного замедления роста занятости в США. В будущем развитые страны столкнутся с массовой безработицей, и больше всего от автоматизации пострадают не только производство и туристический бизнес, но также образование, медицина, сферы юридических и финансовых услуг [6].

Исследователи подчёркивают, что высокие технологии вовсе не являются злом. Они позволяют многие профессии сделать безопаснее, легче и продуктивнее. Но в то же время те же самые технологии вытесняют многие другие профессии, полностью их обесценивая. Этот процесс затрагивает уже средние и даже мелкие производства, благодаря созданию новых, более дешёвых роботов, способных выполнять широкий круг задач. То же самое можно сказать и о сферах государственного управления и предоставления различных услуг. И дело не ограничивается одними лишь роботами. Благодаря развитию программного обеспечения, удешевлению

электроники и доступности хранилищ для больших объёмов данных, сегодня автоматизируются многие рутинные задачи. Это уже привело в США к исчезновению многих рабочих мест в сфере обслуживания клиентов и почтовой службе. В ряде случаев автоматизация достигает такого уровня, что «программа общается с другой программой, в результате создаются новые цифровые процессы». Всё это является причиной роста производительности труда без увеличения количества рабочих мест (занятости).

По мнению исследователей, технология трехмерной печати и другие способы так называемого аддитивного производства также способны коренным образом изменить общество и мировую экономику. По силе воздействия это может быть сравнимо с изобретением парового двигателя, электрической лампы, атомной энергии или микрочипа. К таким выводам пришли специалисты аналитического центра «Инициатива стратегических прогнозов» (Strategic Foresight Initiative) – организации, созданной для анализа потенциальных последствий долговременных глобальных трендов, революционных изменений, которые могут произойти в мире [9].

Потенциал технологии поистине трудно переоценить. Массовое производство может трансформироваться до неузнаваемости: для многих продуктов стандартные конвейеры можно будет сильно сократить или полностью заменить 3D-принтерами, ведь конечный продукт — например, автомобиль — будет собираться не из сотен и тысяч отдельных запчастей, а в рамках одного процесса. Это повлияет на множество производителей и поставщиков — многих заводов по всему миру, которые изготавливают детали для данного конвейера. Движение товаров станет происходить не в физическом мире (на баржах, контейнерах и грузовых фурах), а в интернете — в виде цифровых файлов и 3D-моделей.

Применение трёхмерной печати, робототехники способно изменить структуру мирового производства, возвращая его в развитые страны с высокой стоимостью рабочей силы. Соединённые Штаты могут вернуть себе былое влияние в мировой экономике, промышленности, на рынке интеллектуальной соб-

ственности, дизайна, инноваций и экспорта продуктов интеллектуальной деятельности.

В целом, считают исследователи, внедрение аддитивного производства может привести к политической дестабилизации за счет роста безработицы. Но в тех же США эта тенденция может компенсироваться благодаря старению населения и естественному сокращению численности населения трудоспособного возраста. Кроме того, аддитивное производство само по себе создает новую индустрию с оборотом в сотни миллиардов долларов (заводы по производству принтеров и упаковке расходных материалов), для которой понадобятся специалисты новых профессий (3D-дизайнеров, программистов, инженеров, разработчиков принтеров).

Предстоящие кардинальные изменения глобального рынка труда и структуры промышленности вызывают научный и политический интерес в России. На проходившем в январе 2014 в Москве Гайдаровском экономическом форуме под общим названием «Россия и мир: устойчивое развитие» обсуждались последствия массового внедрения новых промышленных технологий [4].

По словам бывшего премьер-министра Финляндии Эско Тапани Ахо, а ныне научного сотрудника Гарварда, в результате внедрения цифровых технологий в США в ближайшие 20 лет произойдет двукратное сокращение рабочих мест, и то же, вероятно, грозит и России. Профессор Колумбийского университета Джеффри Сакс считает, что Россия может быть мировым лидером не только в космосе, но и в робототехнике. В результате внедрения роботов, по его мнению, не будет никакой катастрофы в сокращении численности населения трудоспособного возраста, если одновременно с этим благодаря новым промышленным технологиям будут исчезать традиционные рабочие места.

Технологии изменяют способы взаимодействия между работниками и компаниями, предоставляя последним доступ к более масштабным и даже мировым рынкам труда. Некоторые из этих новых рынков функционируют на основе сети Интернет, другие – с использованием технологий мобильной телефонной связи. Транснациональные компании

создали интегрированные стоимостные цепочки, чтобы эффективно использовать трудовые ресурсы различных стран мира.

На рынке труда разных стран активно развивается оффшоринг (или глобальный аутсорсинг) – передача тех или иных видов деятельности в страны с более дешевой рабочей силой – с целью экономии трудовых затрат и повышения конкурентоспособности производства. Рабочие места с рынка труда США, Канады и многих стран Западной Европы перемещаются в такие страны как Индия и Китай, а также Ирландию, Филиппины и страны Восточной Европы.

Институт глобальных исследований МакКинзи (McKinsey Global Institute) выделил восемь направлений бизнеса, труд в которых можно передать в оффшоринг: сервисное обслуживание автомобилей, финансовые услуги, здравоохранение, страхование, IT услуги, разработка стандартного программного обеспечения, фармацевтика (только обслуживание) и розничная торговля. Таким образом, по оценкам экспертов МакКинзи, дистанционно можно выполнять 11% общемировых сервисных работ, что позволит создать около 26 млн рабочих мест [3].

Развитие оффшоринга вызывает озабоченность в развитых странах, и, прежде всего, это связано с потерей рабочих мест, перспективами деградации и исчезновения целых отраслей национальной экономики. На это можно сказать то, что оффшоринг — это экономический механизм, способный изменить старые низкорентабельные отрасли, высвободить капитал и человеческие ресурсы для развития новых отраслей промышленности. Это в конечном итоге будет способствовать прогрессу не только отдельно взятых компаний и стран, но и человечества в целом.

На сегодняшний день существуют различные оценки потерь рабочих мест от оффшоринга. Например, по данным исследований, опубликованных на сайте Международного валютного фонда, эффект потери рабочих мест от оффшоринга ограничен приблизительно 0,3–0,7% полной занятости в США и некоторых европейских странах, хотя в последние годы существует тенденция к увеличению этого показателя. Более подвержен влиянию оффшоринга сектор обслуживания.

По данным Van Welsum и Vickery, сектор информационных технологий и телекоммуникаций, потерял, возможно, 20% рабочих мест в странах Европейского Союза, Австралии, Канады и США из-за оффшоринга. По оценкам Blinder, для США потери составили 22–29% [3].

По мнению ряда ученых [2, с.114], в США оффшоринг способствует росту нестабильности на рынке труда. Возможность вынести производство за пределы страны ужесточает позиции работодателей при переговорах с работниками и профсоюзами, приводит к снижению оплаты труда и ухудшению условий социальных гарантий, то есть уменьшает социальную защищенность рабочего места. Но в обозримом будущем больших изменений в занятости в целом не произойдет, поскольку в сфере услуг, например, только 9% рабочих мест могут в принципе быть дистанционными. Исходя из этого, следует помнить о том, что количество рабочих мест для передачи в оффшоринг не безгранично. Наряду с растущими потребностями рынка труда нельзя забывать и о дефиците высококвалифицированных специалистов для высокотехнологичных отраслей. У работников развитых стран есть альтернатива при поиске нового рабочего места, потерянного в следствии оффшоринга. Это – изменение профиля работы, переход из одной отрасли в другую, получение дополнительного образования или повышение квалификации.

Массовое внедрение программируемой автоматизации во многие отрасли экономики существенно меняет положение рабочей силы в процессе производства. Функции непосредственного управления орудиями труда переходят к ЭВМ; за работником все чаще остаются функции общего контроля и принятия стратегических решений. Необходимо учитывать принципиально иной, чем прежде, характер труда, выполняемый функционирующей рабочей силой. Современным работникам в большинстве случаев не нужны физические усилия; их труд – сложный, высококвалифицированный, требующий значительной общеобразовательной и специальной подготовки. В общественном производстве именно кадры высшей квалификации, прежде всего умственного труда, служат источником всех нововведений как в сфере науки и создания новых техноло-

гий, так и в сфере управления и организации производственного процесса. В развитых странах доля кадров преимущественно умственного труда уже достигает 60% в совокупной рабочей силе [7].

С увеличением сложности выполняемых операций изменяются требования к потенциальным работникам: необходима не просто высокообразованная рабочая сила, растет спрос на креативных работников, способных выработать нестандартные решения.

Согласно известной в научной литературе теории *skill-biased technological change* (SBTC), технологические изменения (прежде всего, распространение персональных компьютеров и информационных технологий) ведут к увеличению спроса на высококвалифицированных работников и росту их заработных плат [1, с. 7]. Эти технические инновации привели к резкому повышению производительности труда «белых» воротничков. В то же время они практически не повлияли на производительность работников, занятых физическим трудом. Поэтому работодателям выгоднее – в относительном выражении – в большей мере использовать труд высококвалифицированных работников.

Меняющаяся структура глобальной экономики влечет за собой изменения в уровнях квалификации и в распределении наиболее квалифицированных кадров в мире. Китай и Индия занимают первые места по привлекательности в качестве возможных направлений аутсорсинга, поскольку здесь особенно высоки показатели наличия квалифицированных кадров. В Индии в высшей школе обучаются без малого 20 млн студентов – почти столько же, сколько в США, и обе эти страны обгоняет Китай, где образование после средней школы продолжают 30 млн человек. Значительная доля высших баллов при международных обследованиях уровня знаний учащихся по-прежнему приходится на Соединенные Штаты, однако показатели Южной Кореи такие же, как и Германии, и совсем немного уступает им Россия [5].

Осознание важности человека для экономического развития выдвигает на первый план новые подходы к управлению трудом и его мотивации. Речь идет, в частности, о развива-

ющемся процессе перехода от доминировавшей большую часть XX в. жесткой модели управления трудом – модели контроля, основанной на концепции американского инженера Ф. Тейлора, – к более гибкой и сложной модели управления, которую можно назвать моделью соучастия, цель которой – максимально активизировать человеческий фактор, использовать весь творческий потенциал каждого работника. В реальной управленческой практике и в сфере трудовых отношений заметным явлением стали:

- распространение на производстве экономической демократии – процесса, включающего привлечение работников к управлению производством, особенно на низовом и среднем управленческом уровне, а нередко и к владению ее акционерным капиталом (в частности, в США весьма широкое распространение получили программы выкупа акционерного капитала в собственность работников: более 10% рабочей силы страны владеет акционерным капиталом компаний, на которых она занята);

- наличие постоянно действующей системы подготовки и переподготовки рабочей силы;

- использование разнообразных систем дополнительных доходов работников в зависимости от прибыльности компании;

- создание «кружков качества» и других форм активного участия работников в делах своей фирмы [7].

Серьезный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., имевший весьма негативные последствия для всего мира, не отменяет главенствующую тенденцию постепенной трансформации постиндустриальных экономик во все более высокотехнологичные экономические системы, преимущественно основанные на знаниях. Эта тенденция проявляется как в материальном производстве, так и в сфере услуг, в меняющейся структуре капитала и характере трудовых отношений. В XXI в. эта тенденция наиболее ярко проявилась в формировании новой системы международного разделения труда, при которой в США и других экономически развитых странах мира концентрируются уже не просто разнообразные отрасли сферы услуг, что было доминан-

той второй половины XX в., а ее наиболее передовые секторы – наука, образование, информационные услуги и здравоохранение, а также наукоемкие отрасли первого эшелона материального производства, основанные на распространении новых поколений техники и технологий. В этих условиях развивающимся странам и странам с переходной экономикой остается функция массового производства потребительских и промышленных товаров и обеспечения ведущих экономик мира топливом и сырьем. Стабильность и долговременность этой международной конструкции зависит как от того, насколько ведущие страны сумеют сохранить и упрочить научно-технический разрыв с остальным миром, так и от того, насколько быстрорастущие развивающиеся экономики сумеют сократить экономическое и, прежде всего, технологическое отставание от стран-лидеров и построить свою «экономику знаний». В недалеком будущем происходящие в мире глобальные процессы затронут и Россию. Это серьезный вызов, к которому необходимо готовиться. России необходимо найти своё место в международном разделении труда.

Литература

1. Лукьянова А.Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения : препринт WP3/2010/10 [Текст] / А. Л. Лукьянова ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2010. – 68 с.
2. Рассадина И.И. Особенности рынка труда США // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2006. – Сер. 8. – Вып 4. – С. 101-120.
3. Филиппова Н.Л. Оффшоринг в условиях глобализации рынка труда // Проблемы современной экономики. - 2008. - №4 (28).
4. <http://www.computerra.ru/92166/kakim-obrazom-novye-industrialnyie-tehnologii-izmenyat-ryinki-truda-rossii-i-ssha/>
5. <http://www.worldbank.org/eca/russian/data/>
6. <http://habrahabr.ru/company/mailru/blog/200586/>
7. <http://www.rusus.ru/?act=read&id=179>

8. <http://www.jobmax.ru/fullnews/trevogi-i-ozhidaniya-kak-vysokie-tehnologii-izmenyat-mirovoy-rynok-truda-292>

<http://www.nanonewsnet.ru/articles/2011/3d-pechat-izmenit-mir>

А. Толунбек, профессор Международного университета Дельта, Канада

Almaz Tolymbek Ph.D. degree Professor
Delta International University

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ РЫНКА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ПРИВЕДЕТ ЛИ СОКРАЩЕНИЕ ВУЗОВ К ПОВЫШЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЫНКА ОБРАЗОВАНИЯ?

Ключевые слова

Высшее образование, высшие учебные заведения, политика МОН РК, слияния и поглощения вузов, лицензирование, аккредитация, стандарты вуза, исследовательские и образовательные гранты, комплексные государственные стандарты ВО (ГОСО), исследовательский университет, государственные гранты для исследований вузов, академическая мобильность, конкурентоспособность национального высшего образования.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению влияния нынешних шагов МОН РК, которые нацелены на уменьшение числа вузов в Казахстане. Эта политика осуществляется путем ужесточения лицензирования и аккредитации, слияния вузов, повышения уровня требований к ГОСО для вузов, а также финансирования научных и образовательных грантов, Программы академической мобильности, и нового статуса исследовательского университета. МОН РК ожидает, что эта нынешняя политика должна сократить общий размер рынка высшего образования (ВО) и поднять его общий уровень конкурентоспособности. Тем не менее, предстоит выяснить, являются ли эти шаги эффективными в росте конкурентоспособности ВО РК. Таким образом, контрольные вопросы заключаются в следующем: Каково влияние новой политики МОН РК на повышение общей конкурентоспособности ВО? Какие шаги более, а какие менее эффективны в повышении конкурентных позиций вузов РК?

С самого начала своей независимой политической деятельности, направленной на обретение своего собственного места в глобальной политике, Республика Казахстан предприняла несколько очень важных шагов в направлении преобразования своей собственной системы высшего образования. Рыночная ориентированность образования стала фундаментом политики реформаторских преобразований, разработанных и осуществляемых в течение 1990-х годов правительством [1].

Свободная конкуренция способствовала появлению широких возможностей для частных высших учебных заведений, появлявшихся, как грибы, чтобы отвечать новым требованиям стремительно меняющегося рынка труда. Действительно, в предпринимательской среде возник ряд новых частных университетов, академий, центров и колледжей, которые стремились предложить образовательные программы в таких областях, как бизнес, экономика, право, финансы, бухгалтерский учет, иностранные языки, международные отношения и ИТ.

В результате общее количество вузов выросло примерно до 150 по всей стране. Презумпция дозволенного способствовала росту предложений на рынке высшего образования в целях более полного удовлетворения новых потребностей рынка труда. И именно это было одной из главных предпосылок предыдущей политической деятельности Республики Казахстан. Такой рыночный подход можно было наблюдать конце 1990-х и начале 2000-х годов в новой инициативе национального Министерства образования и науки, которая предусматривала приватизацию ряда государственных высших учебных заведений, имеющих финансовые проблемы. В связи с этим одной из главных причин приватизации вузов были бюджетные ограничения, при помощи которых правительство стремилось перевести часть государственных университетов в частный сектор. Ярким примером является Казахский экономический университет, один из ведущих экономических вузов в стране.

Общую ситуацию на рынке высшего образования можно охарактеризовать в следующих

цифрах. В 2013 году в Республике Казахстан с населением в 17 млн общее число вузов было равно 134. Для сравнения, например, в Канаде с населением 34 млн жителей в настоящее время насчитывается 98 университетов.

Кроме того, рыночный спрос на услуги высшего образования переживает кризис по причине «демографического провала», вызванного резким снижением рождаемости в Казахстане в начале 1990-х годов. Фактически, в 2014 году общее количество студентов вузов в Республике сократилось с 775 000 до 571 000 [2]. Подобная тенденция стремительного снижения спроса неизбежно снизит равновесие естественного спроса и предложения, создавая дополнительные трудности для вузов, в результате чего "выживают наиболее приспособленные".

Тем не менее, на протяжении 2000-х годов рост национальной экономики отразился в более высоких доходах в государственный бюджет и тем самым облегчил финансовую проблему в поддержке государственных высших учебных заведений.

В этой ситуации Министерство образования и науки проявило заинтересованность в улучшении общего уровня и качества программ, предлагаемых высшими учебными заведениями, как государственными, так и частными. Можно выделить следующие проблемы высшего образования, которые стали источниками растущего общественного недовольства:

1. Невысокое качество высшего образования, предлагаемое в вузах Республики Казахстан.

2. Дополнительный личный доход дает возможность для большего числа молодых людей получать высшее образование и учиться за рубежом. В настоящее время около 79 тысяч студентов Казахстана учатся в иностранных вузах. [2].

3. Скептическое отношение работодателей в Казахстане к качеству местных дипломов о высшем образовании и ученым степеням.

4. Широко распространенная критика неспособности многими вузами функционировать в роли «поставщиков знаний» и «серверов знаний» для растущей экономики и быстрой модернизации общества Казахстана.

В результате важность вопроса стандартов высшего образования в Республике Казахстан и вопросов конкурентоспособности свидетельствует о поставленных национальных долгосрочных целях, фигурирующих в документах государственной политики. Действительно, программа – 2050 предусматривает повышение конкурентоспособности национальной экономики, что также отражается в ее прогнозируемом ориентире на развитие местных высших учебных заведений.

По состоянию на сегодняшний день Министерство образования и науки Республики Казахстан, которое является главным национальным органом, определяющим политику в высшем образовании, рассматривает ряд существующих вузов как источник обозначенных выше проблем качества высшего образования. Таким образом, уменьшение рынка высшего образования в Казахстане (количество провайдеров высшего образования) в основном с помощью нормативно-ограничительной политики рассматривается как целесообразный политический подход. Однако предстоит еще выяснить, способствуют ли эти шаги росту конкурентоспособности высшего образования.

За последние несколько лет Министерство образования и науки Республики Казахстан придерживается новой политической линии, направленной на сокращение рынка высшего образования. Это подразумевает закрытие или объединение существующих неблагополучных вузов с успешными. Фактически с начала 2014 года Министерством образования и науки приостановлены лицензии 10 вузов [3].

Для достижения этой политической цели Министерство образования и науки предприняло следующие шаги:

1. Объединение вузов через слияния и поглощения (С&П)

2. Ужесточение правил аккредитации и процедур

3. Более строгое лицензирование

4. Введение комплексных государственных стандартов (ГОСО) для учебного процесса

5. Выделение бюджетных средств для аспирантов только на конкурсной основе

6. Введение нового статуса исследовательского университета

7. Введение Единой национальной системы тестирования (ЕНТ) для будущих студентов

8. Введение независимого тестирования производительности (ВОУД) для студентов ВУЗов на старших курсах

9. Общественные гранты для исследований в вузе на более конкурентной основе,

10. Академическая мобильность и программы по приглашению профессоров.

В регулирующих документах Министерства образования основное внимание уделяется нынешнему политическому подходу, принятому политиками Республики Казахстан, суть которого в значительном уменьшении количества вузов. Такая политика проводится с помощью вышеупомянутой шагов, влияющих на координаторов высшего образования. Политические деятели Республики Казахстан ожидают, что предпринимаемые ими политические шаги повысят стандарт высшего образования и общую конкурентоспособность вузов Казахстана.

Данное научное исследование имеет, во-первых, цель изучить причинно-следственную связь между политикой высшего образования, стремящуюся к уменьшению числа вузов, и итоговой конкурентоспособностью национальной высшей школы. Во-вторых, в работе сделана попытка оценить конкретные политические шаги Министерства образования и науки, которые нацелены на уменьшение числа вузов в Казахстане.

Таким образом, вопросы исследования заключаются в следующем:

1. Каково влияние новой политики Министерства образования и науки Республики Казахстан на повышение общей конкурентоспособности высшего образования?

2. Какие шаги более, а какие менее эффективны в повышении конкурентных позиций ВУЗов Республики Казахстан?

– исследование опирается на индуктивный подход, путем интерпретации первичных данных, собранных среди респондентов, представляющих вуз;

– стратегия, используемая для исследования, является социопросом, проведенным в местных вузах;

– временные границы не расширены, та-

ким образом, это исследование является поперечным;

– метод выборки, используемый для сбора данных, является смешанным, так как и качественные, и количественные данные собираются через полу-структурированные интервью.

– в исследовании намеренно используется метод отбора информации.

Целью вышеуказанных методов отбора информации является представление разнообразия взглядов и мнений различных заинтересованных сторон в сфере высшего образования, в первую очередь, университетов. Исследование не ставит перед собой задачу представить образцовую компетенцию респондентов и обобщить результаты в связи с такими ограничениями исследования как предоставляемое время, финансирование и доступ к ключевым респондентам.

Источниками данных являются управленцы вузов, преподаватели, сотрудники, эксперты и ученые, которые представили свои ответы на ряд вопросов в анкете, разработанной автором в качестве инструмента сбора данных. Анкета содержит четырнадцать закрытых и открытых качественных и количественных вопросов. Разнообразие респондентов было обеспечено путем выбора их на основе следующих критериев:

– государственные и частные вузы;

– классические и специализированные университеты в таких областях, как экономика и бизнес, технологии, IT, строительство, право, здоровье, сельскохозяйственные науки, естественные и гуманитарные науки;

– старшее и среднее звено студентов вуза;

– преподаватели различных факультетов университетов.

В частности, в исследовании приняли участие следующие вузы:

1. Казахский национальный университет (КазНУ)

2. Казахский национальный аграрный университет (КазНАУ)

3. Казахский национальный медицинский университет (КазНМУ)

4. Казахский экономический университет (КазЭУ)

5. TURAN университет

6. Казахский институт управления и экономики (КИМЭП)
7. Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ)
8. Международный IT Университет (МУИТ)
9. Каспийский университет (КУ)
10. Международная Академия Бизнеса (МАБ)
11. Казахская академия строительства и архитектуры (КазГАСА).

Все указанные вузы расположены в Алматы, крупнейшем мегаполисе страны, в котором находится около трети (около 40) всех вузов в Республики Казахстан.

Цель исследования заключается в изучении спектра мнений заинтересованных лиц о предполагаемой причинно-следственной связи между сокращением предложения услуг на рынке высшего образования в Казахстане, то есть между общим числом вузов и конкурентоспособностью национальной высшей школы. Также была сделана попытка оценить эффективность конкретных шагов Министерства образования и науки, предназначенных для повышения стандартов высших учебных заведений. Таким образом, исследование представляет собой анализ подлинных взглядов и мнений управленцев вузов, преподавателей и сотрудников об эффективности вышеуказанной политики.

Выявление истинных взглядов и мнений ключевых персон высшего образования имеет решающее значение для того, чтобы заручиться их поддержкой в дальнейшей успешной долгосрочной деятельности Министерства образования и науки.

М. Гадиева,
кандидат экономических наук
Набережночелнинский институт Казанского
(Приволжского) федерального университета

M. Gadieva,
candidate of Economic Sciences, docent,
branch of Kazan (Volga region) Federal
Kazan Federal University
in Naberezhnye Chelny

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

В статье представлены суждения об утвердившемся отношении к человеку в современном обществе. Раскрывается влияние науки на формирование мировоззрения. Определяется взаимосвязь науки, политических и экономических процессов. В заключение обозначена национальная идея духовного возрождения.

Ключевые слова: экономическое образования, мировоззрение, человек, культура, экономика, общество, духовное возрождение

Все наши поступки и действия, всю нашу жизнь, с учетом всех ограничений, можно рассмотреть как поиск ответа на вопрос, стоящий перед каждым: «Как мне стать счастливым?». Стремление к обретению счастья и избавлению от страданий не знает границ. Это заложено в нашей природе, не нуждается в оправданиях, поскольку желание быть счастливым является правомерным и естественным. Все, что мы делаем — не только как личности, но и как представители определенных слоев общества, — можно рассматривать в рамках этого основного стремления. Кажется, что ключи к счастью — это, с одной стороны, сила, даруемая знанием, а с другой — материальное благосостояние. Те, кто обладают зрелым мышлением, понимают, что на деле одно лишь знание не может обеспечить счастье. Сила ума без опоры на мудрость и разумность не способна обеспечить счастье. Наоборот, может иметь разрушительный, а не созидательный характер. Если подойти к специалисту в области информационных технологий с вопросом: "Я столкнулся с моральной дилеммой, что мне делать?" — нам предложат поискать ответ где-нибудь в другом месте. Заменяя в массовом сознании религию в качестве первоисточника знания, наука сама становится по-

Человек как мыслящий есть мера всех вещей.
Если ты мыслишь — ты свободен!
Сократ (ок. [469 г. до н. э.](#) - [399 г. до н. э.](#))

хожей на новую религию. Возникает опасность возникновения у некоторых ее сторонников слепой веры в ее законы и принципы и, соответственно, нетерпимости к альтернативным взглядам.

Удовлетворение же материальных потребностей человека также не является основой для счастья. Большинство «настолько захвачены идеей приобретения все большего, что в их жизни не остается места для чего-либо другого. Потребляя, они просто теряют мечту о счастье, которое должно было принести богатство»¹. Материальное благополучие приносит нам удобства. Но удобство также не гарантирует счастье. Внутренние (можно назвать их психологическими и эмоциональными) страдания часто возникают у материально благополучных людей. И тем сильнее, чем человек умнее. Распространение тревожности, стрессов, заблуждений, неуверенности, напряженности, подавленности и депрессий среди тех, чьи основные нужды удовлетворены, отчетливо показывает это. На пути к материальным выгодам, наполняя себя знаниями, зачастую мы пренебрегаем человеческими от-

¹ Тэнзин Гьяцо (Далай-лама XIV). Этика для нового тысячелетия. — СПб: Нартанг, 2001. — 236 с.

ношениями, отношениями, из которых и состоит вся наша жизнь. Понимаем отношения лишь как средство для достижения цели. Наши проблемы, как внешние (вроде войн, преступлений, насилия), так и внутренние (наши эмоциональные и психологические страдания), не могут быть разрешены, пока мы не обратим внимание на это скрытое пренебрежение. Ведь именно из-за него величайшие движения последнего столетия — демократия, либерализм, социализм — не смогли дать обещанные ими общие выгоды. Быть может, главная формула счастья — это гармония в отношениях с людьми? В построении добрых, уважительных, дружеских отношений и отношений любви? Но такая гармония в отношениях возможна лишь при условии духовного развития. О духовности говорят много, но в большинстве случаев подразумевают религиозность. Здесь же под соответствующей новому времени духовностью понимается воспитание зрелого, масштабного человека, осознающего свою великую самоценность, поставившего себя в центр жизни и уважающего такое же состояние в других¹.

Духовно развитую личность характеризует, прежде всего, свобода и ответственность. Свобода — понятие многогранное, как и все в мире. Под свободой часто понимают независимость. Стремление к независимости может привести к изолированности, тем более, если учесть растущую автономию, приобретаемую в результате достижений науки и техники. Действительно, в наше время можно быть куда более независимым от других, чем когда-либо прежде. Но вместе со всем этим растет и ощущение того, что «мое» будущее зависит не от меня, моей семьи, а от моей работы, или, скорее, от моего нанимателя. А это подталкивает нас к мысли, что, поскольку другие не имеют значения для моего счастья, то и их счастье не важно для меня. Несмотря на то, что миллионы живут в очень тесной близости друг к другу, многим людям, особенно пожилым, не с кем поговорить, кроме своих домашних животных.

Также под свободой понимают свободу воли и свободу выбора. Свобода воли предпо-

лагает волевое начало, исходное от слова «надо». Это иллюзия свободы. Свобода выбора предполагает выбор из нескольких вариантов, предложенных кем-то. Это иллюзия свободы. Свобода творчества, созидательного творчества, творение собственного жизненного пути может стать источником духовного развития.

Но свобода не может быть без ответственности, как и ответственность не может без свободы. Свобода без внутренней ответственности может привести к произволу и вседозволенности. Новая эпоха требует, чтобы человек повзрослел и взял на себя ответственность за свою жизнь, за свою семью, за свой род, за свой народ, за свою страну (но не жертвенность). «Собеседники Сократа искали его общества не с тем, чтобы сделаться ораторами... но чтобы стать благородными людьми и хорошо исполнять свои обязанности по отношению к семье, слугам (слугами были рабы), родным, друзьям, Отечеству, согражданам»². Слово «благородство», как и само благородство, редко можно встретить в современном мире. Благородство — величие души, высокое духовное развитие, основанное на свободе мысли и ответственности.

Казалось бы, такие философские категории как счастье, любовь, доброта, ответственность, духовность не имеют отношения к экономической сфере жизни общества, но так ли это? От выстроенной системы ценностей в обществе, господствующего мировоззрения во многом зависит отношение человека к самому себе и другим людям. Если достоинство Человека унижить, если мудрость заменить умом, а принцип разумности на послушание, то можно получить легко управляемое общество. Каждый отдельный Человек — это целая вселенная, который сегодня представляет собой послушного потребителя. Не только религия и идеология, но и наука способствовала такому положению вещей. Способствовала этому и экономическая теория, появившаяся в России, открытой всем «западным ветрам» в начале 90-х годов. Первая фраза из известного учебника, легшего в основу экономической теории в России: «Человеческие существа — несчастные

¹ Некрасов А. Взлет начинается с падения. — М.: АСТ, 2011. — С. 244.

² Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. — М.: Наука, 1993

создания – обременены потребностями»¹. Пренебрежительное отношение к человеку пронизывает современную экономическую теорию. Производитель в поиске своего равновесия, размышляет о том, что купить: капитал или труд? Чего купить больше, чего меньше. Главная цель фирмы – максимизация прибыли за счет минимизации издержек. На практике – за счет заработной платы. «Потребитель» представлен обезличенным созданием, которого надо победить в борьбе за реализацию продукции. При этом используются такие термины как домохозяйство (а не семья), рынок труда, экономический человек, индивид (единичная особь *Homo sapiens*, отдельное человеческое существо) и др. Автор бестселлера в области управления человеческими ресурсами Майкл Армстронг, признавая в своей книге ценность такого актива, как человеческие ресурсы пишет: «Мягкая модель УЧР берет свое начало в школе человеческих взаимоотношений; она делает акцент на коммуникациях, мотивации и лидерстве. Как описано в работе Д.Стори, она включает в себя «обращение с работниками, как с ценным видом активов, источником конкурентного преимущества в том случае, если они привержены компании, адаптивны и обладают высоким качеством (навыков, показателей деятельности и т.д.)». Следовательно, эта модель рассматривает работников, выражаясь словами Д. Геста, скорее в качестве средства, а не цели»².

Внутренние противоречия в поиске свободы и самореализации приводят к внутренним конфликтам, конфликтам личности, семьи, полов, власти, экономики и общества в целом. Женщины становятся мужественными, мужчины – женственными...

Можно ошибочно подумать, что экономическая теория не имеет к этому отношения и не в состоянии оказывать влияние на эти процессы. В этой связи вспомним слова Джона Мейнарда Кейнса: «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действитель-

ности именно они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого»³.

То, что мы имеем сегодня, можно охарактеризовать словами Далай-ламы XIV: «Современное индустриальное общество часто поражает меня тем, что оно похоже на огромную самодвижущуюся машину. Оно не подчинено людям; наоборот, каждая личность является крошечным и незначительным винтиком, у которого нет выбора, кроме как двигаться, когда движется вся машина»⁴. Практика показала, что современное образование, как и любая система, направлена на подготовку работников, четко действующих согласно инструкциям. Подавление познавательных навыков, инициативности, творчества, свободы мысли приводит в конечном итоге к аморфным, безответственным, послушным, инфантильным, с отсутствием способности формирования собственного мнения личностям. Государства, в первую очередь, заботятся не о людях, а о себе как о структуре, как о некоем огромном организме, в котором человек является одним из ресурсов. Человек становится вторичным по отношению к различным элитам.

С момента определения Сократом человека мерой всех вещей до современного положения человека был пройден долгий путь. Существенный вклад в эту трансформацию внесли мировые религии. Во всех религиях и в большинстве духовных учений человек рассматривается не как центр собственной жизни, а как «раб божий», «дитя бога», не способный нести ответственность за собственную жизнь и замаливающий свои грехи. Высшими добродетелями провозглашены Терпение и Смирение. Религиозные системы во все времена игнорировали и игнорируют саморазвитие как важнейший принцип эволюции. Религия, поддерживаемая властью, не могла не оказать влияние на науку. Отражение теологических воззрений можно увидеть в трудах Адама Смита, в частности, в «Богатстве народов». Об этом убедительно пишет С.С. Губанов: «От

¹ Кэмпбэлл Р. Макконелл, Стенли Л.Брю. Экономикс. Т.1. – М.: Республика, 1992. – С. 18.

² Армстронг Майкл. Практика управления человеческими ресурсами. – СПб: Питер, 2004. – С. 23.

³ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978. – 458с.

⁴ Тэнзин Гьяцо. Указ. сочинения – 236 с.

классики "неоклассика" берет только А. Смита, а от его наследия оставляет лишь образ "невидимой руки", который, впрочем, сам заимствован А. Смитом у Шекспира. Извилистая и длинная история трактовки "невидимой руки" реконструирована далее по первоисточникам, причем мы сосредоточились на круговороте традиционной теистической интерпретации и ее "неоклассической" ревизии¹.

Далее приводится суждение А. Смита, помещенное внутри второго аргумента в пользу поддержки внутренней промышленности, оно относится к владельцу капитала: "Во-вторых, каждый, кто применяет свой капитал для поддержки отечественной промышленности, по необходимости стремится направлять дело так, чтобы ее продукция обладала возможно большей стоимостью".

Анализируя далее, С.С. Губанов продолжает: «А. Смит здесь, как и всегда, предельно конкретен. Он говорит не о каком-то абстрактном индивиде или асоциальном homo economicus, лишенном классовой принадлежности, а прямо называет фигуранта. Это - собственник промышленного или торгового капитала, капиталист, вольный выбирать между приложением своего капитала в отечественную или заморскую промышленность. У других классов тогдашнего общества подобного выбора нет: ни у наемных рабочих, ни у землевладельцев.

Имея в виду капиталиста, А. Смит приводит центральную часть своего суждения: "Как правило, конечно, он не стремится ни обеспечивать общественные интересы, ни знать о том, в какой мере он их обеспечивает. Предпочитая поддерживать отечественную промышленность вместо иностранной, он имеет в виду лишь свое собственное благополучие; направляя же внутреннюю промышленность таким образом, чтобы ее продукция обладала максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, и в этом случае, как во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая ни в коей мере не входила в его намерения. Но для общества это тоже не всегда плохо, если такая цель не входила в его намерения. Преследуя свои соб-

ственные интересы, он зачастую обеспечивает интересы общества более действенно, нежели тогда, когда сознательно стремится к этому. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много пользы принесли те, кто старался вести дело ради общего блага"².

Так возникает вопрос: кому принадлежит "невидимая рука"? Дело в том, что во времена А. Смита экономическое образование предполагало глубокое знакомство с философией, логикой, риторикой, историей, основами государства и права, т.е. со всем тем, чего ныне полностью лишены современные дисциплины по стандартам "неоклассики". «Вероятно, если бы А. Смит услышал подобное вопрошание, он был бы поражен тем, как пала гуманитарная культура экономистов: кто же из его читателей, знакомых с философией католицизма, англиканства, протестантизма, натурфилософией Ньютона, в конце концов – с произведениями Шекспира, может не узнать здесь теистической руки библейского создателя мира, руки господина, руки "невидимой церкви", руки "того, кто невидим"?

Но проблема не только в дегуманизации экономического образования, особенно чувствительной в пореформенной России. Дело еще в остром противостоянии двух парадигм – трудовой и нетрудовой. Представители "неоклассики" переводят конфликт парадигм из научной плоскости в идеологическую и даже политическую, действуют по принципу Н. Макиавелли: цель оправдывает средства. Поскольку истина известна, цель состоит в том, чтобы истинное подменить ложным. До поры до времени это удавалось, но сейчас истина выбирается из заточения – не без помощи тех отечественных и зарубежных ученых, которые все принципиальнее выступают против подчинения экономической науки апологетической идеологии»³.

Таким образом, обожествление рынка неоклассикой, подмена человека абстрактным

¹ Губанов С. Трудовая парадигма: А.Смит против «неоклассики» // Экономист. – 2009. – №3. – С. 60.

² Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. The Glasgow Edition Of The Works And Correspondence Of Adam Smith. Vol. II. Oxford: Clarendon Press. 1979. P. 455-456. (В русскоязычном издании несколько иная редакция. См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – С. 332.)

³ Губанов С. Указ. Соч. – С. 68.

индивидом, определение потребностей человека первичными, а отношения вторичными в дальнейшем еще более усугубило ситуацию. Однако еще Дж.Н. Кейнс прозорливо указал на несостоятельность неоклассики: «Ни концепция экономического человека, ни какая-либо иная абстракция не могут быть адекватным базисом, достаточным для того, чтобы воздвигнуть целостную науку политэкономии»¹.

Кульминацией формирования неоклассического направления можно считать вышедшее в свет в 1948 г. первое издание учебника П. Самуэльсона "Экономикс". Так произошел переворот. По словам П. Самуэльсона: "Результат может быть назван неоклассической теорией...". Далее в 1955 г., в 3-м издании "Экономикс", П. Самуэльсон уже преподносит идеологию "неоклассики" как безоговорочно принятую: "В последние годы 90% американских экономистов перестали быть "кейнсианцами" или "анти-кейнсианцами". Вместо этого они пришли к синтезу всего того ценного, что есть в прежней политэкономии и в современных теориях определения дохода. Результат может быть назван неоклассической теорией и принят в своих основных положениях всеми, за исключением 5% писателей крайне левого и крайне правого толка"².

Зачем и кому нужно было создавать асоциального пустого «экономического человека»? По всей видимости, "неоклассический переворот" и "холодная война": звенья одной цепи.

Напуганный победой Советского Союза над фашистской Германией, американский капитал круто повернул к маккартизму. В недрах интеллектуальных центров США лихорадочно был подготовлен "неоклассический" проект.

Понятия «экономический человек», человек – эгоист, несчастные создания, обремененные потребностями, закрепились в общественном отечественном сознании. "Центральный мотив – душа "Богатства народов" – это действие "невидимой руки"; получаем мы

свой хлеб не по милости пекаря, а из его эгоистических интересов"³.

Не только студенты, но и преподаватели отсечены у нас от всей совокупности первоисточников, накопленных со времен А. Смита. Помимо ощутимой проблемы свободного доступа к литературе, не ограниченной проскрипционными списками "неоклассики", называется также и языковой барьер. Как результат, фальсифицированные постулаты принимаются на веру, превращаются в стереотипы, из-за чего живое экономическое мышление втискивается в матрицу бессмысленных догм и смыслового безразличия⁴.

Догматы неоклассики укоренились в современной экономической науке, что не дает возможности объективно оценивать и осознавать происходящие события в экономической сфере жизни общества. Существует большое количество научных трудов и различных стратегий, где ключевыми факторами экономического развития называют инновации, развитие обрабатывающей промышленности, институциональные условия, переход к ресурсосберегающим технологиям и т.д., но забывают, что за всем этим стоят люди. Современной экономике дают разные названия: «новая экономика», «кибернетическая экономика», «информационная экономика», «автоматизированная экономика», «коммуникационная экономика», «сетевая экономика», «инновационная экономика», «экономика знаний», «постиндустриальная экономика», «неоиндустриальная экономика»⁵, но суть от этого не меняется. Внимание уделяется крупному машинному производству, технике, технологиям, но Человек опять уходит на второй план, ему вновь отводится роль ресурса, а не наивысшей ценности. Тем временем кризисы на всех уровнях усугубляются. Мы тысячу лет прожили с религиозным мировоззрением, сотни лет с различными идеологиями. За это имеем то, что имеем. Сейчас вновь существует реальная угроза

¹ Keynes J.N. The Scope And Method Of Political Economy. London: Macmillan And Co. And New York. 1891.

² Samuelson P. Economics. 3rd edition. New York. McGraw-Hill. 1955. p. 212.

³ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: ДЕЛЮ Лтд, 1994. – С. 53.

⁴ Губанов С. Указ. соч. – С. 57-80.

⁵ Черковец В.Н. Воспроизводственный ресурс инновационного развития и особенности новейшего кризиса российской экономики / Мировой экономический кризис и тенденции развития российской экономики. Под ред. Хубиева К.А. – М.: Теис, 2010. – С. 143.

подмены духовного религиозным. Может быть, пришло время науке повернуться лицом к человеку? Возможно, следует осознать, что выход – в духовном пробуждении людей, в раскрытии индивидуальности каждого человека, в обращении государства к человеку, к семье? Воспринимать духовность во всей полноте жизни и формулировать иные цели научных исследований? Чем выше духовность, тем полнее и счастливее жизнь человека, тем более человечен человек. Сейчас через катаклизмы происходит интуитивный поиск национальной идеи. Можно примерять западные, восточные, а также латиноамериканские лекала. Но любая, самая лучшая модель не будет у нас столь же эффективна. Нужно формировать свою. Для этого необходимо как можно большему числу людей осознать, что жёсткие иерархические системы не имеют будущего и что главная личность в истории – каждый человек. Исключительно важно восстановить чувство собственного достоинства, утерянное за тысячу лет. Гордыни много, достоинства мало. Достойный – означает ответственный за всё, что он говорит и делает, и поэтому он любое количество свободы не превратит в анархию.

Достойный – это обязательно внутренне свободный человек. Истинно достойный человек не может быть ничьим рабом. Он в любой ситуации будет стремиться раскрыть себя, возьмёт на себя ответственность и найдёт выход, не ожидая милости ни от кого. Достоинство – это соответствие внутреннего состояния человека его внешним проявлениям.

У каждого свой выбор, можно оставить все как есть, тогда не за горами тот день, когда планы фашистской Германии относительно роли нашей страны на мировой арене свершатся.

Жизнь учит, и Россия начинает все больше понимать, что самый надежный источник ее развития – это ее наивысшая ценность – люди.

Особенностью Казани было наличие та-

ствии вошла в состав казанского мещанства. Для ведения дел татарских слобод в 1781-1782 гг. была образована Татарская ратуша, функционирующая наряду с городским магистрата-

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РЕГИОНА

T. Bessonova,
candidate of Historical Sciences, docent,
branch of Kazan (Volga region) Federal Uni-
versity in Naberezhnye Chelny

Т. Бессонова, УДК 94(470.41-25)«17-18»
доцент кафедры гуманитарных наук филиа-
ла Казанского (Приволжского) федерально-
го университета в г. Набережные Челны

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАНСКОГО МЕЩАНСТВА (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.): РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Продолжение,
начало опубликовано №2(6), 2014 г.

тарского населения, также относящегося к старожилам. Они были обособлены в Старой Татарской слободе, отделенной от города острогом в середине XVIII в. После городского пожара 1749г. образовалась Новая Татарская слобода. Жители этих слобод "не имеют хлебопашенной земли и никаких угодьев, содержат свои домоводства и оплачивают государственного оклада подати из зарабатываемых по городу" [25, с.283]. Большая часть слободского населения – служилые татары, которые несли государственные повинности и имели привилегии свободно торговать, не будучи причисленными к купечеству, дарованные грамотой 1686 г. [26]. В процессе екатеринских реформ привилегия была подтверждена именным указом Сенату 1775 г.: «Оных обеих слобод татарам особливая дана привилегия торговать так, как купцам, кои производят торги на их заводах сделанным мылом, кожами юфтевыми и опойковыми, и отвозят на Макарьевскую ярмонку и в Астрахань; имеют торги в Бухаре и в Гостином дворе пушными и немецкими всякими товарами» [27, с.25]. Масштаб торговой деятельности служилых татар был фактически на уровне купечества, и в первой половине XIX в. большая часть их записалась в купцы.

Накануне создания Городового положения в Старой Татарской слободе проживало служилых татар - 481, а в Новой Татарской слободе – 470 ревизских душ [28, л.78 об.]. Часть татарского населения города, не получившая статус служилых татар, на основании сенатского указа 1763 г. получила разрешение селиться рядом со Старой слободой и впослед-

том.

Мещане-татары составляли небольшую часть татарского населения Казани. Так, в 1796 г. в городе насчитывалось 676 русских и 595 татарских купцов, а мещан соответственно 3259 и 19 мужских душ [29, с.88]. Рост числа мещан-татар в первой половине XIX в. был незначительным и происходил в основном за счет перехода обедневших купцов в мещанство. Так, на общем собрании городского общества в 1834 г. было отмечено, что в ведении татарской ратуши «находится весьма малое количество татар из мещанского сословия и не более как до 320 душ по 7-й ревизии, а остальные затем проживающие в одних с ними татарских слободах мещане более 1500 душ состоят в ведомстве городского магистрата» [30, л.1]. К.Фукс в 1840-е годы насчитывал в Казани 722 семейства мещан-татар – 1736 мужчин и 1934 женщины, отмечая крайнюю незначительность увеличения татарского населения извне, а также обособленность казанских татар, практически не пересекавшихся в повседневной жизни с русским населением [31, с.8]. Это подтверждает мнение Э.Виртшафтера о специфике применения русских социальных категорий к нерусскому населению российской империи [32, с.36].

Еще одной группой горожан-старожилов были ямщики, которых в Казани по «Ведомости о наместничестве Казанском» насчитывалось достаточно много – 228 душ. Так же как татары, ямщики «по неимению у них земли пашенной, пожалованы же от государей из давних лет правом торговли равной с купечеством, и многие из них производят достаточ-

няя купеческие торговли» [33, с.25], и к началу XIX в. вошли в состав казанского мещанства.

Таким образом, сначала мещанство вошло в себя различные слои имеющегося наличного городского населения. В процессе екатерининских реформ городские обыватели получили сословные права, в том числе и главное право прежнего посадского населения, – заниматься торгово-промышленной деятельностью. Любой представитель других групп населения, прежде чем войти в данную деятельность, должен был приобрести на нее право – вступить в число городских обывателей, которым это занятие было присвоено как сословная привилегия. Вхождение в купечество требовало серьезного уровня торговой деятельности. Приписка в число цеховых была не особо привлекательна, поскольку необходимость заниматься исключительно ремеслом сужала круг возможного заработка. Мещане же обладали большими возможностями хозяйственной деятельности. В результате внутри категории городских обывателей шло перераспределение горожан по линии уменьшения купечества и цеховых и увеличения мещан. В целом, к концу первого десятилетия XIX в. процесс создания мещанства с правовой точки зрения был завершен, в законодательстве сформировался перечень мещанских прав и обязанностей и был очерчен круг лиц, которые могли переходить в мещанство, определена была и процедура.

Развитие торгово-промышленной деятельности, рост городов, усиление социальной мобильности населения и соответственно постоянные нарушения социальных рамок вызывали постоянный прирост числа людей, меняющих свой социальный статус. В этом плане мещанство как открытая на входе и выходе социальная группа выполняло актуальную задачу государственной социальной политики – аккумулировало промежуточные социальные категории, особенно подвергшиеся маргинализации. Таким образом, эти группы населения обретали правовой статус и попадали под фискальный надзор государства. Это касалось как тех лиц, кто вел торгово-ремесленную деятельность, но еще не имел на нее сословного права, так и тех, кто еще не выбрал род занятий, но в силу внешних обстоятельств изме-

нил род прежней деятельности.

Прежде всего, следует отметить тесную связь формирования мещанства с процессом территориального расширения города за счет вхождения в него пригородных сел, получивших статус городских слобод. Активная городообразовательная деятельность Екатерины II, при которой 216 поселений Российской империи были объявлены городами, сопровождалась постоянным пополнением мещанства за счет лиц разных сословий.

Территориальная структура Казани формировалась постепенно и являлась отражением процесса торгово-промышленного развития города. В первой половине XIX в. происходило расширение города за счет пригородных сел, которые входили в состав Казани как слободы. Основным состав их жителей – монастырские и владельческие крестьяне, с 1764 г. перешедшие в разряд экономических. Преимущественно это были бобыли. Так, в XVIII столетии в Ягодной слободе на 18 крестьянских дворов приходилось 58 бобыльских [34, с.13]. Жители этих слобод занимались промыслами, ремеслами и торговлей. Пашенной земли в XVIII в. в слободах уже практически не было. В Архангельской слободе жили каменщики, кирпичники, квасовары, тележные и колесные мастера, кожевенники. Они платили денежный оброк архиерейскому дому, нанимались в работники, выполняли некоторые натуральные повинности, чаще всего извоз [35, с.1].

Поселения, вошедшие в состав Казани, были довольно значительными. В 1781-1782 гг. в селе Архангельское экономических крестьян насчитывалось 274 души, в Плетенях – 125, в селе Ягодном – 182. В деревнях Поповка, Бишбалта и Игумнова – соответственно 35, 41 и 69, десять душ насчитывала Кизическая слободка при одноименном монастыре [36, л.78об-80]. Жители этих сел издавна вели городской образ жизни и постепенно по мере присоединения к городу пополняли ряды мещанства. Села Архангельское, Плетени и деревня Поповка вошли в состав города на основании утвержденных в 1782 г. штатов управы благочиния, составив отдельную городскую часть вместе с татарскими слободами. В 1825 г. к Казани присоединилась Ягодная слобода, Игумнова и Кизическая слободы, вскоре – Ко-

зья слобода и Гривка. В 1833 г. к городу перешло село Бишбалта [37, л.7]. Все жители данных поселений, получив статус горожан, были записаны в мещане.

Одним из значительных источников пополнения казанского мещанства стали рабочие люди казанской суконной мануфактуры, созданной по указу Петра I в 1714 г. и принадлежащей к числу посессионных предприятий. Состав суконщиков формировался постепенно на протяжении второй четверти XVIII в. Первоначально к предприятию были приписаны ближайшие посадские дворы с мастеровыми, но определяющую роль сыграл путь свободного найма работников. На казанский «шерстяной завод» приходили посадские, дети священников и служилых по прибору, солдатские дети, бобыли. Часть людей была принудительно отдана предприятию по указам: солданные стрельцы, старообрядцы, нищие и так называемые «гулящие люди», за бродяжничество отданные на фабричную работу.

Таким образом, суконщики представляли собой давно оторванные от земли некрестьянские слои населения. Указом 1736 г. они были навечно закреплены за предприятием. Работники были расселены в специально созданной Суконной слободе, включенной в состав города, в силу чего несли городские повинности. Как отмечал известный казанский краевед XIX в. Н.Я. Агафонов со слов старожил слободы суконщика С.Юрьева, большинство мастеровых в свободное время активно занимались торгово-ремесленной деятельностью и всевозможными промыслами, как и казанские мещане [38, с.760-810].

Разброс видов деятельности был достаточно широк. Преобладало ремесло и мелкое производство. В большинстве своем суконщики занимались теми видами деятельности, которые находили спрос в Суконной слободе – это были печники, портные, плотники, скорняки. Некоторые суконщики настолько удачно продвинулись в предпринимательской деятельности, что имели собственные «заводы». А.С. Юрьев упоминает о веревочных, крупя-

ных, красильных и переплетном заведениях, а также о кирпичном производстве в сараях за Суконной слободой. Не менее значимым видом деятельности была торговля. Чаще всего суконщики продавали не свою продукцию, для изготовления которой не хватало времени и средств, а были посредниками. Они торговали мясом, птицей и рыбой в выходные дни в рядах, вразнос орехами и пряниками, старым железом и поношенной одеждой. Некоторые суконщики содержали собственные лавки. В 1839 г. ведомость городской думы перечисляет 13 лавок, которые суконщики содержали при своих домах [39, л.1-3]. В тех случаях, когда суконщики не могли участвовать в производственной или торговой деятельности в силу отсутствия средств, навыков или умений, поддержки со стороны и т.п., они нанимались на временную работу как мясники, караульщики, разнорабочие, рыли колодцы.

Важную роль в нефабричной деятельности суконщиков играли ловля певчих птиц, огородничество и садоводство. Н.Я. Агафонов писал о суконщиках как о лучших садоводах г.Казани [40, с.416]. Таким образом, суконщики по официальному социальному статусу являлись прикрепленными к мануфактуре рабочими людьми, главная обязанность которых – суконное производство. Но по массово распространенным видам дополнительных «зарабатываньев» и несению городских повинностей – фактически городскими мещанами. В этих видах деятельности принимали участие все члены семьи – взрослые мужчины, женщины, дети, старики – каждый в меру своих возможностей. Складывались целые династии, в которых несколько поколений занимались определенным видом деятельности. Юрьев упоминает садовников Сламчевых, известных птицеловов Соловьевых, получивших свою фамилию благодаря ловле певчих птиц. Традиционно мясниками были Козины, токарями Судокovy, лили свечи Серебряковы. Одной из известных династий красильщиков была семья Питерских.

В XVIII в. упоминаний о нефабричных занятиях суконщиков по извлечению дополнительного дохода в источниках практически нет. Пока развитие мануфактуры шло по восходящей линии, суконщики относились к предприятию как к главному источнику жизненных средств. По мере нарастания застойных и кризисных явлений в производстве работа на мануфактуре, обрекавшая семьи суконщиков на нищету, стала рассматриваться как ярмо. Возможность заработать средства на жизнь была лишь вне предприятия. Анализ источников подтверждает, что суконщики этим широко пользовались, ведя фактически мещанский образ жизни. Принадлежность к мануфактуре препятствовала их включению в городскую среду, однако противостоять процессу нарушения замкнутости фабрично-слободского мира власти и содержатель были не в силах. Заметным явлением в первой четверти XIX в. стал перевод части суконщиков на оброк, что еще больше усилило их связи с городской общиной.

Усиливающийся кризис крепостной про-

мышленности в первой половине XIX в. проявился в постоянно нарастающих волнениях казанских суконщиков, многократно исследованных в литературе еще со времен Н.Я. Агафонова. Главным требованием суконщиков было требование воли, которой они хотели воспользоваться для максимальной реализации своих прав как городского населения. Упорная борьба фабричных способствовала ранней, по сравнению с другими предприятиями, ликвидации посессии на мануфактуре. В 1849 г. суконщики получили свободу и право избрать себе род жизни. Из 1193 фабричных лишь 159 человек купленных к предприятию крестьян перешли в разряд государственных. Жители Суконной слободы в количестве 1034 человек вступили в городское сословие в качестве мещан, став полноправными горожанами-домовладельцами [41, л.1]. Источники показывают, что практически все мастерские избрали себе типичный для мещан род жизни, связанный с торговлей, мелкотоварным производством или услужением. Лишь единицы остались работать на мануфактуре. Суконная

Таблица 1

Количество причисленных в мещанство по указам Казанской казенной палаты [42]

Количество душ обоего пола	1828	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1840	1843	1846	1847	Итого
Отсужденный из незаконного владения или отпущенный на волю дворовый	13	13	25	1267	41	42	57	1	32	21	71	39	1622 (57%)
Крестьяне	19	35	63	142	72	1	-	132	25	36	67	92	684 (24%)
Иногородний мещанин	1	6	9	32	30	1	1	7	4	9	9	26	135 (4,7%)
Отставной военный, солдатские жены и дочери	3	-	4	23	6	9	11	-	10	15	25	21	127 (4,7%)
Подкидыши и воспитанники	1	-	2	42	3	10	12	-	3	1	2	-	76 (2,7%)
Исключенные из духовного звания	2	7	3	8	2	1	2	-	4	10	17	10	66 (2,3%)
Новокрещеные	-	3	2	5	3	-	3	-	2	9	2	28	57 (2%)
Иные	56	-	-	6	-	-	3	-	-	6	4	3	78 (2,7%)
Итого	95	64	106	1525	157	64	89	140	80	107	197	219	2845

слобода стала типично мещанским районом Казани.

Вобрав в себя наличные слои посадского населения, мещанство постоянно пополнялось извне. Анализ указов Казанской казенной палаты за 1828-1847 гг., представленный в таблице 1, позволяет получить представление, какие социальные категории пополняли казанское мещанство и какой удельный вес разные социальные группы имели в общем количестве вновь причисленных мещан.

Как видно из таблицы, самая массовая категория переходящих в мещанство – дворовые, отпущенные хозяевами на волю, либо отсужденные из незаконного владения. Так, в 1828-1847 гг. их перешло в мещанство 1622 души обоего пола, что составило более половины (57%) от общей массы всех причисленных в мещанство в указанный период. Эту категорию населения, на наш взгляд, нельзя отнести к крестьянам, поскольку они были давно оторваны от земли, проживали в городе или пригородных селах, фактически ведя мещанский образ жизни. Обращает на себя внимание, что из числа прошений данной группы лиц 58% составляют вдовы и девки, как одинокие, так и с детьми. Таким образом, в казанское мещанство переходили преимущественно лица, экономически мало благополучные, но согласно законодательству имеющие право выбирать себе мещанство как род жизнедеятельности, не спрашивая согласия мещанской общины.

Также мещанство пополнялось за счет оставших нижних воинских чинов и солдат (127 человек), лиц, исключенных из духовного звания (66 человек), воспитанников сиротского дома и подкидышей (76 человек). Безусловно, подобная практика позволяла учесть в податном плане население, изменившее социальный статус, однако одновременно значительно обременяло мещанскую общину, пополняя ее неплатежеспособными людьми. Это явилось одной из причин постепенного роста мещан-

ских недоимок, отмеченных властями. По сведениям Комиссии по пересмотру системы податей и сборов Министерства финансов, в целом по стране с 1848 по 1858 гг. недоборы с мещан составляли 18%, тогда как с казенных крестьян – всего 2% [43, л.7].

Крестьяне, по мнению исследователей являющиеся основным источником пополнения мещанства, занимают всего четвертую часть от входящих в состав казанской мещанской общины. Первоначально процедура доступа крестьян в мещанство была крайне затруднена. Еще в 1782 г. Сенат запретил крестьянам записываться в мещане, для них оставалась только возможность вступления в купечество [44]. Городовое положение фактически сняло этот запрет, но путь перехода крестьян в мещане был достаточно сложен. Для вхождения в мещанство требовалось выполнение ряда условий. Главным основанием являлось постоянное жительство в городе и занятие мещанскими торгами и промыслами. Особенно внимательно государство следило за тем, чтобы перешедшие в мещанство крестьяне не сохраняли земледельческих занятий. Нередко была обратная ситуация, когда записанных в мещане жителей пригородных сел, безуездных городов с преимущественно деревенским укладом, которые не в состоянии были прокормиться торговлей и промыслами, переводили в казенные крестьяне. Но это запрещалось тем мещанам, «кои не только сами, но и отцы их никогда в землепашестве не упражнялись, или вступили в промысел и могут содержать себя сообразно состоянию» [45].

Проблема сбора податей с лиц, перешедших в мещанство, регулировалась по сложившейся системе. Сохранялась прежняя практика несения платежей по двум состояниям вплоть до следующей ревизии, что также затрудняло переход крестьян в мещане. Переход в мещанство означал приписку к конкретному мещанскому обществу того или иного города. Соответственно, требовалось получить согла-

Таблица 2

Количество купцов 3-й гильдии, переведенных в мещанство по необъявлению капитала [50]

Год	1827	1828	1829	1830	1833	1846	1847
Количество купцов	58	32	41	27	21	16	13

сие данного общества на вступление в него нового члена, а также разрешение на увольнение из прежнего общества. Данная процедура было не просто формальностью: в условиях мировой раскладки податей и повинностей, круговой поруки общество несло ощутимые тяготы в случае изменения состава участников. Помимо согласия обществ, для государственных и экономических крестьян требовалось получить разрешение Казенной палаты, для рабочих людей – соответствующей коллегии [46].

В 1804 г. Сенат обобщил сложившуюся практику и выработал общие правила перехода крестьян в городские сословия. Переходящий в мещанство крестьянин – тот, кто «оставя хлебопашество, или вовсе не упражняясь в оном, издавна приобик к свойственным купечеству и мещанству промыслам...», «почасту жительствует или совсем обзавелся в городе». Земельный надел, который оставляет переселенец, не должен пустовать. Крестьянин должен быть свободен от недоимок, а городское общество согласно до следующей ревизии платить за него крестьянские подати. В обеспечение этого платежа крестьянину полагалось вносить залог в городское общество в размере трехлетней подати по обоим состояниям [47]. Удельные крестьяне увольнялись в мещанство по праву помещицкому: помимо остальных условий они должны были заплатить сумму по цене рекрутской [48]. Фактически крестьянин должен был действительно являться городским обывателем и подтвердить этот факт согласием общества. Обращает внимание абсолютное преобладание мужчин работоспособного возраста, которые, по видимому, планировали сначала закрепиться в городе, а впоследствии перевезти семью.

Во второй четверти XIX в., учитывая тенденции в социально-экономическом развитии страны, правительство упростило процедуру перехода крестьян, отменив платежи податей по двум состояниям, трехгодичную подать и поручительство. Одновременно в рамках борьбы с пауперизацией различные межсословные группы населения (подкидыши и воспитанники сиротских домов, уволенные из церковного звания, отставные солдаты, отпущенные на волю крестьяне и пр.) получили право записываться в мещанство без согласия

обществ. Это вызвало заметный всплеск перехода в мещанство, совпавший со временем очередной ревизии, что также стимулировало людей своевременно уточнить свой социальный статус. Так, в 1826-1828 гг. казанская казенная палата рассмотрела 76 прошений о причислении в мещанство, в 1832 г. – 148, а в 1834 г., в год седьмой ревизии – 841 [49].

Достаточно заметную группу лиц (4,7%) составляют иногородние мещане. Любопытно, что преобладающая часть из них – жители городов за пределами Казанской губернии. Среди переходящих в Казань мещан встречаются горожане Московской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Вятской губерний, что является свидетельством межрегиональной мобильности, основанной преимущественно на торговой деятельности. Отличительной особенностью Казани являлось также пополнение мещан за счет так называемых новокрещенов – преимущественно татар, реже евреев и черемис, принявших православие.

В рамках внутригородской мобильности мещанство также пополнялось обедневшими купцами третьей гильдии, не объявившими в очередной раз капитал «по расстроеным в торговле обстоятельствам». Как показывает таблица 2, масштабы данного явления невелики. Более того, при абсолютном росте городского населения вообще и мещан в частности, наблюдается постепенное уменьшение числа купцов, перешедших в мещанство. В известной мере это свидетельствует о более высоком статусе купечества в глазах городского населения, престиже данного состояния, который старались максимально сохранять.

Насколько активным был процесс обновления мещанства за счет вновь причисленных, можно судить по приблизительным расчетам. Так, по данным административного учета, составленным казанской городской думой, в 1842 г. в городе числилось 10800 мещан обоюго пола [51, л.12об.]. По указам казенной палаты с 1828 по 1840 годы в мещанство перешли из различных категорий 2320 душ. При этом надо понимать, что цифра явно была больше, поскольку анализу подвергались только доступные нам источники, сохранившиеся в архиве. Значительная часть этих людей была городскими жителями (отставные

воинские чины, исключенные из духовного звания и пр.), менявшими свой социальный статус в силу определенных обстоятельств. Но совершенно точно приезжими являлись крестьяне и иногородние мещане. Их в указанный период причислилось как минимум 580 человек (5,3% от общего числа казанских мещан), что говорит о заметной социальной мобильности населения.

Таким образом, изучение перемещений между социальными категориями позволяет сделать вывод, что российское общество было динамичным и не имело жестких структур и границ, поэтому государство было настойчиво в своем желании дать формальные социальные определения, к которым относится и мещанство. Это было сделано как из фискальных соображений, так и для сохранения стабильности и предсказуемости общества. Государственная политика приписывания к четко сформулированным социальным категориям не имела односторонней направленности, она находила также отклик снизу, от массы промежуточных категорий городского населения. Изучение особенностей формирования мещанства Казани в дореформенный период свидетельствует о том, что в мещанство переходили в первую очередь те группы населения, которые уже вели городской образ жизни. Об этом свидетельствует незначительность масштабов причисления крестьян, достаточно четко идентифицируемых с деревенским образом жизни. Мещанство преимущественно вбирало в себя промежуточные, маргинальные социальные группы, для которых городская среда была более привлекательна.

Литература

1. Цит. по: *Клокман Ю.Р.* Указ. соч.
2. ПСЗ. - 1-е собрание. - Т.№11888.
3. Описание Казани и его уезда, сочиненное Дм. Зиновьевым. – М., 1788.
4. РГАДА.Ф.16.Оп.1.Д.725.Ч.1. Л.78 об.
5. *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. – Казань: Изд-во Казан. Унта, 2001.
6. НАРТ.Ф.114.Оп.1.Д.1115.
7. *Фукс К.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. – Казань, 1844.
8. *Виртшафтер Элис К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. – М.: Логос, 2002.
9. Описание Казани и его уезда, сочиненное Дм. Зиновьевым. – М., 1788.
10. *Покровский М.* Окраины г. Казани XVI-XVIII вв. - Казань, 1905.
11. Там же.
12. РГАДА.Ф.16.Оп.1.Д.725.Ч.1.
13. НАРТ.Ф.114.Оп.1.Д.835.
14. Генеалогия казанских суконщиков // *Агафонов Н. Я.* Горшок герани. - ОРРК НБЛ КГУ. Д.216.
15. НАРТ.Ф.114.Оп.1.Д.1374.
16. *Посадский Я.* Как добились себе воли казанские суконщики // *Первый шаг.*- Казань, 1876.
17. НАРТ. Ф. 408.Оп.1.Д.492.
18. НАРТ. Ф.114.Оп.1. Д.684; Д.945; Д.946; Д.1085; Д.1056; Д.1116; Д.1083; Д. 1086; Д.1084; Д.1122; Д.1175; Д.1180; Д.1238; Д.1437; Д.1501; Д.1689; Д. 1906; Д.1974.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1152.Оп.5.Д.357.
20. ПСЗ. - Т.23. - №15578.
21. ПСЗ. – Т.31. - №24517.
22. ПСЗ. – Т.24. - №18213.
23. ПСЗ. – Т.28. - №21484.
24. ПСЗ. – Т.25. - №18714.
25. НАРТ. Ф.114.Оп.1.Д.541; Д.684; Д.945; Д.946; Д.1085; Д.1056; Д.1116; Д.1083; Д.1086; Д.1084; Д.1302.
26. НАРТ. Ф.114. Оп.1.Д.559; Д.635; Д.706; Д.877; Д.1044; Д.1874.
27. 51.НАРТ. Ф.114.Оп.1.Д.1692.

V. Telishev, candidate of historical sciences, docent of Kazan Federal University

V. Sakaev, candidate of historical sciences, docent of Kazan Federal University branch in Naberezhnye Chelny

В. Телишев, кандидат исторических наук., доцент КФУ,

В. Сакаев, кандидат исторических наук, доцент Набережночелнинского института КФУ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОТЕРЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КЕЙС ТАТАРСКАЯ АССР

Аннотация:

Статья посвящена анализу потерь населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены структура и масштаб прямых и косвенных демографических потерь, а также предложена оригинальная методика исследования данной проблемы на региональном уровне.

Ключевые слова:

демографические потери, Великая Отечественная война, Татарская АССР

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже более 65 лет, но, в истории этой войны всё ещё сохраняется множество белых пятен. Одной из ключевых проблем остается оценка людских потерь по регионам России. Татарская АССР не стала в этом смысле исключением, хотя её территория не являлась театром боевых действий, что, казалось бы, должно было облегчить подсчет.

та людских потерь¹, но исследовательские возможности каждой из них имеют свои ограничения и не всегда подходят для регионального исследования. На наш взгляд, для регионального исследования нужно применить комбинацию различных методических подходов.

Демографические потери складываются из следующих составляющих: прямые потери

Таблица 1

Военные потери населения ТАССР в 1941-1945 гг.*

Год	Число погибших, умерших от ран, пропавших без вести и т.д. на фронтах	В % к довоенной численности населения республики**
1941	66000	2,4
1942	115993	4,2
1943	83723	3,0
1944	49662	1,8
1945	24444	0,9
Итого	339822	12,3

* Составлена по: Иванов А.А. *Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : история изучения, исследование и методика создания книги «Память» Республики Татарстан / А.А. Иванов. – Казань : Изд-во «ХЭТЕР», 1998. – С. 93.*

** *Оценки численности населения Татарской АССР на 1 января 1941 г. существенно различаются. В фондах Государственного архива РФ численности оценивается в 2914,1 тыс. чел (ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 75, лл. 21-24). В Национальном архиве РТ численность населения оценивается на порядок меньшей величиной в 2760,2 тыс. человек (НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 508, л. 217). Последняя цифра нам представляется наиболее достоверной, поэтому процент военных потерь рассчитан к указанной численности населения.*

Однако, демографические потери ТАССР в исторической науке до сих пор не определены.

Существуют различные методики подсче-

тывает того обстоятельства, что ТАССР не являлась театром военных действий. Этнодемографический метод не дает полной картины потерь, так как население республики было многонациональным. Демографический баланс невозможно применить вследствие массовых перемещений населения в регионе. Метод прямого счета, свою очередь, не учитывает косвенные людские потери.

(военные потери и умершие в результате повышения уровня смертности в тылу) и косвенные потери (падение рождаемости, рост младенческой смертности, повышенный уровень смертности среди ветеранов и инвалидов войны в первые послевоенные годы).

Из ТАССР на фронт в годы Великой Отечественной войны было призвано более 560 тыс. чел. Кроме того, к 22 июня 1941 г. на действительной службе находилось не менее 100 тыс. юношей из Татарстана. Таким образом, всего на фронте побывало около 700 тыс. татарстанцев или примерно 24% довоенного населения. С фронта не вернулось 339,8 тыс. татарстанцев, то есть каждый второй¹.

Наибольшее число погибших пришлось на 1941-1943 гг. – 78,2% от общего числа военных потерь республики в годы войны (см. табл. 1).

Вторая составляющая демографических потерь – это смертность в тылу. В 1941-1945 гг. в республике умерло 289,5 тыс. чел. Таким образом, республика в годы войны потеряла на фронте и в тылу 629,4 тыс. чел., что составляет порядка 22,8% довоенной численности населения, в том числе военные потери составляют 12,3% (см. табл. 2).

Однако не всю совокупность умерших в тылу можно отнести к демографическим потерям, ведь и при мирных условиях в ТАССР

ления. Для определения уровня сверхсмертности² необходимо более подробно рассмотреть этот процесс. За исключением 1942 г. общий коэффициент смертности в годы войны в ТАССР был ниже довоенного: 1940 г. – 26,4‰; 1941 г. – 23,3‰; 1942 г. – 26,8‰; 1943 г. – 19,7‰; 1944 г. – 24,0‰; 1945 г. – 11,7‰³. Ежегодные числа умерших также были ниже показателя 1940 г., за исключением 1942 г., когда они превысили довоенный уровень на 5,8%. Казалось бы, говорить о существенном повышении уровня смертности в годы войны нельзя, однако приведенные выше данные не принимают в расчет того факта, что до четверти населения республики находилась на фронте, но продолжала учитываться при расчете общего коэффициента смертности в тылу. Если учесть это обстоятельство, то общий коэффициент смертности в ТАССР был на порядок выше официальных расчетов. Например, в том же 1942 г. общий коэффициент смертности составил бы 34,8‰, что на 30% выше официальных данных об уровне смертности в 1942 г. и на столько же превышает общий коэффициент смертности 1940 г. Это и есть фактическая сверхсмертность в республике в годы войны. Конечно, эти расчеты во многом условны, так как точные сведения о числе мобилизованных, и о распределении их по годам мобилизации, у нас отсут-

Таблица 2

Смертность в ТАССР в 1940-1945 гг.

Год	Число умерших в тылу
1940	76814
1941	67989
1942	81275
1943	51079
1944	59634
1945	29574
Итого за 1941-1945 гг.	289551

* Составлена по данным: ГАРФ, ф. А-374, оп. 11 д. 12, 19, 73, 75, 81, 82, 103, 105, 150, 155, 161, 164, 176, 178, 209, 214, 217, 219, 263, 264, 267, 278, 281, 294, 351, 354, 356, 358, 361, 365, 368, 380, 381; НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 508, 515, 519, 522, 532, 537, 538.

в 1941-1945 гг. умерла бы какая-то часть насе-

¹ Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : история изучения, исследование и методика создания книги «Память» Республики Татарстан / А.А. Иванов. – Казань : Изд-во «ХЭТЕР», 1998. – С. 92-93.

² Под сверхсмертностью понимается повышенный уровень смертности, вызванный исключительно военными условиями.

³ Подсчитано по данным: ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 82, 164, 214, 278, 365; НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18. д. 508, 515, 519, 522, 532, 537, 538.

ствуют. В целом, уровень сверхсмертности в 1941-1942 гг. следует оценить в 15-20%. Это означает, что смерть в республике в начальный период войны не менее 30 тыс. чел. была обусловлена исключительно военными условиями (ухудшение питания, ухудшение санитарного состояния населенных пунктов, рост заболеваемости, морально-психологическое потрясение и т.д.).

Начиная с 1943 г. в связи с внедрением

уровня 1940 г. (108,1 тыс. новорожденных). Низшая точка падения рождаемости в ТАССР пришлась на 1944 г., когда число новорожденных равнялось 26,6% от показателя 1940 г. (см. табл. 3). Эти данные следует отнести к косвенным людским потерям республики.

Об этом же свидетельствует динамика общего коэффициента рождаемости в 1940-1945 гг.: 37,1; 33,8; 19,9; 13,0; 11,4; 13,2¹. Таким образом, общий коэффициент рождаемо-

Таблица 3

Рождаемость в ТАССР в 1940-1945 гг. (чел.; родившихся живыми).*

Год	Родилось	в % к 1940 г.
1940	108060	100,0
1941	98582	91,2
1942	60280	55,8
1943	35350	32,7
1944	28711	26,6
1945	33332	30,8
Итого, за 1941-1945 гг.	256255	47,4

* Составлена по данным: ГАРФ, ф. А-374, оп. 11 д. 12, 19, 73, 75, 81, 82, 103, 105, 150, 155, 161, 164, 176, 178, 209, 214, 217, 219, 263, 264, 267, 278, 281, 294, 351, 354, 356, 358, 361, 365, 368, 380, 381; НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 538.

антибиотиков пенициллинового ряда и противомикробных сульфаниламидных препаратов, реальный уровень смертности существенно сократился, поэтому о сверхсмертности в тылу можно, в основном, говорить лишь применительно к начальному периоду войны. Правда, некоторый всплеск смертности имел место и в 1944 г. в связи с вспышкой заболеваемости септической ангиной в юго-восточных районах республики, что отразилось в числе умерших. Это не было специфичным для ТАССР явлением, такие же вспышки септической ангины прокатились по другим регионам страны и были прямым следствием физического истощения советских людей, особенно в сельских районах, население которых не обеспечивалось централизованным снабжением по карточной системе. Но целом, внедрение новых медицинских препаратов привело к снижению смертности в 1943-1945 гг. Как следствие, среднегодовой уровень смертности в республике в 1943-1945 гг. (46,8 тыс. смертей) оказался ниже уровня 1940 г. (76,8 тыс. смертей).

Война вызвала сокращение рождаемости, в результате чего, среднегодовой уровень рождаемости в военный период (51,2 тыс. новорожденных в год) оказался в два раза ниже

сти в 1941-1945 гг. составлял в среднем 18,3%, вместо 37,1% – в 1940 г. Снижение рождаемости на значительное число сократило возможности естественного прироста населения. При условии сохранения рождаемости на уровне 1940 г. в республике в годы войны могло бы родиться на 284,5 тыс. младенцев больше, чем появилось на свет в реальности.

На сокращение воспроизводства населения повлиял также рост младенческой смертности. Хотя в количественном отношении младенческая смертность сократилась, но её уменьшение было обусловлено исключительно падением рождаемости. На рост младенческой смертности указывает динамика коэффициента младенческой смертности, который вырос в 1942 г. почти на четверть по сравнению с довоенным уровнем.² Подробные дан-

¹ Подсчитано по данным: ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 19, 73, 103, 208, 176, 165, 164, 209, 212, 263, 267, 294, 203, 380, 150, 75, 358; НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 508, 515, 519, 522, 532, 537, 538.

² По данным В.А. Исупова, коэффициент младенческой смертности в России в августе 1942 г. достиг 611%, то есть из десяти родившихся младенцев, шестеро погибло, не дожив до 1 года. Причем, самое значительное увеличение младенческой смертности наблюдалось в регионах массового вселения эвакуированных, в том числе в Та-

ные об уровне младенческой смертности в республике в годы войны приведены в табл. 4.

тыс. человек, естественный прирост составил 31,2 тыс. человек. Если бы числа рожденных и

Таблица 4

Младенческая смертность в ТАССР в 1940-1945 гг.*

Год	Младенческая смертность	Коэффициент младенческой смертности***
1940**	24902	23,0
1941	18588	18,5
1942	17823	28,9
1943	5532	12,4
1944	3706	11,1
1945	2826	7,8

* Составлена по данным: НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 538; ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 12, 21, 72, 73, 103, 165, 176, 208, 209, 262, 263, 284.

** Из-за отсутствия у автора сведений о числе родившихся в 1939 г., данные о коэффициенте за 1940 г. носят корреляционный характер.

*** Вычислено по формуле Й. Ратса. Коэффициент рассчитан на 100 родившихся живыми.

Демографические потери в тылу можно наблюдать и при вычислении естественного прироста населения, то есть разницы между числами родившихся и умерших в течение года (см. табл. 5).

умерших в республике в годы войны сохранились на уровне 1940 г., то итоги естественного прироста выглядели бы следующим образом: родилось бы 540,5 тыс. человек, умерло – 384,7 тыс. человек, естественный прирост со-

Таблица 5

Естественное движение населения ТАССР в 1941-1945 гг.

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1941	98582	67989	30593
1942	60280	81275	-20995
1943	35350	51079	-15729
1944	28711	59634	-30923
1945	33332	29574	3758
Итого	256255	289551	-33296

* Составлена по данным: ГАРФ, ф. А-374, оп. 11 д. 12, 19, 73, 75, 81, 82, 103, 105, 150, 155, 161, 164, 176, 178, 209, 214, 217, 219, 263, 264, 267, 278, 281, 294, 351, 354, 356, 358, 361, 365, 368, 380, 381; НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 508, 515, 519, 522, 532, 537, 538.

Таким образом, естественный прирост населения ТАССР за 1941-1945 гг. составил - 33296 человек. Но, эти данные не учитывают в полной мере влияния войны на падение рождаемости и рост смертности, в результате которых республика понесла косвенные демографические потери. Так в 1940 г. в республике родилось 108,1 тыс. человек, умерло 76,8

ставил бы не менее 156,2 тыс. человек. Таким образом, фактически республика в результате естественного прироста в годы войны недоиспользовала 189,5 тыс. чел. (156,2 тыс. + 33,3 тыс.).

Подводя итог, следует отметить, что демографические потери Татарской АССР в годы войны составили цифру не менее 650 тыс. чел. Она складывается из следующих компонентов: военные потери, составившие 339,8 тыс. чел.; сверхсмертность в тылу в 1941-1942 гг., унесшая жизни не менее 30 тыс. чел.; сокращение рождаемости, в результате которого респуб-

тарской АССР. Подробнее см.: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : историко-демографические очерки / В.А. Исупов; РАН, Сиб. отд.-е, Ин-т истории. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – С. 145.

лика недосчиталась 284,5 тыс. младенцев; рост младенческой смертности, приведший к гибели в республике в 1942 г. дополнительно около 3,7 тыс. младенцев. Кроме того, к демографическим потерям следует отнести повышенный уровень смертности среди инвалидов и ветеранов войны в послевоенные годы, региональные масштабы которого определить, пока, не удалось.

В конечном итоге, демографические потери привели к сокращению численности населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны почти на 15% от довоенной (см. табл. 6).

2. Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : история изучения, исследование и методика создания книги «Память» Республики Татарстан / А.А. Иванов. – Казань : Изд-во «ХЭТЕР», 1998.

Население России в XX веке: исторические очерки в 3-х т. / ответ. ред. издания Ю.А. Поляков; ответ ред. 2-го тома В.Б. Жиромская; РАН, Отд-е истории, Науч. совет по исторической демографии и исторической географии. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – Т. 2. 1940-1959.

Таблица 6

Прирост населения ТАССР в 1941-1946 гг.
(данные на 1 января каждого года; в % к 1941 г.)*

Год	Численность населения ТАССР
1941	100,0
1942	103,9
1943	94,5
1944	83,1
1945	83,0
1946	85,7

* Составлена по данным НА РТ, ф. Р-1296, оп. 18, д. 508, 515, 519, 522, 532, 537, 538.

Таким образом, Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны понесла существенные демографические потери, которые замедлили рост численности населения во второй половине XX в. Лишь отчасти, демографическая убыль компенсировалась в республике миграционными процессами, в частности, сохранением в республике некоторой доли населения, перемещенного сюда во время эвакуации.

Литература.

1. Андреев Е.М. Население Советского Союза, 1922-1991 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьков; ответ. ред. А.Г. Волков; РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования, Научный совет «Проблемы демографии и трудовых ресурсов». – М. : Наука, 1993.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

S. Gubanov,

doctor of Economic Sciences, professor, chief editor of the journal "Economist"

С. Губанов,

профессор, главный редактор журнала «Экономист»

УДК 330.342.23

НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ И ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ЕЕ МЕТОДОВ *

Продолжение,

начало опубликовано №2(6), 2014 г.

**Безотлагательность
неоиндустриализации:
доводы новых реалий**

Пореформенные шутки с историей кончились: текущий ход событий складывается так, что оттягивать поворот к неоиндустриализации больше нельзя. И экономические, и геополитические противоречия переплелись ныне в гордиев узел столь жгучего системного кризиса, который разрешается лишь крайними, поистине альтернативными исходами: либо развалом нашей страны, то есть исторически негативным итогом, либо ее неоиндустриальным подъемом – итогом исторически позитивным.

В отечественной экономике начиная с 2013 г. стагнация перемежается с автономной рецессией. Экспортно-сырьевая модель дошла до точки: она перестала генерировать даже номинальный, монетаристский рост, обеспечиваемый инфляцией нефтедоллара, и не в состоянии ни пополнять золотовалютные резервы и бюджет, ни поддерживать инвестиционный и конечный спрос. Раньше был рост без развития; теперь же нет ни развития, ни роста.

Драматически изменилась в конце 2013 г. и внешнеполитическая ситуация, добавив ко всем прочим еще одно грозное и болезненное противоречие. Стремительное осложнение обстановки на украинском направлении обязывает выступать *субъектом* геополитики, тогда как экономически Россия готова пока быть не больше, чем геополитическим *объектом*.

Как не раз уже бывало, перед тяжелейшим историческим испытанием наша страна вновь поставлена именно в тот момент, когда меньше всего готова к нему. И верно, деиндустриализация не преодолена. Продолжаются долларизация национального богатства и его офшоризация. Структурная диверсификация

народного хозяйства буксует. Экспортно-сырьевая модель все еще не заменена, несмотря на ее очевидную недееспособность. Отечественное хозяйство и государственный бюджет не выведены изнедопустимой зависимости от внешних конъюнктурных факторов: нефтедоллара и спекулятивного иностранного капитала. Экономическая система, будучи частнокапиталистической системой низшего порядка, абсолютно бесперспективна, ибо дезинтегрирована снизу доверху, держит промежуточное производство в отрыве от конечного, не позволяет кардинально увеличить агрегированный мультипликатор добавленной стоимости. Внутренние источники народнохозяйственного развития отключены и бездействуют. Наверстывания по производительности труда нет.

Пореформенная Россия докатилась до стадии низшего капитализма – дезинтегрированного иолигархического. Под воздействием иностранного капитала, который под ширмой «свободной конкуренции» принялся всемерно уничтожать своего стратегического конкурента, постсоветский капитализм быстро выродился в разновидность *компрадорского* – непроизводительного, посреднического, *брокерского*. Максимум, на что его хватает, – это перекачка ресурсов и национального богатства нашей страны за рубеж, то есть банальная торговля Родиной, что оборачивается усилением зарубежных ТНК при безмерном ослаблении отечественного промышленного капитала, ростом экономической и валютно-монетарной зависимости, обогащением олигархического меньшинства и обнищанием трудящегося большинства, сползанием к обществу несправедливости и нищеты.

Постсоветская практика сполна подтвердила силу и действенность классических экономических законов, в частности закона цены

производства. Низший капитализм, или колониальная периферия мирового хозяйства, действительно влечет существование в кабальной зависимости от высшего, функционируя как управляемый вассал последнего, то есть империалистического центра.

Хотя на протяжении 2000-х гг. принимались некие коррекции, они были бессистемными и лишь приглушили, но отнюдь не устранили масштабный системный кризис, трансформационный по происхождению и социально-экономический по последствиям. Дезинтеграция воспроизводства и деиндустриализация, системная и социальная отсталость, всесторонняя внешняя зависимость, работа на иностранный капитал вместо работы на самих себя, предельная социальная дифференциация и поляризация населения, внутреннее раскалывание общества по национальному, религиозному, языковому, территориальному, имущественному и прочим признакам, буржуазно-этнический национализм и центробежные тенденции – таковы зримые проявления системного кризиса, денно и нощно разъедающего фундамент федеративного единства.

Отягощенная грудой системных проблем, ослабленная длительной деиндустриализацией и стадийным регрессом, Россия тем не менее лишена возможности уклониться от брошенного ей геополитического вызова. Отсталость и слабость нашей страны являются неподходящими только для нее самой, между тем как именно на них сделал свой геополитический расчет блок во многом уже неоиндустриальных держав, обладающих колоссальным системным преимуществом над постсоветским строем. После «Великой рецессии» неоиндустриальный мир, ведомый США, стал субъектом предельно агрессивной геополитики. И сейчас вся тяжесть геополитического давления перенесена им напрямик на Россию, экономически во всем отсталую и отстающую – по стадии капитализма, уровню развития производительных сил, формам их организации и управления, индустриально-технологическому, научно-техническому и кадровому потенциалу, производительности труда и качеству жизни населения.

Во фронтальное наступление на евразийском пространстве американский неоимпери-

ализм вынужден ринуться по нескольким принципиальным причинам. С одной стороны, перед ним стоит задача во что бы то ни стало подкрепить империализм доллара чужой собственностью, с другой – Россия видится ему уже достаточно подорванной изнутри и ослабленной, чтобы основательно заблокировать ее по всему периметру государственной границы, двинув имперский поход НАТО дальше на восток, впритык к нашим юго-западным рубежам.

Несомненно, развязанный в конце 2013 г. украинским олигархически-компрадорским кланом кровавый «хаос», управляемый заокеанскими кукловодами с целью полной отмены внеблокового статуса Украины, следовало ожидать. Дело не в самих по себе продажности и гнилости постсоветского политического режима, вернее – не только в них. Вся суть в перманентности воспроизводства данного режима власти как такового, то есть в качестве продажного и гнилого, а также причинах и условиях именно такого его воспроизводства, идущего безостановочно, от одних якобы демократических выборов к другим. Несмотря на выборный процесс, реальный выбор неизменно остается за правящей компрадорской олигархией, возвращенной иностранным капиталом, всецело подконтрольной ему, на деле только им назначаемой и поддерживаемой.

Не просто так, не ради академического лишь интереса нам пришлось уделить пристальное внимание «новой норме» ФРС США, внешне вроде бы чисто технической и кейнсианской¹. Внешность обманчива: как выяснилось, в действительности США затеяли с 2008 г. беспрецедентный раунд глобальной экспансии империализма доллара – экспансии, связанной с кардинальным расширением *долларизации и американизации собственности остального мира*.

Воспользовавшись «Великой рецессией» 2008-2009 гг., США обрушили на мировое хозяйство новый акт планетарного передела собственности, как всегда – исключительно в свою пользу. Благодаря денационализации

¹ См.: Губанов С. Воспроизводство рабочих мест и «новая норма» ФРС США (теоретические аспекты) // Экономист. 2013. № 2; продолжение: Губанов С. Воспроизводство рабочих мест и «новая норма» ФРС США (аналитический аспект) // Экономист. 2013. № 7.

первоочередной в прицеле империализма доллара стала собственность постсоветских стран – России, Украины, Казахстана, Белоруссии. А всякий передел собственности, о чем учит история, сопряжен с вооруженным насилием, размах, интенсивность и количество жертв которого прямо пропорциональны масштабу и значению захватываемых объектов и высот экономики. Поэтому-то американский империализм развязывает одну региональную войну за другой, насаждая тоталитарный мировой порядок – с политическим порабощением всех тех стран, чья собственность отхватывается с целью долларизации, американизации и офшоризации, с учреждением для них прямого диктата проамериканского компрадорского режима. Это, к сожалению, и происходит сейчас на украинской земле.

В контексте имперской глобализации США украинский кризис занимает ныне отдельное место. Он более чем предсказуемо инициирован в интересах американского империализма, который давно отвел Украине роль своей хозяйственной неокolonии и марионеточного государства, напичканного базами НАТО ради геополитической блокады России. Нашей же стране, и так изрядно изолированной после развала СССР, отступать дальше некуда. Ей просто не оставляют выбора: она буквально обязана встать сейчас стеной на жизненно важных рубежах своей геополитической безопасности. Едва ли можно не видеть, что конечная цель американского империализма – Россия, и через Украину он подбегается вплотную именно к России.

Само собой разумеется, справиться с геополитическим нажимом, доведенным неоиндустриальным блоком во главе с американским империализмом до чрезвычайного обострения, на основе деиндустриализации долго не удастся. Тактические успехи при этом еще посильны, а стратегический выигрыш – нет.

Законы истории неумолимы: экономическому пигмею не дано быть геополитическим титаном – подобное несоответствие заведомо противоестественно и недолговечно. Оно объективно предполагает неприменный возврат к соответствию, а значит выбирать надо одно из двух: либо форсированное становление в ка-

честве экономического титана – неоиндустриального по определению, либо скоротечное превращение в геополитического пигмея, расчлененного на сферы влияния и вассалитета.

Итак, в современных условиях никакой позитивной альтернативы неоиндустриализации России нет и быть не может. Возможна только негативная: экономический и политический крах, с повторением прискорбной участи Советского Союза. Либо динамичная неоиндустриализация, либо внутреннее разложение компрадорским капиталом и развал – так ставит вопрос жизнь.

Естественно, нашей стране нужен исторически позитивный исход. А с данной точки зрения выбор однозначен и кристально ясен: во-первых, *неоиндустриализация России безальтернативна*, во-вторых – *безотлагательна*.

Об алгоритме перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной

Настоятельность и безотлагательность неоиндустриального поворота вовсе не значит, что нужно действовать сломя голову, наскоком или кампанейщиной. Напротив, авантюризм и волонтаризм подлежат исключению, так как обернутся потерей драгоценного времени, которого и без того критически мало. И верный результат, и выигрыш по времени способна гарантировать лишь комбинация выверенных, точно рассчитанных мер и действий, реализуемых в правильной последовательности. В общем, чем качественнее алгоритм неоиндустриального перехода, тем выше темпы и короче сроки, экономнее и эффективнее программа его практической реализации.

Мы не претендуем здесь на развертывание программы неоиндустриализации нашей страны – это особая задача, решение которой предполагает консолидацию усилий всего научно-экономического сообщества, понимающего значимость неоиндустриальной реконструкции народного хозяйства и твердо придерживающегося идеологии общегосударственных, народнохозяйственных интересов. Наша функция ограничивается изложением узловых пунктов алгоритма неоиндустриаль-

ного перехода, притом преимущественно первоочередных.

Исходный пункт и заглавный принцип состоит в том, что необходимо избежать всякого рода шоков и бифуркаций: ценовых, налоговых, бюджетных, инвестиционных, инфраструктурных, валютных, долговых, экспортно-импортных и т.д. Да, впадение в системный кризис и деиндустриализацию носило характер шокового, но выход из него должен быть управляемым, контролируемым и регулируемым, то есть четко организованным, ювелирно слаженным.

В первую очередь следует покончить с деиндустриализацией экономики, для чего необходимо соединить добывающую промышленность с обрабатывающими комплексами, особенно машиностроительными. Основа их организационно-экономического соединения – вертикально интегрированная собственность, а форма – межотраслевые цепочки производства конечной продукции с высоким мультипликатором добавленной стоимости.

Тем самым задается *первый* принципиальный шаг алгоритма: стратегическая национализация командных высот экономики, их суверенизация, деолларизация и деофшоризация – формальная и неформальная, прямая и косвенная, в форме выкупной деприватизации и налоговой.

С учетом многоукладности форм собственности, о чем уже сказано, стратегическая национализация объективно не может быть тотальной, как то примитивно воображают себе некоторые критики, и ограничивается сугубо лишь командными высотами экономики.

Далее, стратегическая национализация не предполагает внеэкономической, декретированной или директивной экспроприации. Во избежание недоразумения особо отметим, что национализируемыми объектами являются стратегически важные средства производства, начиная с земли и ТЭК, а не предметы личного потребления граждан.

И, главное, национализация нужна не ради национализации. Она нужна ради наращивания отечественного производства продукции конечного спроса с высокой долей добавленной стоимости, на основе прочной и неразрывной связи между добычей и промышленной переработкой сырья, первичных ресурсов,

т.е. на основе вертикально интегрированной собственности.

Второй шаг после стратегической национализации командных высот экономики сводится к вертикальной интеграции формально или неформально национализированной собственности, конкретнее – к разработке и реализации народнохозяйственного плана создания вертикально интегрированных, общенациональных цепочек производства добавленной стоимости, в которых полностью объединены все фазы воспроизводства конкурентоспособной продукции конечного спроса, а работа строится по принципу «точно вовремя». В результате успешного осуществления такого плана Россия получит *экономику отечественных ТНК*, конкурентных по сравнению с крупнейшими иностранными.

Одновременно надлежит восстановить вертикально интегрированную форму организации инфраструктурных монополий – электроэнергетики, железнодорожного, авиационного, морского и речного транспорта, а также рыболовства и жилищно-коммунального хозяйства.

Третий шаг предполагает освобождение внутренних цен и ценообразования от влияния валютного курса рубля, спекулятивного иностранного капитала, импорта инфляции и прочих конъюнктурных внешних факторов.

Для этого целесообразно использовать меру, предлагаемую рядом специалистов: создать уполномоченное федеральное агентство, которое выкупало бы главнейшие товары минерально-сырьевого экспорта по внутренним ценам, реализовывало по экспортным и зачисляло валютную выручку на счета особого капитального фонда, чтобы увеличивать ресурсы реального накопления¹.

Необходимым видится также учреждение национального агентства по иностранным инвестициям. Основная его функция заключается в том, чтобы расширять приток долгосрочных, индустриально-технологических и инфраструктурных инвестиций, отсекая при этом приток краткосрочных спекулятивных, бестоварных, монетарных.

¹ См.: Дасковский В., Киселев В. Основы новой стратегии, модели и политики неиндустриальной реконструкции // Экономист. 2014. № 1. С. 42.

Параллельно Центральный банк прекращает политику рублевой эмиссии, пропорциональной валютной выручке, вводит регулирование массы денег в обращении пропорционально росту внутреннего производства товарной массы, всемерно расширяет масштаб безналичных расчетов и платежей предприятий и населения, формирует национальную платежно-расчетную сеть.

Стабилизационный фонд упраздняется. Объем золотовалютных резервов сводится к нормативной величине, эквивалентной объему полугодового товарного импорта с учетом годовых выплат по внешнему долгу.

Четвертый шаг предполагает перевод государственного бюджета целиком на внутренние источники доходной части и кардинальное повышение его инвестиционного потенциала. Главными из предлагаемых мер представляются введение и селективное применение налога с оборота, прогрессивной шкалы подоходного налога, налога на спекулятивные доходы и налога на недвижимость.

Налог с оборота в тех секторах или видах деятельности, где он эффективен, должен использоваться не вместе, а вместо налога на добавленную стоимость.

Разработке и расчетному обоснованию подлежит также более детальный и комплексный план налоговой реорганизации, органически связанный с планом системных изменений в торговой, банковской и промышленной сфере, ценообразовании, амортизационных отчислений.

В частности, необходимо образование общегосударственного фонда амортизационных отчислений и создание механизма их строго целевого назначения. Они составляют «длинные», долгосрочные ресурсы, которые следует учитывать в составе совокупного внутреннего фонда накопления и целевого кредитования масштабных неиндустриальных проектов.

Налоговые меры важны и пригодны для повышения инвестиционного значения прибыли. Допустимо введение налоговых ограничений ее проедания.

Пятый шаг относится к ценообразованию и предполагает его постепенное превращение в планово-регулируемое.

На первом этапе регулирование налаживается применительно к ценам и тарифам государственно-корпоративного сектора, инфраструктурных монополий и жилищно-коммунального хозяйства. Вводится особый порядок ценообразования: цены устанавливаются на основе интегральных издержек сроком на 5 лет, исходя из принципа общего рынка и принципа безубыточности; из цен исключаются прибыль и инвестиционная составляющая; механизм хозяйствования и система стимулов настраиваются на снижение издержек; в качестве источника плановых капитальных вложений выступает централизованный фонд совокупного накопления.

Шестой шаг призван гарантировать плановый уровень доли внутреннего накопления, окупаемости капитальных вложений, их вклада в приращение производительности общественного труда и уровня жизни людей.

Для этого совокупные внутренние накопления централизуются. В их состав включаются: особый капитальный фонд, для импорта машинной техники и рабочих мест; единый фонд амортизации; капитализируемая прибыль; инвестиционная часть государственного бюджета; некоторые виды банковских депозитов; производственные, машинно-технические и технологические по составу иностранные инвестиции.

Использование совокупного фонда накопления осуществляется в планово-целевом порядке, по единому плану капитальных вложений, в соответствии с принципами вертикальной интеграции и межотраслевой сопряженности. В первый пятилетний период приоритетными являются капиталовложения, необходимые для успешной реализации народнохозяйственного плана формирования вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости, или крупнейших отечественных ТНК, а также неиндустриального по наполнению плана высокотехнологичного, наукоемкого импортозамещения.

Отраслевой принцип инвестиционного кредитования исключается, а частнохозяйственный остается для частнокапиталистического уклада, в пределах планово-кредитных нормативов и лимитов банковского сектора, в обязательной увязке с единым планом капи-

тальных вложений.

Окупаемость плановых капиталовложений оценивается по-новому, по величине: агрегированного мультипликатора добавленной стоимости, воспроизводственного мультипликатора рабочих мест, почасовой производительности труда и заработной платы.

Седьмой шаг связан с организацией и постановкой новой модели народнохозяйственного планирования, органически соединенного с макроэкономическим планированием на уровне формируемых общенациональных корпораций.

В качестве отправного и сквозного принципа новой модели народнохозяйственного прогнозирования и планирования принимается уровень производительности и оплаты труда, а не ценовая конъюнктура нефтяного экспорта.

Инструментальной основой становятся межотраслевые балансы: трудовые, стоимостные, продуктовые, рабочих мест, основных производственных фондов, капитальных вложений, экспорта и импорта, и т.д.

Восьмой шаг – разработка и реализация общегосударственного плана неоиндустриального импортозамещения, в увязке с планом формирования экономики отечественных ТНК. План импортозамещения должен предусматривать создание отечественного производства технологически передовых микропроцессоров и микропроцессорных устройств, супер-ЭВМ, авиационных и прочих двигателей, робототехники, операционных систем и программного обеспечения, оборудования для постнефтяной энергетики, автоматизированных комплексов, машин, приборов, первоклассных научных и учебных лабораторий.

Девятый шаг – восстановление и обновление единой системы обязательных государственных стандартов качества продукции производственного и потребительского назначения; введение жестких экологических нормативов и стандартов, а также плановых нормативов рециркуляции ресурсов. Превращение названной системы в систему экономического и внеэкономического принуждения к качеству, экологической чистоте производств и жилищно-коммунального хозяйства, рециркуляции ресурсов, безотходности.

Десятый шаг – декоммерциализация здра-

воохранения, образования, физкультуры и спорта; восстановление специального и профессионально-технического образования; перевод средней и высшей школы на общегосударственные программы и стандарты образования; деамериканизация гуманитарного образования, прежде всего – экономического.

Одиннадцатый шаг – переход к почасовой системе регулирования производительности труда и заработной платы на основе разработки плановых нормативов почасовой производительности машин, рабочих мест и работников.

Двенадцатый шаг – организация и ввод в действие планово-экономической модели снижения народнохозяйственных издержек, подкрепленной системой стимулов на основе повышения почасовых ставок заработной платы и премиальных нормативов для административно-управленческого персонала.

Тринадцатый шаг – реорганизация системы сбыта сельскохозяйственной и продовольственной продукции на основе прямого и лицензированного доступа товаропроизводителей или их кооперативов к региональным и национальным торговым сетям. Предоставление торговых лицензий посредникам и перекупщикам исключается.

Мы отметили и сжато обрисовали наиболее принципиальные пункты алгоритма конкретного перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной. Каждый из перечисленных пунктов содержит в себе свертку более детальной программы решений и действий, то есть может быть развернут в целостную и целевую плановую программу, органически соподчиненную сводной, народнохозяйственной.

На наш взгляд, все пункты представленного переходного алгоритма вполне отвечают исходному принципу о недопустимости шоковых эксцессов в процессе перехода от старой экономической системы к новой, адекватной задачам и требованиям технотронной, наукоемкой индустриализации России.

Таким образом, с учетом рассмотренного алгоритма имеются весомые основания для того, чтобы считать неоиндустриализацию отечественного народного хозяйства не только безальтернативной и безотлагательной, но и практически реализуемой.

Неоиндустриальная парадигма и мотивация ее низвергателей

Значение неоиндустриальной парадигмы состоит в том, что она указывает путь созидательного и стадиально прогрессивного развития в условиях современной эпохи. И это – путь антиолигархический, объективно несовместимый с господством частнокапиталистического уклада вообще и компрадорского, проамериканского капитала в особенности.

Неоиндустриализация означает не только утверждение нового и прогрессивного, но также отрицание старого и регрессивного. Говоря конкретнее, она представляет собой отрицание олигархически-компрадорской идеологии и собственности, а потому вполне предсказуемо вызывает прямое противодействие со стороны реакционных сил, стоящих на страже интересов империализма доллара и компрадорского капитала.

Наиболее характерный из этих интересов, антироссийских по содержанию, хорошо известен. Он направлен на удержание России в состоянии деиндустриализации, разрушительной для экономического потенциала нашей страны.

Платформе неоиндустриализации противостоит, следовательно, платформа деиндустриализации, компрадорская по природе и происхождению. Хотя неоиндустриализация суть больше, чем антитезис деиндустриализации, последняя, напротив, составляет антитезис исключительно неоиндустриализации. Отсюда понятно, отчего низвержение одной из платформ тождественно утверждению другой, и откуда проистекает горячее стремление дискредитировать неоиндустриальную парадигму.

Масла в огонь разгоревшейся идеологической борьбы подливает интеллектуальное вырождение оппонентов неоиндустриализации, которые жили и продолжают жить не столько своими идеями, сколько чужими, импортрованными и заемными. Как прибавлялись они с конца 1980-х гг. переводными текстами и директивами МВФ, так и прибавляются. Но в текстах этих и директивах – такова уж их специфика – нет ни грана созидательного. Там

сплошь только условия и меры по разрушению производительных сил нашей страны, разложению ее научно-технического, промышленного и оборонного потенциала.

Заокеанские заправилы империализма доллара снабжают своих вассальных ставленников лишь такими руководствами по долларизации и офшоризации собственности, в которых на все случаи жизни рекомендуются приватизация, дерегулирование да рестрикция покупательной способности трудящихся, пенсионеров и государственного бюджета.

Действительно, чем наполнена «Стратегия-2020», обновленная под диктовку МВФ и Всемирного банка? Точно тем же самым набором чужих и чуждых рекомендаций – чисто компрадорских. Отнюдь не преодоление деиндустриализации занимало умы группы В. Мау, Я. Кузьмина, Е. Ясина; больше всего их заботили приватизация, сокращение доходной базы бюджета, повышение пенсионного возраста. Заокеанские наставники не прислали им ничего, что могло бы работать на созидание и подъем производительных сил России. И не пришлют. Рассчитывать на что-то дельное от МВФ и Всемирного банка не приходится. Своих же идей у данной колонны империализма доллара как не было, так и нет. Она не предназначена действовать на поприще созидания и прогресса. А теперь вообще осталась не у дел, с пустыми руками: жизнь одним махом перечеркнула «Стратегию-2020», втиснутую в прокрустово ложе «экономики предложения», противную неоиндустриализации, мертворожденную.

Идеологам компрадорской олигархии выходить сейчас не с чем. И потому весь свой пыл, все свое рвение они сосредоточивают на дискредитации неоиндустриальной парадигмы – ради противодействия повороту нашей страны на путь созидания, ради саботажа ее социально-экономического подъема. Наглядным тому свидетельством явился незадачливый выпад против парадигмы новой индустриализации, оформленный в виде статьи их сотрудника Б. Корнейчука в контролируемом ими журнале «Вопросы экономики»¹.

¹ Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3.

Неоиндустриализация и фобии саботажной критики

Опровержение научного посредством ненаучного и антинаучного – это метода фальсификационизма, генетически свойственная апологетической «неоклассике», и в особенности – ее англо-саксонской ветви. Нехитрой сей премудростью, заметим, профессионально отвращают от классической науки студенческие умы как раз в тех учебных заведениях, которыми, не по случайному стечению обстоятельств, руководят те же самые, уже поименованные лица, враждебные неоиндустриализации. Неудивительно, что критический выпад тоже совершен в русле неумного фальсификационизма, завещанного К. Поппером.

Прежде чем перейти к последнему варианту критики, надо сказать, что он отнюдь не первый. До него были другие – из того же лагеря и совершенно безуспешные. Неоиндустриализации они противопоставляли абсурдные, давным-давно развенчанные «постиндустриальные ценности»¹. Естественно, апелляция к внеэкономической, ненаучной «постиндустриальной» утопии не сработала. На сей раз избран иной предлог, опять же внеэкономический – назывная демократия. Тем не менее и ему, как увидим, уготована аналогичная участь.

Посмотрим теперь обстоятельнее на то, почему дежурная попытка опровержения неоиндустриальной парадигмы вышла бездарной и вымученной.

Вначале была дезинформация. «Открытие» поджидает читателя с первого предложения. Здесь дана откровенно ложная информация: «В статье проанализирована доктрина 'новой индустриализации', сформировавшаяся в период нынешнего глобального финансово-экономического кризиса»².

Кто хоть мало-мальски знаком с предметом, тому довольно одного только этого пред-

ложения, чтобы понять, насколько чужд и далек оппонент от темы, о которой взялся судить, отчего он здесь пришлый варяг и по определению неспособен дать обещанного анализа. Приведем некоторые ключевые факты.

Во-первых, о чем уже говорилось со ссылкой на источник, концептуальные и принципиальные основы неоиндустриальной парадигмы сложились к 2000г.

Во-вторых, начало предметной дискуссии о неоиндустриальной формуле развития России положено статьей, опубликованной в сентябрьском номере журнала «Экономист» за 2008г.: до валютно-финансового кризиса в нашей стране, безотносительно к нему и вне какой-либо связи с ним³.

В-третьих, в период кризиса необходимость новой индустриализации признало государственное руководство, поддержав заодно предложение о создании 25 млн. технотронных рабочих мест, обоснованное еще в 2003 г. – опять-таки задолго до кризиса 2008 г.⁴; основной упор делался тогда не на доктринальных аспектах, а на *политике неоиндустриализации России*⁵; в 2010 г. принята правительственная программа новой индустриализации Сибири.

В-четвертых, курс на новую индустриализацию подтвержден в известных президентских указах по социально-экономическим вопросам (май 2012 г.).

Наконец, в-пятых, наш оппонент ровным счетом ничего не знает ни об истории вопроса, ни о литературе, ни о предмете, ни о позициях, которые пока еще не до конца консолидированы по поводу форм и методов осуществления неоиндустриализации; словом – не в свой огород заявился слуга профанации.

При научном подходе знакомство с предметом принято начинать с обзора существующей литературы, истоков и специфики постановки, анализа ключевых концептуальных по-

¹ Подробнее см.: Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир. 2012. С. 155 и сл. (Реакционеры и как они воюют за «Вашингтонский консенсус»)

² Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 141.

³ Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.

⁴ Губанов С. Рост без развития // Экономист. 2003. № 9. С. 32.

⁵ Губанов С. К политике неоиндустриализации России // Экономист. 2009. № 9. Отметим, что эта статья перепечатана на английском и вошла в научный оборот за рубежом.

ложений, аргументации и сложившихся позиций. Но в данном случае ничего подобного нет. Даются ссылки на статью лишь 2011 г.¹ Между тем библиография публикаций за время свыше полутора десятилетия куда как обширнее. Прискорбное незнание генезиса неоиндустриальной парадигмы, явленное изначально, указывает на ненаучность принятого критиком подхода, и начисто исключает научный анализ, если, конечно, под анализом понимать причинно-следственное исследование, а не демарш невежества.

Обычно трудность познания состоит в том, чтобы читать, анализируя прочитанное. Нашему оппоненту удалось избежать сей трудности: он счел для себя вообще излишним снисходить до знакомства с неоиндустриальной парадигмой, и принялся «анализировать», не читая. Нисколько не отягощенный начитанностью по предмету, Б. Корнейчук уподобился тому фольклорному герою, который уверовал, будто может быть писателем, не бывав читателем.

Отход от научной добросовестности тотчас привел к падению – в отстойник дезинформации. И как начал критик, так и продолжил: беспредметно, с нагромождением одной фактологической ошибки на другую – шельмования ради.

Что знает оппонент о неоиндустриализации? Увы, он демонстрирует ничтожные крохи – подобранные наспех, разрозненные, обрывочные. Да и те пропущены сквозь сито фальшивой интерпретации, свидетельством чему следующий пассаж: «В последние годы обрела завершённую форму доктрина ‘новой индустриализации’, изложенная наиболее полно на страницах журнала ‘Экономист’ (до 1991 г. – ‘Плановое хозяйство’). Она опирается на положения марксизма, предполагает переход к плановой системе через масштабную национализацию и характеризуется чертами конфронтационной идеологии и изоляционизма»². Здесь что ни утверждение, то перво-наперво ложь.

Истина в том, что неоиндустриализация

суть не доктрина, а логически целостная парадигма современного социально-экономического развития, верная для всех без исключения стран мира, а не только России. Всем странам мира объективно предстоит пройти через эпоху технотронной индустриализации – передовым раньше, отсталым позже, равно как все они вступили прежде в эпоху электрификации, или первую фазу процесса индустриализации.

Истина в том также, что на страницах журнала «Экономист» неоиндустриальная парадигма, обоснованная и обобщенная до 2008 г., в последние годы широко обсуждается, предметно критикуется, уточняется и развивается преимущественно в практическом преломлении. Принципиально соглашаясь с тем, что надо делать, участники обсуждения шаг за шагом сближают позиции относительно того, как надо делать, какие формы и методы использовать.

Истина в том, далее, что «завершённую форму» неоиндустриальной парадигме, как и всякой научной парадигме вообще, придает не словесное изложение, а практическое осуществление. Практикой завершается теория, если только это действительно теория. Для нашей страны завершение неоиндустриализации еще впереди. Поэтому исследователи, включая авторский актив журнала «Экономист», выдвигают в центр внимания практические и конкретные вопросы оптимального перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной – наукоемкой, высокотехнологичной и суверенной.

Кстати, обозначенный нами в четвертом параграфе переходный алгоритм, есть результат именно такого, коллегиально проводимого обмена мнениями и соображениями – устного и печатного.

Истина в том, наконец, что неоиндустриальная парадигма выстроена на базе классического наследия экономической мысли, отвержена идеологии созидания и общегосударственных интересов, предполагает социальную консолидацию и морально-политическое единство России.

Далее мы еще коснемся отдельных пунктов, в частности о марксизме, идеологии, национализации и изоляционизме, а пока хо-

¹ Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11.

² Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 144.

телось бы все же разобраться в том, каким образом воображают себе неоиндустриализацию наши идейные оппоненты, будучи незнакомыми с литературой и историей вопроса.

Как выясняется при обращении к тексту, они слышали звон, да только не знают, где он: «Мы выделили два основных положения доктрины. Во-первых, ‘закон вертикальной интеграции’ предписывает нулевую рентабельность всех звеньев промежуточного производства ради максимума расширенного воспроизводства совокупной добавленной стоимости. При этом базисной формой собственности признается государственная, или ‘вертикально-интегрированная’, а прогрессивным механизмом регулирования – планово-нормативный»¹.

Негусто, если в представлении оппонентов истины неоиндустриальная парадигма сводится лишь к двум основным положениям, одно из которых – закон вертикальной интеграции. Причем здесь сразу кое-что не стыкуется.

Накануне, помнится, нагнеталось впечатление, будто концепция неоиндустриализации была сформирована «в период нынешнего глобального финансово-экономического кризиса». Теперь роль первого из двух основных положений неоиндустриальной концепции отведена закону вертикальной интеграции. И тот, кто знаком с литературой по вопросу, не знает, что и думать: действительно, когда был открыт, математически доказан и эмпирически проверен закон вертикальной интеграции? Разве в пору недавнего кризиса? Сверка с библиографией указывает на статью, опубликованную в середине 1998 г., до августовского дефолта². Нетрудно сосчитать, что это на 10 лет раньше того кризиса, к которому так назойливо делается фальшивая привязка. Или, быть может, по Б. Корнейчуку хронология «нынешнего» кризиса растяжима до 1998 г.?

Перед нами не что иное, как очередная фактологическая ошибка. И, увы, совсем не последняя. Выдающееся незнание предмета постоянно ставит нашего критика в неловкое положение, недостойное для человека науки,

но типичное для адепта реакционной, асоциальной, продажной идеологии.

Отложим пока замечания по существу; предоставим слово оппоненту, чтобы он поведал о втором из двух основных положений: «Второе положение доктрины подразделяет все продукты на базовые и пионерные и утверждает, что у пионерного продукта стоимость результата ниже стоимости затрат, а у базового – наоборот»³. Черным по белому, как видим, неоиндустриальной парадигме приписывается продуктовая дихотомия «базовые – пионерные». Здесь уже преподносится завыренная мешанина. Хотя на сей раз Б. Корнейчук кое-что читал, но толком не разобрался, что же именно, перепутав источники.

Внесем ясность: приведенная дихотомия взята из концептуального учебника, изданного под редакцией Д.Ю. Миропольского⁴. Она имеет существенное значение в рамках новаторской разработки хозяйственной системы, независимо развиваемой по своей концептуальной линии. Последняя, как прояснилось при взаимных обсуждениях, во многом сходится с неоиндустриальной парадигмой, в рамках которой, однако, фигурирует самостоятельная дихотомия, принципиально отличная и впервые описанная несколько ранее, в ином источнике.

В чем отличие между той и другой? Деление на базовые и пионерные продукты проводится в системном измерении, то есть в плоскости *производственных отношений*, меж тем как выделение базисных продуктов для первой и второй фазы индустриализации сделано в координатах *производительных сил*. Таково главное отличие, по поводу чего изначально осведомлены участники научных дискуссий и авторы соответствующих трудов.

Б. Корнейчук же школярски путает одно с другим, смешивает источники и концепции, выказывая, похоже – уже предсказуемо, профессиональную неосведомленность, неприличную в экономическом сообществе.

И вновь-таки вопрос: когда была дана де-

¹ Там же.

² См.: Губанов С. Перспектива – переход к государственно-корпоративной экономике // Экономист. 1998. № 6.

³ Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 145.

⁴ См.: Основы теоретической экономики. / Под ред. Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. 2008. С. 220 и сл.

тальная характеристика базисных продуктов неоиндустриализации, что это за продукты, отчего они базисные для всей неоиндустриальной эпохи? Не знает ответа наш оппонент, ибо незнаком с литературой. Речь идет о микропроцессоре и технотронном, или оцифрованном двигателе. Дело в том, что прологом неоиндустриальной революции стала микропроцессорная, поскольку микропроцессор обладает функцией универсального интегратора автоматизированных производительных сил. Вообще же особый набор базисных продуктов свойствен каждой исторической эпохе.

Обо всем этом написано в публикации, датируемой 2006 г., т.е. опять-таки до «нынешнего» кризиса и вне связи с ним¹.

Эвристическое значение учения о конкретно-исторических базисных продуктах огромно. В соответствии с ним неоиндустриальный этап действительно неминуем для всех стран мира. Каждая из них рано или поздно выйдет на него. В настоящее время его проходят наиболее передовые из индустриально развитых держав, способные самостоятельно проектировать, организовывать и осуществлять производство ключевого базисного продукта неоиндустриализации – микропроцессора. Россия драматически отстает от них, и судьбоносная для нас задача состоит сейчас в том, чтобы как можно быстрее и успешнее преодолеть это отставание.

Таким образом, второе положение извлечено нашим критиком не из того источника и не из той концепции, после чего ложно приписано неоиндустриальной парадигме. Как можно убедиться, Б. Корнейчук гоголем вышагивает от одной фактологической ошибки к другой. Неужто содержательно убогая «неоклассика» оскудела уже настолько, что даже трущобы невежества готова освящать как научные?

Из двух положений одно вообще не относится к предмету, находясь в составе самостоятельного концептуального построения. Следовательно, вся неоиндустриальная парадигма усекается лишь до единственного положения – закона вертикальной интеграции, да и то всуе лишь упомянутого, без какого-либо разъяс-

нения его сущности и связи с конкурентно-способной экономикой ТНК.

Позволительно спросить: что же собственно проанализировано, если все, что дано, ограничилось пустопорожней ссылкой на закон вертикальной интеграции, тогда как все остальное – сплошная профанация? Действительно, неоиндустриальная парадигма не отображена ни со стороны производительных сил, ни со стороны производственных отношений, ни в системном аспекте, ни в стадийном измерении, ни в воспроизводственной специфике, ни в социально-трудовой проекции и трудосбережении, ни в преемственности с классическим наследием экономической мысли, короче – ни в чем.

Какова хотя бы цель неоиндустриализации? Какова качественная мера? Какова количественная? Чем вообще измеряется неоиндустриальный прогресс? Ничего предметного не знает оппонент. Ему нечего сказать по делу. Тотальное незнание предмета, обильно сдобренное отсебятиной, затхлыми советологическими бреднями и наивными страшилками – вот чем заполнил он свою статью.

Зачем понадобилось начинать с дезинформации? Затем, оказывается, чтобы преподнести неоиндустриализацию как нечто-де конъюнктурное и ангажированное, приуроченное якобы к приливу государственного регулирования на антикризисной волне, словом – выданное на потребу дня и в угоду официозу.

Но этого Б. Корнейчуку недостаточно. Для верности он относит сторонников неоиндустриализации к «маргиналам от экономической науки».

Наклейки ярлыка, однако, для фальсификации ему тоже мало. Для полной гарантии неоиндустриализация приравняется еще к «сталинской индустриализации», после чего на нее напускаются замшелые советологические догмы, в том числе со стороны троцкистов и престарелых «гарвардских мальчиков», которые слыхом не слыхивали о неоиндустриальной парадигме.

Дабы удостовериться, что мы ничего не перепутали и аутентично передаем замысел критика, процитируем: «На фоне усиления государственного влияния отдельные марги-

¹ См.: Губанов С. Путь России в базисных координатах эпохи // Экономист. 2006. № 7.

налы от экономической науки все чаще говорят о необходимости *новой индустриализации* в России. Мы покажем, в чем суть этих предложений, и сопоставим их с идеями сталинской индустриализации»¹.

И еще: «Показано, что доктрина основана на постулатах ортодоксального марксизма и предполагает программу жестких реформ, аналогичную сталинской индустриализации»².

Теперь профанирующая логика нашего критика прояснилась окончательно. Понятнее стало, отчего ему незачем читать и вникать в предмет, прослеживать историю вопроса и погружаться в источники современной неоиндустриальной мысли. Поскольку неоиндустриализация одним росчерком прихоти переименовывается в «сталинскую индустриализацию», которую бичевали американские советологи, то вполне достаточно положиться на них и петь с чужого голоса.

Правда, тем самым Б. Корнейчук обрекает себя на неблагоприятную роль рупора американской советологии. Но это для него не беда, как и для его работодателей, которые живут тем, что транслируют деструктивные для нашей страны директивы заокеанских центров империализма доллара. Наш беспомощный критик только лишний раз раскрыл этот секрет полишинеля, когда спрятался за спинами американских советологов с их писаниями из 1960-1970-х гг., русифицированными в 2010-х. Относительно советологии добавим, что уж что-то, а она точно пребывает за пределами всякой науки, не говоря об экономической.

По поводу хронологии повторяться ни к чему: о фактологических ошибках сказано уже более чем достаточно. Основы неоиндустриальной парадигмы установлены за годы и десятилетия до «Великой рецессии» 2008-2009 гг., а потому никак не связаны с антициклическими мерами. Интересны причины затеянной профанации: только ли в недобросовестности дело или в чем-то другом?

Как увидим, нечистоплотны и мотивы. Явно фальшивая привязка сделана намеренно, дабы обратить против неоиндустриализации

еще «дело Магнитского» и какой-то бред про «иностранных агентов»³. Это уже прямо-таки клиническая ахинея, которая ни за что не прилипнет к неоиндустриальной парадигме, кто бы и как ни старался в своей неэтичной пачкотне, кто бы и как ни упражнялся в макиавеллизме и лысенковщине по отношению к научной истине.

Где магистральное, а где маргинальное?
Согласно суждению Б. Корнейчука, уже цитированному, о необходимости неоиндустриализации России говорят лишь «отдельные маргиналы от экономической науки». Суждение это оценочное, а потому, если следовать канонам научной логики, должно быть выведено из строгих, достоверных, непоколебимых посылок.

На чем же основывается наш критик? Основания он представил столь же прочные, сколь и негодные. Во-первых – увесистое незнание, ибо, как выяснилось, лишен всякого понятия о том, что такое неоиндустриализация; во-вторых – грузное непонимание, ибо путается и принимает за маргинальное то, что магистральное, и наоборот.

По первому пункту все уже столь очевидно, что он едва ли нуждается в дополнительных иллюстрациях. Фонтанирующее незнание опять подшутило над своим заурядным субъектом, который в «маргиналы от экономической науки» умудрился записать каждого, кто выступает против деиндустриализации отечественной экономики, за автоматизацию и компьютеризацию производительных сил нашей страны, рабочих мест в отечественном материальном производстве.

Перейдем ко второму пункту – непониманию. По какому критерию отличает Б. Корнейчук магистральное от маргинального? Ни слова, ни полслова, ни малейшего намека на сей счет в статье не найти. Есть лишь голый вывод. Навязываемый без всяких посылок, он чисто умозрительный и грубо попирает азы даже элементарной логики, не говоря уж о научной.

Определяющим критерием согласно классическим канонам служит предмет рассмотрения, вернее – отношение предмета к законам, закономерностям и генеральным тенденциям

¹ Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 141.

² Там же.

³ Там же. С. 143.

социально-экономического прогресса. В нашем случае предметом выступает неоиндустриализация. Нас интересует: где ее место – на обочине современного развития или на главной магистрали? Действительно: где место автоматизации и компьютеризации производительных сил, высоких технологий? Где место технотронных, наукоемких рабочих мест промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и т.д.? Где место базисных продуктов неоиндустриализации: микропроцессоров, микропроцессорных устройств, супер-ЭВМ, оцифрованных авиадвигателей, робототехники, безлюдных и постнефтяных технологий? Неужто на обочине прогресса?

Нет, вовсе не на обочине прогресса и современности располагается неоиндустриализация. Напротив, неоиндустриальный подъем производительных сил олицетворяет главную магистраль развития современного общества.

Естественно, раз на магистрали расположен предмет науки, то он сам суть магистральный. У передовой науки и предмет должен быть передовым. Поэтому все те, кто занимается исследованием и постижением закономерной природы неоиндустриализации, находятся на переднем крае экономической и гуманитарной науки современности. Мы едва ли ошибемся, если предположим, что без неоиндустриальной парадигмы экономическая наука уже немыслима.

Возможно стереотипное возражение: а как же «неоклассика»? Не в ней разве подлинный мейнстрим? Ответим: наука смотрит не на название, а на предметное содержание. По своему содержанию «неоклассика» есть антинаучное, чисто идеологическое отрицание экономической классики, диктуемое апологетическими целями. Неоиндустриализации, разумеется, в корпусе анти-классики нет. Поэтому «неоклассика», заодно с приснопамятной советологией, находится даже не на обочине, а вообще за пределами экономической науки.

Что касается мейнстрим: согласимся, «неоклассика» действительно составляет господствующее течение – но чье? – буржуазно-апологетической идеологии, выстроенной на абсолютизации идеалов низшего, староре-

жимного, отсталого капитализма «свободной конкуренции», во всем зависимого ныне от высшего, государственно-корпоративного, с экономикой ТНК. Административно-командная монополия «неоклассики» в постсоветском образовательном пространстве вовсе не означает ее господства в экономической науке. Будь иначе, «неоклассику» незачем было бы превращать в *мейнстрим по принуждению*.

Наряду с тем существует еще одна особенность. В странах, форсировано закабаляемых ныне империализмом доллара, «неоклассика» трансформируется в компрадорскую, колониальную идеологию, которая проповедует капитуляцию перед ультимативными требованиями «Вашингтонского консенсуса», подменяет национальные интересы проамериканскими. Это – корыстный мейнстрим на службе имперской политики глобализации США, из-за чего фарисейски оплачивается институтами долларизации чужой собственности – вроде МВФ.

Поэтому «неоклассика» выродилась еще и в *продажный мейнстрим*. С ней носятся не в силу научных убеждений, а из-за ее доходности. Стоит только убрать административно-командные да финансовые костыли, и внутренне инвалидная «неоклассика» ни минуты не простоит на своих параличных ножках.

При чем тут «марксизм»? Наш оппонент уверяет, «что доктрина основана на постулатах ортодоксального марксизма», и это-де «показано» им. Правда, до сих пор ничего, кроме скандального невежества, выказать он не сумел. Быть может, на сей раз у него получится иначе? Увы, ничего подобного. Кто погряз в трясине фальсификационизма, тому из нее самостоятельно не выбраться.

Начнем с конкретики. Как мы помним, неоиндустриальную парадигму критик умудрился укоротить до одного-единственного положения – о законе вертикальной интеграции. Хотелось бы просто полюбопытствовать: на каком из «постулатов ортодоксального марксизма» основан упомянутый закон?

Обращаемся к тексту статьи, и что находим в ней? – ничего, ни единого намека на какой-никакой «марксистский» постулат. Оппо-

нент до самозабвения голословен и роняет слова, за которые не отвечает. На самом деле он понятия не имеет о том, где, в чем и с помощью какой методологии открыт объективный экономический закон государственно-корпоративной стадии капитализма – закон вертикальной интеграции. Против неоиндустриальной парадигмы и по данному пункту Б. Корнейчук выставил жалкую неосведомленность. О «марксизме», видать, его познания не больше: его курьезно подвели «неомарксисты», ибо из верности, вероятно, «марксистским» постулатам взяли да и ополчились *против* неоиндустриализации. О том, впрочем, «начитанный» труженик фальсификационизма тоже знать не знал, прицепив «марксизм» не по адресу.

В гносеологическом плане и того похлеще: для нашего критика все едино – что наука, что вера. Он тривиально не различает их. Это веру можно делить на ортодоксальную и неортодоксальную. Наука же по самой своей сути выше подобного деления, субъективного по истокам, ибо оперирует объективными законами движения природы и общества, материального мира и социального.

Вдумаемся: возможно ли существование ортодоксальной физики? Или математики, химии, биологии, географии, астрономии, почвоведения? Нет, такое невозможно по определению, ибо каждый научный закон суть объективен и его бессмысленно подразделять на ортодоксальный либо неортодоксальный.

Точно так же экономическая наука: все ее законы объективны и гранитным утесом возвышаются над всякими символами веры. Обратно говоря, еретических законов экономики не бывает – нравятся они кому-то или нет.

Из номотетической сущности науки вытекает простая аксиома: что может быть низведено до плоскости ортодоксального или неортодоксального, то заведомо ненаучно. Сказанное всецело распространяется и на «марксизм».

Неоиндустриальная парадигма научна, поскольку базируется на классическом наследии экономической мысли, на объективных экономических законах современности. В противовес же ей приводится некий «ортодоксальный марксизм», совершенно неизвестный классической науке, заведомо беспредметный

и шарлатанский, невесть кем, зачем и как определяемый.

В состоянии ли, к примеру, Б. Корнейчук оказать любезность и просветить нас насчет предмета и предметного детерминанта «ортодоксального марксизма»? Судя по тексту статьи, не в состоянии. Он шаблонно взывает к тому, чего не знает. И научному бездумно противопоставляет ненаучное.

Также по не знанию с нашим оппонентом приключился и упомянутый курьез. В литературе мелькает какой-то странноватый своей гибридность «неомарксизм»: так тот отчего вовсе не жалуется неоиндустриализацию, отказывая ей в креативности. Ему милее миражи и симулякры «постиндустриальной» утопии¹. Солидаризуясь, выходит, с оголтелыми адептами деиндустриализации, «неомарксисты» трогательно смыкаются со своими назывными противниками из лагеря реакционной, буржуазно-апологетической идеологии. Однако-же невольны расстраивают проделку оппонента, желающего нагрузить неоиндустриальную парадигму хламом неведомых постулатов апостольского «марксизма».

Вопреки Б. Корнейчуку, незнакомому ни с результатами текущих академических и кафедральных дискуссий, ни с литературой по вопросу, представители поминаемого им «марксизма» столь же далеки от неоиндустриальной парадигмы, как и он сам. Возможно, последние решатся когда-нибудь на пересмотр своих воззрений. Только к неоиндустриальной платформе и ее формированию это не имеет никакого отношения: она сформирована – по канонам классики.

Шараханья с «изоляцияционизмом». Оппоненты истины пустили в ход «довод страха», выдавая неоиндустриальную парадигму за изоляционистскую и пугая себя, слабонервных. Цитируем: «В старой и новой концепциях индустриализации центральную роль играет принцип изоляционизма, понимаемый в широком смысле. Если в историко-экономических исследованиях под этим термином обычно имеют в виду внешний изоляционизм, то мы трактуем изоляционизм также

¹ Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1.

как принцип внутренней политики, предполагающий исключение из активной общественной жизни определенных социальных групп. Оба вида изоляционизма имеют общие корни – антагонистическую, конфронтационную идеологию марксизма, выраженную в тезисе о диктатуре пролетариата и изначально предполагающую внутреннюю изоляцию класса капиталистов»¹.

Здесь Б. Корнейчук избавил нас от необходимости опровергать столь несусветную чушь, ибо нивелировал ее сам, правда, так и не осознав того. Изоляционизм он пристегнул к неоиндустриализации через «идеологию марксизма». А уже на следующей странице он нажимает на отменную логику, отменяя связь «марксизм – изоляционизм» и уверяя, «что идеология изоляционизма не связана жестко с марксистской теорией»². То «общие корни», то «не связаны»!

И это не все. Чем дальше, тем метаний больше: «Принципиальным, на наш взгляд, является не вопрос об исторических формах изоляционизма, а его историческая неизбежность, заложенная в идеологии советской власти»³.

Как видим, от «идеологии марксизма» через «марксистскую теорию», в общем – через пень колоду, наш злополучный оппонент доковылял до «идеологии советской власти». Быть может, на том уже кончились его блуждания вдали от неоиндустриализации? Ничуть не бывало. Все смешалось в его голове. Напоследок он запутался так, что совсем запямятовал, в каком собственно веке, в каких социальных условиях живет: «Во внешней политике принцип изоляционизма нашел отражение в тезисе о ‘социализме в отдельно взятой стране’»⁴.

Переведем немного дух после всей этой абракадабры и задумаемся: ладно, открывает для себя Б. Корнейчук стародавний и абсурдный «отдельно взятый» бухаринский тезис – да только при чем здесь неоиндустриализация? Какова тут связь? Пока неясно. И волей-

неволей приходится терпеть несносную околесицу, чтобы уяснить в конце концов, к чему же клонит наш оппонент, каким образом все шараханья его путаной мысли замыкаются на неоиндустриализации.

Как выяснилось в итоге, вся паралогическая круговерть затеяна ради «иностранных агентов» и «дела Магнитского», призванных подкрепить страшилку про мифический изоляционизм. Вновь-так и цитируем: «Опираясь на исторический опыт использования термина ‘агент’ в советской пропаганде и судебной практике 1930-1950-х годов, мы расцениваем включение термина ‘иностранный агент’ в закон о некоммерческих организациях с зарубежным финансированием как сигнал изоляционизма и стремления сузить сферу экономической активности, которая еще осталась неподконтрольной государству»⁵.

И далее о том же: «Другим примером изоляционизма можно считать дело Магнитского, которое оказало негативное влияние на международные, в том числе экономические, отношения России с развитыми странами, о чем свидетельствует официальная реакция правительств ряда стран»⁶.

Если пойти теперь назад по логически петляющей нити напуганного компрадорского сознания, то окажется, что и «дело Магнитского», и законодательная оговорка про «иностранных агентов» продиктованы демоном новой индустриализации. Воистину, сон разума порождает чудовищ! У страха глаза велики: на самом деле Б. Корнейчука устрашили его собственные досужие выдумки и неуместные советологические нелепицы, которые и нагоняют на него панику.

Что до неоиндустриальной парадигмы, то она отмечает любой изоляционизм – хоть в узком, хоть в широком смысле; хоть внутренний, хоть внешний. И находится в полной гармонии с прогрессивной практикой. Доказательством тому опыт индустриально развитых держав. С 1980-х гг. приступили они к неоиндустриализации, наращивая долю автоматизированных технотронных рабочих мест. Так что же – впадают в изоляционизм? Ничуть. Напротив, уверенно поднимают степень своей

¹ Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 141.

² Там же. С. 142.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же.

международной экономической и политической интеграции, опираясь на вертикально интегрированную экономику ТНК.

Неоиндустриальная парадигма современного развития одинаково верна для всех стран мира. Незачем изображать ее чем-то двусмысленным. Незачем подавать ее так, будто для передовых держав она означает интеграцию, а для России – изоляционизм. Вне всякого сомнения, по мере неоиндустриализации интеграционный потенциал России в СНГ и мировом хозяйстве только возрастет, потому как измеряется потенциалом высокотехнологичного, наукоемкого машинно-технического экспорта.

Касательно внутреннего «изоляционизма» заметим: неоиндустриализация и вертикально интегрированная экономическая система подрубляют корни лишь компрадорской олигархии. Для передовых индустриальных держав такой задачи не стоит: там ее либо исключили, либо давно сняли. В нашей же стране это проблема, и очень острая, болезненная: не для компрадорского клана, нет, – для самого существования России как экономически самостоятельного и независимого государства. Насколько известно, США, Германия, Великобритания, Франция, Канада, Швейцария жили и живут без власти компрадоров, и лидируют в деле неоиндустриализации. Свободная от компрадорского ига, воспрянет и Россия. Но с каких это пор освобождение от ига стало изоляционизмом?

Несомненно, глупая страшилка про изоляционизм, сопряженный-де с неоиндустриальной парадигмой, надуманна и бессмысленна.

Куда серьезнее и реальнее угроза, исходящая не от новой индустриализации, а империализма доллара. Верхом наивности было бы исключать попытки наказать Россию внешнеэкономической изоляцией за стратегическую деприватизацию и переход к суверенной экономической системе, настроенной на социально-экономический подъем нашей страны. Надо быть готовыми к любому повороту событий, включая даже период относительной автаркии.

На случай такого варианта, который, разумеется, совершенно нежелателен, важно тоже предусмотреть адекватные меры, в том числе мобилизационного порядка. Но, опять-

таки, это вопрос не теории, а политики неоиндустриализации в специфических условиях России, созданных вследствие реакционной и разрушительной постсоветской трансформации.

Ответственно воспринимая сложные реалии, специалисты, включая авторов журнала «Экономист», взвешивают различные условия и варианты практического осуществления новой индустриализации, в том числе – форсированный, автаркический, мобилизационный. Это не только естественно, но и обязательно при научном подходе. Однако, это вовсе не значит, что заранее предрешен некий вынужденный, экстремальный вариант и ему отдано предпочтение, как ошибочно мнится Б. Корнейчуку. Для науки, как общеизвестно, в любой ситуации предпочтителен оптимальный и эффективный способ преобразований – с минимальными затратами и максимальными результатами.

Главное, однако, в другом: именно неоиндустриализация дает адекватный ответ на внешнеторговую блокаду и всякого рода эмбарго. Допустим, России перекрыли извне поставки по чувствительным позициям товарной номенклатуры, например – медицинских томографов, запасных к ним частей и расходных материалов. Так что же – пасть на колени перед санкциями, капитулировать, возвать к милости США? Ничего подобного. Надо организовать действенное импортозамещение по высокотехнологичной промышленной продукции, а это не что иное, как новая, электронная индустриализация нашей страны.

Наш запуганный оппонент опять все запутал. Неоиндустриализация не ведет в изоляционизм, а, напротив, выводит из него, обесмысливает его.

Нонсенс про ограничение демократии. К абсурдному противопоставлению ненаучного научному и внеэкономического экономическому критик привлекает, в конце концов, незабвенную демократию. Поначалу врагом демократии провозглашается «диктатура пролетариата»: «Базовый тезис о диктатуре пролетариата как необходимом условии общественного развития заранее предопределяет 'правящую' социальную группу и поэтому

несовместим с принципами демократии»¹.

Затем, явно не в силах объяснить, откуда им взята напраслина про «диктатуру пролетариата» и причем здесь неоиндустриализация, оппонент понижает градус обвинения до «ограничения демократии». Цитируем: «Вопрос о политическом контексте экономических реформ, на наш взгляд, принципиальный. Если реформы предлагается проводить без использования механизмов демократии, то возникает исторически оправданный вопрос: служат ли эти реформы интересам большинства людей или это лишь средство борьбы за власть? Последнее замечание в полной мере относится к доктрине 'новой индустриализации', сторонники которой выступают за ограничение демократии»².

На сей раз Б. Корнейчук озаботился даже тем, чтобы снабдить свою отсебятину хотя бы видимостью довода. Дается ссылка на то место в обстоятельной публикации В.Т. Рязанова, где говорится, что программа неоиндустриализации нашей страны – «это по-настоящему 'мегапроект' со сроками реализации не менее 10-15 лет», вследствие чего «не вписывается в сроки избирательных кампаний (5-6 лет)»³.

Но есть контекст. Он не оставляет ни грана сомнения по поводу того, каков аутентичный смысл цитированного высказывания, которое, кстати, представляет разъяснение, а не заключение. Тезис дан раньше, четкий и ясный, не допускающий каких-либо домыслов. В.Т. Рязанов сразу оговаривает, что разворачивает «аргументацию в пользу создания планирующего и координирующего центра», имея в виду необходимость замены краткосрочного подхода долгосрочным⁴. Суть проста: довод приводится в пользу планового характера и способа решения масштабных задач неоиндустриальной реконструкции, а не беспланового. Историческое значение, масштабность и долгосрочность проекта требуют его планирования и плановости, причем планы нужны долгосрочные, перспективные, не ограниченные электоральными сроками – та-

кова позиция.

А что делает наш оппонент – воспроизводит аутентичное содержание? Ничуть не бывало. Он отбрасывает его, отсекая истинный и заглавный тезис, дабы подменить своим скудоумным домыслом: «Иными словами, предлагается минимум в два раза увеличить сроки полномочий выборных органов, что на деле приведет к замораживанию политического процесса и не позволит решать назревающие социальные конфликты демократическим способом»⁵.

Вот уж воистину: ему про Фому, а он про Ерему; ему про планирование, про плановую координацию процесса неоиндустриального преобразования отечественного хозяйства, а он про фантастические выборные сроки; ему про нашу экономику и ее высокотехнологичный подъем, а он про политиканство.

Даже интригует: неужто столь бессовестная подтасовка тоже демократична? Ведь никаких «иных слов», никаких предложений об увеличении срока выборных мандатов «минимум в два раза» в статье В.Т. Рязанова нет – нет физически. Ни тени чего-либо подобного она не содержит. Б. Корнейчук беззастенчиво устроил грязную фальсификацию. «Иные слова» от начала до конца принадлежат ему самому и, само собой, выдают не что иное, как полнейшее интеллектуальное бессилие: кто уверен в силе своих доводов и аргументов, тому незачем бояться корректной передачи смыслаливаемых мнений и подходов.

Однако, дело не в одной только интеллектуальной несостоятельности: понятно, что не по Сеньке шапка. Чтобы решиться на бесчестный подлог, поражающий низостью и смахивающий на клевету, нужны еще другие, притом особые мотивы. На первом месте среди них маниакальное стремление доказать недоказуемое, которое отключает разум, честь и порядочность; на втором – уверенность в безнаказанности, в том, что даже столь чудовищное поприще профессиональной этики сойдет с рук, останется ненаказуемым.

Откуда такая уверенность? Безусловно, ее питает наличие административных и финан-

¹ Там же. С. 141.

² Там же. С. 146.

³ Рязанов В. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8. С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 146-147.

совых ресурсов. По сути, к услугам оппонентов неоиндустриальной парадигмы имеется административная монополия, благодаря которой они и преисполнены чувства вседозволенности да безответственности. Вот почему им не обязательно ни церемониться, ни выбирать средства при полемике, ни гнущаться фальсификации и очернительства. Они выступают прямыми наследниками позорной лысенковщины и ее беспринципных методов, готовые, чуть-что, мгновенно перевести подлинного ученого в «идеологическую плоскость», подобно лысенковцам из романа В.Д. Дудинцева «Белые одежды».

Но есть и отличие. До сих пор никто и предполагать не мог, чтобы лысенковщина была орудием демократии. Лысенковский погром советской академической науки считался, напротив, удушением демократизма и одним из одиозных образчиков ретроградства. А теперь Б. Корнейчук разубеждает в этом. Для чего понадобились ему подлог и ошельмование? Зачем он, профан в теме, выдал свое абсурдное измышление за мнение первоклассного отечественного ученого? Затем только, чтобы мошеннически приписать неоиндустриальной парадигме то, чего в ней нет и быть не может – «ограничение демократии».

Вот и получается, что Б. Корнейчук обратился к лысенковщине как спасительнице «демократии». Ради спасения «демократии» от ужасной для него неоиндустриализации ничего лучшего, чем лысенковские методы, он не нашел.

Но спрашивается: за какую демократию в обществе могут выступать одушевленные винтики «Вашингтонского консенсуса», если они солдафонски распинают демократию в научном сообществе, закрывая рот истине и честному дискурсу, устанавливая диктатуру лживых домыслов, фальсификации и дремучего невежества? Спускаясь с высот абстракции на землю конкретики, «демократия» оппонентов истины приобретает вид бессовестной, лицемерной, бесчестной и продажной, точь-в-точь как у незадачливого Б. Корнейчука. Пожалуй, нелишне даже поблагодарить нашего критика за то, что он помог нам получше разглядеть подлинный, мракобесный лик той «демократии», ограничение которой вменяется в вину «доктрине» новой индустриализации.

ции.

За реальную демократию, субъектом которой является социально-трудовое большинство, опасаться при неоиндустриализации не за чем. Подобные страхи беспредметны. В силу самой своей социальной и системной сущности *неоиндустриализация есть процесс истинно демократический*, так как приводится в движение не иначе, как сознательностью, заинтересованностью и энергией широких масс трудящихся. Без вовлечения социального большинства, без прямой и непосредственной связи новой индустриализации с коренными интересами и чаяниями непосредственных работников физического и умственного труда к грандиозным неоиндустриальным свершениям даже не подступиться.

«Ограничение демократии» – это пустая выдумка. На самом деле неоиндустриальный подъем нашей страны станет прогрессом социально-трудового демократизма и закатом продажного. От фальшивой «демократии» компрадорского меньшинства к подлинной демократии социального большинства придет Россия, повернув на магистраль неоиндустриального развития.

На этом, думается, можно завершить. Мы сполна уже убедились в недобросовестности, незтичности и невежестве нашего оппонента, в его паническом страхе перед истиной, садистском искажении чужой точки зрения. Остальные фобии Б. Корнейчука из той же делириозной серии, что и рассматривенные. Они неинтересны и не заслуживают того, чтобы тратить на них время. Их посыл маниакален: если, мол, Россия решится на неоиндустриализацию и стратегическую национализацию, то небеса рухнут на землю.

Поборники «Вашингтонского консенсуса» подсовывают нашей стране детское пугало, дабы отвлечь ее от жуткого в их глазах левиафана неоиндустриализации. Но это пугало не реальное, а виртуальное. Оно никого не страшит, ибо является всего лишь плодом обезумевшего воображения, расстроенного животным страхом потерять заокеанские милости и сребреники.

Попытка опровержения неоиндустриальной парадигмы продажной «демократией» провалилась. Беспредметное беспомощно против предметного, ненаучное бессильно против

научного. Б. Корнейчука впору пожалеть: оплошал он, не оправдал возложенного на него компрадорского доверия. У парижских куртизанок О. Бальзак находил не только нищету, но и блеск. В данном же случае есть одна только нищета – без всякого блеска.

Противникам неоиндустриализации нечего противопоставить ей и они принялись вставлять палки в ее колеса, пользуясь перевесом остающегося за ними административного ресурса. Мало того, они всерьез собираются присвоить себе право верховного судьи новой индустриализации, чтобы монопольно определять, как с ней обходиться, что годится для нее, а что не годится. Они берут на вооружение известный принцип саботажа и саботажников: возглавить, чтобы обезглавить: «Поэтому при разработке программ экономических реформ с использованием понятия 'индустриализация' следует указывать, какие элементы данного явления принимаются, а какие категорически отвергаются»¹.

Между тем, обстановка разительно изменилась. Шутки с историей для России кончились. Соответственно, *какой-либо саботаж неоиндустриальной реконструкции, судьбоносной для нашей страны, недопустим.*

Теоретически неоиндустриализация обоснована твердо; практически она безальтернативна, безотлагательна и реализуема; идеологически и политически – связана с общегосударственными, народнохозяйственными и социально-трудовыми интересами. Алгоритм перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной нащупан и описан в самых принципиальных пунктах. Мы знаем, конечно, что необходимо его широкое обсуждение, уточнение, улучшение.

Тем не менее платформа неоиндустриализации сложилась. И медлить с ее общественным утверждением больше нельзя. Пришла пора целенаправленной социальной консолидации на неоиндустриальной платформе, по существу готовой, и соответствующей кадровой реконфигурации.

Скажем без обиняков: мы против того, чтобы устраивать «охоту на ведьм» и отсекать, или изолировать кого-либо от дела новой индустриализации. В то же время нетерпимо дискриминационное положение, когда про-

тивники неоиндустриальной реконструкции монопольно обладают административным ресурсом, всячески используя его против нее, тогда как ее сторонники, наоборот, поставлены под пресс административного подчинения в научно-образовательной, экспертно-аналитической, издательской, информационной среде. Сохранение такой дискриминации не только несправедливо и недемократично, но во вред большому делу. Поэтому административная монополия оппонентов истины должна быть устранена: почему бы им не оппонировать научными доводами и аргументами, как положено, а не административным ресурсом?

В экономическом сообществе, которое отчетливо понимает насущность новой индустриализации – наукоемкой и высокотехнологичной, важно максимально сблизить подходы и позиции по острым вопросам неоиндустриальной политики России, включая тематику темпов социально-экономического развития, собственности и вертикальной интеграции, сочетания косвенных и прямых методов централизованного регулирования, формирования национального планово-координационного агентства, организации системных условий и стимулов для обеспечения динамичного и качественного роста народного хозяйства.

Думается, настало время четко определиться, от чего к чему идет Россия, каким путем, какое общество стремится построить и какое место занять в мире, каково при этом значение неоиндустриальной реконструкции. Особое внимание следует уделить обобщению конкретных мер и решений, направленных на точно выверенную замену экспортно-сырьевой модели моделью неоиндустриального развития нашей страны – с учетом институционального, организационного и кадрового обеспечения столь ответственного системного маневра.

На наш взгляд, было бы целесообразно подготовить и провести *Всероссийское экономическое совещание по новой индустриализации* – деловое, строго предметное. Не парад мнений важен, а системные решения по вопросам неоиндустриального разворота России. При этом нужна тщательная организация, с настроен на результативность, для чего требуется ответственное взаимодействие государственных органов, научных и общественных структур, экономических изданий. Итоги проделанной работы, несомненно, помогли бы переходу нашей страны на путь динамичного наращивания экономической мощи.

¹Там же. С. 147.

Е. Alpatova,
doctor of Economic Sciences, professor,
branch of Kazan (Volga region) Federal
University in Naberezhnye Chelny

Э. Алпатов,
доктор экономических наук, профессор
филиала Казанского (Приволжского)
федерального университета в г.
Набережные Челны

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

Аннотация.

В статье обосновывается необходимость неоиндустриальной модернизации в стране как безальтернативного условия прогрессивного преобразования экономики. Доказывается, что в условиях господства олигархического режима это возможно только в случае приоритетной и первоочередной политической модернизации, направленной на демократизацию общественно-политического устройства общества. Государство может выступить не только как субъект необходимых системных перемен, но должно само в качестве объекта подвергнуться институциональному реформированию. Условием таких системных трансформаций является общественно-политическая активизация общества, его решимость и готовность бороться за демократические преобразования и активно противодействовать господствующим антимодернизационным слоям.

Ключевые слова: неоиндустриальная модернизация, деиндустриализация, частная собственность, государственная собственность, деприватизация, политическая модернизация, «командные высоты» в экономике, эксклюзия, институциональные условия, олигархический режим

В журнале «Вопросы экономики» (№3, 2014) была опубликована статья Б.Корнейчука «Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» [1], вызвавшая резкую критику изложенных в статье положений со стороны главного редактора журнала «Экономист» С.Губанова [2].

Полемическая заостренность приведенных доводов располагает к размышлениям в области проблематики данной темы, и, в первую очередь, ее главного вопроса – о необходимости и степени безотлагательности неоиндустриализации и методах ее возможной реализации.

Начнем с того, что в поисках новой формулы экономического развития России сравнительно недавно в отечественной экономической литературе поднята проблема неоиндустриализации, в последние 2-3 года она обсуждается особенно активно.

Автором данной статьи неоднократно в работах [3] и выступлениях доказывалась необходимость модернизации, экономическим содержательным наполнением которой может стать неоиндустриализация.

Очевидно, что экономика и социальная сфера в России вследствие нелегитимного и несправедливого передела собственности подверглись масштабной деиндустриализации и деградации, сопровождаемых беспрецедент-

ным по своим масштабам падением качества жизни населения. Если в дорыночном 1990 году доля государственного сектора составляла 91% всех производственных фондов, а негосударственного – 9%, то в 2009г. эти показатели поменялись местами, составив соответственно 22% и 78%.

Мы не случайно приводим цифры, показывающие долю, и, следовательно, место и роль государственной собственности в системе собственнических отношений, экономической системе вообще. Тем самым хотелось бы подчеркнуть, что стремительная и несправедливая¹ приватизация во многом является причиной основательного дряхления некогда мощной материально-технической базы производства (основные производственные фонды изношены на 70-80%). Накопленный в советское время научно-технический потенциал в последующие, рыночные времена был в значительной степени утерян, о чем свидетельствует сопоставление ряда ключевых показателей экономики России в дорыночный период и в настоящее время. Технологический уровень производства в России в настоящее время составляет 20-25% уровня 1990г.

Олигархический клан частных собствен-

¹ Категория «справедливости» и в философском, и в экономическом плане – тема для отдельного разговора.

ников оказался крайне не заинтересован в инвестициях в инновационное развитие, его вполне устраивает извлечение экспортно-сырьевой ренты. Китай ежегодно вкладывает в НИОКР 60 млрд долл., Япония – 100 млрд долл., Россия же – всего около 6 млрд долл. В итоге на сегодняшний день доля российской наукоемкой продукции на мировом рынке составляет всего 0,3%, в то время как доля США – 36%, Японии – 30%, Германии – 9,5%, Китая – 6%.

Существующая ситуация не означает заведомой неэффективности частной собственности, показавшей себя как неотъемлемый атрибут успешного развития рыночной экономики в других странах. Вместе с тем данная ситуация также не дает оснований утверждать, что постулат о неэффективности государственного управления имеет универсальный характер. Конечно, отечественная практика реализации экономической политики его подтверждает в силу того, что ее осуществляют государственные чиновники, заинтересованные в административной ренте как с государственной, так и с частной собственности.

Достаточно большое число как ученых, так и обывателей по инерции считает, что государство обладает приоритетным правом на собственность в стратегических отраслях экономики, не соглашаясь с расхожим тезисом о неэффективности государственного управления экономикой. В качестве примера приводят, как правило, приватизацию нефтяной, оборонной промышленности, реформирование электроэнергетики, действительно носившие неправомерный характер.

С нашей точки зрения, соотношение между формами собственности необходимо изменить в пользу государственной. В Германии и Франции государственный сектор превышает 50%, причем в обеих странах, и особенно во Франции, государственные и смешанные корпорации эффективнее, чем частные предприятия. В российских условиях с учетом историко-культурных традиций, ментальных особенностей нации, интересов различных социальных страт выбор между доминантной ролью государственной или частной собственности в системе собственнических отношений – это выбор между двух зол. Если не осуществить

деприватизацию собственности с выкупом (или без выкупа в случае незаконной приватизации предприятий), олигархический класс будет продолжать обогащаться за счет безудержной эксплуатации работников наемного труда и ресурсного потенциала страны, а уровень и качество жизни преобладающего большинства российских жителей будет неуклонно снижаться.

«Командные высоты» в экономике должны быть возвращены государству, т.е. национализированы, ибо только эта мера способна обуздать безудержную алчность и неуемную жажду наживы несовершенного человека и способствовать постепенному извращению от чувства глубокой социальной эксклюзии подавляющего большинства населения нашей страны. Это необходимое условие реализации неоиндустриальной модернизации, без которой она состояться не может. Между тем дальнейшее созидательное и прогрессивное развитие общества, формирование постиндустриальной экономики знаний невозможны без развития индустриальной системы на современном технологическом уровне.

Стратегические цели экономической политики не могут быть осуществлены без создания жестких институциональных условий функционирования государственного аппарата, ответственного за результаты деятельности предприятий государственной формы собственности. Государственное регулирование крупного бизнеса абсолютно не исключает всемерного государственного стимулирования частного малого и среднего бизнеса (так, в США в сфере малого бизнеса работают 90% от числа всех зарегистрированных предприятий).

Теперь главный вопрос – возможно ли подобное направление экономического развития. Очевидно, в нынешних политических и экономических реалиях – нет. Существующий олигархический режим будет стремиться всеми доступными ему средствами вплоть до прямого насилия удержать свою власть – с этой целью осуществляется подкуп политической элиты, правоохранительных структур и с этой же целью часть сверхдоходов от продажи экспортных ресурсов выделяется на ослабление социального напряжения. Нежелание и

неспособность правящей элиты к созданию фундаментальных предпосылок неоиндустриальной модернизации, стремление ограничиться декларациями инноватизации экономического развития представляет собой главное препятствие для ее реализации.

Инициатором экономической модернизации, нацеленной на переход к интенсивному типу экономического роста, может быть государство как главный субъект необходимых системных перемен. Однако эта задача чрезвычайно трудная и сложная, ибо, чтобы быть способным создать условия для модернизации, государство должно само подвергнуться институциональной трансформации, направленной на демократизацию политической системы.

К сожалению, «чистые» экономисты уделяют недостаточное внимание вопросу взаимозависимости политической и экономической модернизации, между тем как в особенности в последнее время стало совершенно очевидно, что преодолеть существующий системный экономический кризис исключительно за счет экономических решений невозможно. Более того, первоочередной и вполне автономной является политическая модернизация. Начинать надо с институциональных реформ, предполагающих:

- снятие барьеров для конкурентной политической борьбы, демонополизацию однопартийной системы;
- реальное, а не декларируемое разделение властей;
- верховенство закона для всех социальных страт, в том числе для элиты;
- формирование правового государства и развитие гражданского общества;
- реализацию принципа верховенства права и независимости суда;
- реальную сменяемость власти;
- обеспечение реальной свободы слова, честных и свободных выборов;
- существенное снижение бюрократического давления на бизнес;
- решительную, а не имитируемую борьбу с коррупцией и казнокрадством;
- установление реально действующего механизма социального контроля общества над властью;

– преодоление колоссального социального расслоения общества.

Условия, как видим, практически невыполнимые в существующих реалиях, поскольку для их реализации власти пришлось бы отказать от своих узкогрупповых интересов, особенно рентных, а это, надо полагать, в планы власти не входит. К тому же пришлось бы сосредоточить усилия на непривычных направлениях: налаживание качественно иных взаимоотношений власти и гражданского общества, установление реально действующего механизма социального контроля общества над властью, включая ответственность государственных служащих за фактические результаты их деятельности или бездеятельности.

К тому же, что еще труднее, модернизация не может состояться без общественно-политической активизации общества, без его готовности бороться за демократические преобразования, без повышения роли человека в обществе. Другими словами, в общественном сознании (культурологический аспект модернизации) должно сложиться убеждение в необходимости активно противодействовать господствующим антимодернизационным слоям в их стремлении к неограниченной власти над обществом, к накоплению собственности и ее выводу из России в ущерб интересам страны. Потребности страны предполагают новую смену общественной системы, лучше эволюционную, но не исключено, что, в конечном счете, революционную, поскольку потенциальная общественная энергия вряд ли найдет выход в легитимном поле.

Совершенно очевидно, что если Россия не примет модернизацию в качестве условия прогрессивного преобразования экономики, государства и общества, то мы обречены на тягостное и мучительное существование по правилам дикого периферийного капитализма.

Литература

1. Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. – 2014. – №3. – С.141-149.
2. Губанов С. Неоиндустриализация России и полемика по поводу ее методов // Региональный экономический журнал. 2014. №2(6).

С.83-92.

3. Алпатова Э.С. Экономическая модернизация в России и условия ее реализации // Актуальные вопросы модернизации национальной экономики Украины: сб. материалов I Всеукр. науч.-практ. конф. (30-31 янв. 2014г.). – Днепропетровск: Была К.О., 2014. – 122 с. ISBN 978-617-645-159-4.